

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 21. № 2

Volume 21. No. 2

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2022

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LOGOS ET PRAXIS

2022

Том 21. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LOGOS ET PRAXIS

2022

Volume 21. No. 2

LOGOS ET PRAXIS

2022. Vol. 21. No. 2

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Cand. Sc. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)

Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Sen. Res. *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary); Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.N. Lebedeva* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.R. Lychkovskaya* (Odessa, Ukraine); Dr. Sc., Prof. *A.I. Pigalev* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Tereshchenko* (Minsk, Belarus); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editor of English texts *E.A. Eltanskaya*

Making up: *O.N. Yadykina*

Technical editing: *N.M. Vishnyakova, O.N. Yadykina*

Passed for printing Aug. 26, 2022.

Date of publication: Oct. 20, 2022.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 10.0. Published pages 10.7.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–28).

Order 109. «C» 27.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2022. Т. 21. № 2

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-69699** от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: jvolsu7@gmail.com

Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. *С.Б. Токарева* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. *Е.Н. Васильева* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. социол. наук *М.Б. Полтавская* (г. Волгоград)
канд. филос. наук *Т.С. Горина* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

ст. науч. сотр. *Аксади Юдит* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р филос. наук, проф. *Л.В. Баева* (г. Астрахань);
д-р социол. наук *Н.В. Дулина* (г. Волгоград); д-р экон. наук, проф. *Н.Н. Лебедева* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.Р. Лычковская* (г. Одесса, Украина);
д-р филос. наук, проф. *А.И. Пигалев* (г. Волгоград);
д-р социол. наук, доц. *О.В. Сергеева* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *А.Л. Стризов* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.В. Терещенко* (г. Минск, Беларусь); д-р филос. наук, проф. *В.Б. Устьянцев* (г. Саратов)

Редактор английских текстов *Е.А. Елтанская*
Верстка *О.Н. Ядыкиной*
Техническое редактирование *Н.М. Вишняковой,*
О.Н. Ядыкиной

Подписано в печать 26.08.2022 г.
Дата выхода в свет: 20.10.2022 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,7.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).
Заказ 109. «С» 27.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Пигалев А.И., Карчагин Е.В. «Философия – это тексты»: беседа с Александром Ивановичем Пигалевым 5

ФИЛОСОФИЯ

Довгаленко Н.В. Осмысление рациональности как духовного способа *existence* 17

Шумской А.В. Кантианство в раннем творчестве Н. Бердяева (1900–1910 гг.) 25

Излученко Т.В.
Структурно-функциональные особенности религиозной экстремистской деятельности: между иерархичностью и сетевизацией 33

Маулана А. Исламская мысль в эпоху постмодерна: философия Хасана Ханафи 43

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Воденко К.В. Формирование и развитие институциональной системы обеспечения культурной безопасности региона 51

Стризов А.Л., Храпова В.А. Текст региональной культуры: инвариантные черты и конкретные особенности 60

Ярмак О.В., Большакова М.Г., Савина З.С., Маранчак А.Г. Акторно-сетевые конструкции коллективной исторической памяти 73

Гоголева Е.Н. Информационная политика органов местного самоуправления в сети Интернет как фактор социетальной регуляции: социологический анализ 81

Светличная Т.Г., Смирнова Е.А. Медикализация девиаций как инструмент социального контроля 91

CONTENTS

Pigalev A.I., Karchagin E.V. “Philosophy is Texts”: Conversation with Alexander Ivanovich Pigalev 5

PHILOSOPHY

Dovgalenko N.V. Comprehending Rationality as a Way of Spiritual Existence 17

Shumskoy A.V. Kantianism in the Early Works of N. Berdyaev (1900–1910) 25

Izluchenko T.V.
Structural and Functional Features of Religious Extremist Activity – Between Hierarchy and Networkization 33

Maulana A. Islamic Thought in the Postmodern Era: The Philosophy of Hasan Khanafi 43

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Vodenko K.V. Formation and Development of the Institutional System for Ensuring the Cultural Security of the Region 51

Strizoe A.L., Khrapova V.A. The Text of Regional Culture: Invariant Features and Specific Features 60

Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Savina Z.S., Maranchak A.G. Actor-Network Structure of Collective Historical Memory 73

Gogoleva E.N. Information Policy of Local Authority in Internet as a Factor of Societal Regulation: Sociological Analysis 81

Svetlichnaya T.G., Smirnova E.A. Medicalization of Deviations as a Tool of Social Control 91

**“PHILOSOPHY IS TEXTS”:
CONVERSATION WITH ALEXANDER IVANOVICH PIGALEV**

Alexander I. Pigalev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeniy V. Karchagin

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The text is an interview with Alexander Ivanovich Pigalev, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Department of Philosophy, Volgograd State University. In 2022, Professor Pigalev turned seventy years old. The interview took place in August 2022. A.I. Pigalev talks about his path to philosophy, the circumstances of his professional development, the thinkers who influenced him, the key issues of our time, the philosophical technique of thinking, and the peculiarities of his work as a philosopher and translator of philosophical texts. A.I. Pigalev became interested in philosophy while studying at the Faculty of Physics of Gorky University, where he studied quantum field theory, thanks to his acquaintance with V.V. Kalinichenko and A.I. Alyoshin. After graduating from the university A.I. Pigalev enters the graduate school of Moscow State University. M.V. Lomonosov, where he writes and successfully defends his Ph.D. thesis on the ideological aspects of science. In Moscow, thanks to the founded V.I. Kuptsov, head of the Department of Philosophy of the natural faculties, the postgraduate seminar managed to listen to more than a dozen lectures by famous Moscow philosophers, among whom was E.V. Ilyenkov. A.I. Pigalev was influenced by soviet (P.P. Gaidenko and M.K. Mamardashvili), and foreign (M. Heidegger, T. Adorno, J.-P. Sartre, Hegel) thinkers. A.I. Pigalev discusses the circumstances of the translations of texts by J.-P. Sartre, E. Rosenstock-Hussy. A.I. Pigalev talks about the technique of philosophical thinking, which refers to the ways of approaching the subject, the ability to see its internal logic and its contexts, to formulate a philosophical problem, to navigate philosophical currents, to understand their origins and goals. The most important issue of our time Professor Pigalev calls the problem of attitude to modern and the modernization processes through which cultures and national philosophical traditions go through. In particular, sophiology is a doctrine of a special type of integrity, an inclusive model of unity, built on an inclusive, conjunctive principle. At the end of the conversation, Professor Pigalev shares the details of his work on his texts.

Key words: A.I. Pigalev, biography, philosophy, interview, philosophical thinking.

Citation. Pigalev A.I., Karchagin E.V. “Philosophy is Texts”: Conversation with Alexander Ivanovich Pigalev. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 5-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.1>

**«ФИЛОСОФИЯ – ЭТО ТЕКСТЫ»:
БЕСЕДА С АЛЕКСАНДРОМ ИВАНОВИЧЕМ ПИГАЛЕВЫМ**

Александр Иванович Пигалев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Владимирович Карчагин

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Текст представляет собой интервью с Александром Ивановичем Пигалевым, доктором философских наук, профессором, ведущим научным сотрудником кафедры философии Волгоградского государственного университета. В 2022 г. профессору Пигалеву исполнилось семьдесят лет. Беседа состоя-

лась в августе 2022 года. А.И. Пигалев рассказывает о своем пути в философию, обстоятельствах своего профессионального становления, о повлиявших на него мыслителях, ключевых вопросах современности, философской технике мышления и особенностях своей работы философа и переводчика философских текстов. А.И. Пигалев заинтересовался философией во время обучения на физическом факультете Горьковского университета, где занимался квантовой теорией поля, благодаря знакомству с В.В. Калиниченко и А.И. Аleshину. После окончания университета А.И. Пигалев поступает в аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова, где пишет и успешно защищает кандидатскую диссертацию, посвященную идеологическим аспектам науки. В Москве, благодаря основанному В.И. Купцовым, заведующим кафедрой философии естественных факультетов, аспирантскому семинару удалось прослушать более полутора десятков лекций известных московских философов, среди которых был Э.В. Ильенков. Из отечественных философов на А.И. Пигалева сильное влияние оказали: П.П. Гайдено и М.К. Мамардашвили. Из зарубежных мыслителей: М. Хайдеггер, Т. Адорно, Ж.-П. Сартр, Гегель. А.И. Пигалев рассказывает об обстоятельствах переводов текстов Ж.-П. Сартра, О. Розенштока-Хюсси. А.И. Пигалев рассказывает о технике философского мышления, под которой понимаются способы подхода к предмету, способность видеть его внутреннюю логику и его контексты; а также способность сформулировать проблему именно как философскую, умение ориентироваться в философских течениях, понимать их истоки и цели. Важнейшим вопросом современности профессор Пигалев называет проблему отношения к модерну и модернизационные процессы, через которые проходят современные культуры и национальные философские традиции. В частности, софиология представляет собой учение об особом типе целостности, инклюзивную модель единства, построенную по инклюзивному, конъюнктивному принципу. В заключение беседы профессор Пигалев делится особенностями своей работы над своими текстами.

Ключевые слова: А.И. Пигалев, творческая биография, философия, интервью, философское мышление.

Цитирование. Пигалев А. И., Карчагин Е. В. «Философия – это текст»: беседа с Александром Ивановичем Пигалевым // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.1>

Евгений Владимирович Карчагин: Здравствуйте, Александр Иванович! Спасибо, что согласились дать интервью. Давно, честно говоря, хотел поговорить с Вами о Вашем пути в философии, о том, что Вы делаете как ученый, как автор. Возможно, Вы поделитесь какими-то моментами, которые могут помочь людям, начинающим интересоваться философией, или будут небезынтересными для тех, кто следит за Вашим творчеством. Предлагаю начать со времени появления философии в Вашей жизни. Как получилось, что Вы обратились к философии? Когда это случилось?

Александр Иванович Пигалев: Со мной произошла история довольно интересная, но думаю, что нечто подобное могло происходить со многими. В школе я интересовался физикой и думал, что в будущем я буду заниматься этой наукой, и поступил на физический факультет Горьковского тогда, сейчас Нижегородского, университета. На кафедре теоретической физики я специализировался, и к концу второго курса, перед самым началом специализации, я начал понимать, что в общем-то в физике меня интересует не сама физика, а ее философские аспекты и вообще, в более широком контек-

сте, философские проблемы, связанные уже не только с физикой.

Е.К.: Перебью Вас, Александр Иванович. У вас уже был тогда курс философии на первом или на втором курсе или это Вы, скажем, отрефлексировали сами, что Вас скорее философские вопросы интересуют?

А.П.: Нет, я начал понимать это сам. Хотя у нас был очень интересный курс философии, который читал один из преподавателей тогдашней кафедры философии и который в общем-то выходил за пределы канонического курса и свежо описывал такие проблемы философии науки, которые тогда очень редко затрагивались в преподавании. Хотя некоторые преподаватели о них уже говорили. И здесь, как это часто бывает, вы знаете, когда начинаете заниматься какой-нибудь проблемой, вдруг обнаруживается, что ты пошел в книжный магазин и нашел книгу, которая тебе нужна по этой проблеме, или обнаружил в интернете что-то подобное. Там, в Нижегородском университете произошла встреча с человеком, который, собственно, стимулировал мое дальнейшее движение в сторону философии. Это был ныне покойный Владимир Валентинович Калиниченко, который учился сначала в Москве, но потом по семейным обстоятельствам

ему пришлось вернуться в Нижний Новгород, и он стал со мной интенсивно общаться. Он как-то почувствовал у меня интерес к философии, и начал со мной разговаривать. Это был очень интересный человек.

Е.В.: Он был студентом в ту пору?

А.П.: Да, он был студентом, опережал меня на один курс, но по возрасту был старше меня года на четыре. Он брал академический отпуск, и были другие факторы. Тот преподаватель, который у нас вел философию, потом, как мне рассказывали, говорил в то время, что в Горьком появился такой студент (говорил он о Калиниченко), который все знает в философии, с которым можно говорить как с профессионалом. Но Калиниченко был еще интересен тем, что он знал очень многих московских философов. Он был человек общительный, ценил знакомство с интересными людьми и общение с ними. Он знал С.С. Хоружего, П.П. Гайдено, потом впоследствии стал аспирантом Мераба Константиновича Мамардашвили. Поэтому о тех научных проблемах, о которых говорил с ним Мамардашвили в связи с диссертацией, я тоже частично узнавал. И Калиниченко (Володя, как я его тогда называл) постоянно и с загадочной настойчивостью меня агитировал, что нужно вообще идти уже профессионально заниматься философией, и это возымело какой-то эффект. То есть я окончил физический факультет, но писал дипломную работу, в которой затрагивались и философские проблемы физики, что тогда было не совсем обычным явлением. И потом был еще один горьковский философ, сейчас тоже уже покойный, Альберт Иванович Алешин, который взялся меня курировать, руководить моим вхождением в философию. Впоследствии он работал в Институте философии РАН, в РГГУ, и после его смерти проводились «Алешинские чтения» в его память. После этого меня приняли на кафедру философии, где я два года примерно проработал ассистентом с перспективой поступления в аспирантуру. Там были всякие сложности, в общем я уже думал, что все надолго откладывается. И вдруг неожиданно в ответ на заявку кафедры на место в аспирантуре приходит приглашение из Москвы, из МГУ им. М.В. Ломоносова, куда я и поехал. Тогда там была кафедра, преподаватели ко-

торой вели курс философии у студентов, изучавших физико-математические и естественные науки, она не входила в философский факультет. Была также кафедра философии для гуманитарных факультетов. Кафедрой философии, на которой я обучался в аспирантуре и занимался написанием кандидатской диссертации, заведовал известный философ Владимир Иванович Купцов. Соответственно, моя диссертация была посвящена философским проблемам науки, то есть точнее идеологическим аспектам науки, и она была защищена даже немного раньше срока. После защиты в силу ряда причин мне не удалось продолжить работу в Горьком, и в 1979 г. я вернулся в Волгоград. В родном городе работал сначала четыре года в политехническом институте, а с 1983 г. работаю в ВолГУ.

Е.К.: Александр Иванович, давайте еще немного задержимся на этом Горьковском и Московском периоде. Вы сказали о том, что в процессе занятия физикой Вас заинтересовали философские вопросы и затем кандидатскую диссертацию Вы защитили по идеологическим основаниям естественных наук. На втором курсе Вас именно этот аспект привлек или, скажем так, мировоззренческий? Физика же объясняет природу. Возможно, Вас скорее метафизические вопросы заинтересовали?

А.П.: Это были общие вопросы, конечно. Но поскольку я был поставлен в определенные рамки, я должен был писать в рамках философских вопросов физики, то это и было сделано. Философские вопросы стали компонентом дипломной работы на физическом факультете. Понимаете, ведь никогда почти не получается что-то сказать или что-то написать исключительно в режиме «свободного плавания», всегда есть какие-то ограничения. Ты пишешь в какой-то сборник или журнал, и ты знаешь предпочтения журнала и так далее. Поэтому я всегда помнил фразу, которую где-то услышал в свое время: «Стреложная мысль разит сильнее». Стреложная не в смысле ограничений каких-то идеологических, а вообще в некоторых отношениях ограниченная, поскольку поставлена в определенные рамки. Ты вынужден говорить именно на этом языке, выражать мысль в этих терминах, и иногда некоторые формулировки оказываются при этом значительно более вы-

разительными, выпуклыми, значительно более интересными и глубокими, чем если бы ты просто свободно пытался говорить без учета «адресата».

Е.К.: А вот задним числом насколько Вы оцениваете, серьезным ли было влияние естественно-научного образования? Помогло ли это Вам, или наложило ограничения? В общем как бы Вы оценили то, что Вы перешли из физики в философию?

А.П.: Во всяком случае, я не жалею об этом. Я думаю, потому что, во-первых, это позволяет мне не испытывать «комплексов» по отношению к физическому знанию. Я занимался на кафедре теоретической физики квантовой теорией поля, это очень серьезная математика, это очень серьезные прочие навыки. То есть это тогда считалось своего рода «высшим пилотажем». Такая подготовка не позволяла мне чувствовать, что есть области знания, которые я совсем не понимаю, и там есть что-то такое, что мне трудно понять, что, возможно, было бы мне полезно, но я не знаю. Во-вторых, это связано с тем, что такая подготовка дисциплинировала мышление определенным образом. Понимаете, ведь многие думают, что философия – это такой свободный дискурс. Когда можно просто свободно говорить обо всем на свете и высказывать свое «мнение». Я впоследствии студентам всегда говорил, что если вы изучаете философию, то это все равно, что изучать музыку. То есть вы не можете играть на скрипке, не потратив годы на то, чтобы научиться играть на этом инструменте. Точно так же философия требует владения определенной техникой мышления. Есть у человека философский дар или нет, это проявится позже. Но чтобы дар проявился, необходимо, чтобы уже была определенная техника мышления. Без этой техники все будет очень «рыхло» и совершенно непрофессионально.

Е.К.: А что Вы понимаете под техникой философского мышления?

А.П.: Под этим термином я понимаю способы подхода к предмету, способность видеть его внутреннюю логику и его контексты. Это также способность сформулировать проблему именно как философскую, умение ориентироваться в философских течениях, понимать их истоки и цели. Многие люди ду-

мают, что философия это что-то вроде обыденного мышления, только как бы чуть-чуть более строгое. Это не так. К сожалению, «технике» обучают молодых философов далеко не всегда в достаточной степени. И поэтому здесь есть определенные трудности. Здесь важны два момента. Во-первых, сознание того, что в определенных областях знания исследователь может хорошо разбираться. Во-вторых, способность мыслить профессионально в области самой философии, что достигается некоторой дисциплиной мышления.

Е.К.: Это все пришлось на 70-е годы, на советскую эпоху. Духовная жизнь Советского Союза была дисциплинирована идеологически, то есть с другой стороны, не с внутренней, а с внешней. Насколько Вас это затронуло? Как Вы воспринимали в ту пору марксистско-ленинскую идеологию? Как Вы выживали в этой среде?

А.П.: Я не сказал бы, что в годы обучения в аспирантуре я был сильно чем-то ограничен. Потому что В.И. Купцов, заведующий кафедрой философии естественных факультетов был человеком деятельным, и это был для него один из первых таких многочисленных наборов аспирантов на кафедре. Стремясь сделать все как можно лучше, он организовал семинар для аспирантов, куда он приглашал известных московских философов. Нам пришлось или, может быть, даже повезло прослушать более полутора десятков лекций. Например, незадолго до своей смерти приходил Э.В. Ильенков, которого удалось послушать «вживую». Ну и, понимаете, сама московская среда. Там всегда проходили какие-то семинары, какие-то лекции. Например, я послушал часть лекций по современной западной философии М.К. Мамардашвили во ВГИКе. Когда он начал читать курс, туда всех пускали со стороны, и было очень много слушателей. Потом, видимо, руководство института спохватилось и стало ограничивать проход на лекции, пуская только своих студентов. Но, тем не менее, те лекции, которые мне удалось посетить, производили очень сильное впечатление. Вы знаете, когда Мамардашвили читал лекции, то на столе перед ним стояло 4–5 диктофонов, принесенных слушателями, которые записывали все. Сравнительно недавно тексты этих лекций изданы дочерью

Мамардашвили. При этом нужно сказать, что Мамардашвили даже по меркам того времени ничего недопустимого на лекциях не говорил. Это были очень интересные лекции, в которых он демонстрировал такую культуру мышления, о существовании которой многие из нас в то время даже не подозревали. Он почти не оперировал какими-то строгими понятиями, скорее, обращался к образам и метафорам, и эффект был завораживающим. Это все сохранилось в текстах, сейчас доступных любому интересующемуся, и атмосферу тех лекций можно почувствовать, хотя впечатление, конечно, не будет таким сильным, каким оно было у слушателей непосредственно в аудитории. То есть Мамардашвили был вообще потрясающий лектор. Так что возможности для углубленных занятий были. Кроме того, были библиотеки. Была библиотека ИНИОН и была Библиотека иностранной литературы (ВГБИЛ). И если был интерес, то можно было прийти, заказать книгу, и с ней поработать несколько дней. Большинство зарубежных изданий можно было использовать при работе над диссертацией. Я очень много времени провел в этих двух библиотеках. Библиотека иностранной литературы в этом смысле более оперативная, нужно было ждать книгу часа полтора-два. А в ИНИОН книга приходила только на следующий день, чтобы ее можно было начать читать. То есть там все было как бы более консервативно. Но в принципе, если было желание, то можно было получить очень много информации, на которую я потом опирался при написании диссертации.

Е.К.: Можно ли сказать, что сейчас человек, который занимается философией, находится в условиях, которые лучше чем пятьдесят лет назад?

А.П.: Я думаю, что да. Для научной работы это так, потому что выходит много переводов. Более доступными стали иностранные издания в тех же библиотеках. Скажем, здесь, в Волгограде, я в первые годы очень активно пользовался межбиблиотечным абонементом, когда книгу заказываешь, она к тебе приходит по почте из той же ВГБИЛ и можно здесь поработать месяц с книгой. Я думаю, что в целом по части информации сейчас намного лучше. Я помню, Мамардашвили говорил как-то, не лично мне, естественно,

а где-то в разговоре, что «мы люди без информации», мы люди, лишённые информации. Однако книги – это ведь уже такое «застывшее», итоговое на определенном этапе знание. Важны также журнальные статьи, а с ними было значительно сложнее. Но, разумеется, условия для философской работы не сводятся только к доступности информации.

Е.К.: Вы говорили о том, что сейчас много переводов, и Вы занимались в библиотеке иностранной литературы. Вы известны еще как переводчик с нескольких европейских языков. Почему и как Вы вообще начали учить иностранные языки? Это в школе было или это как раз было вызвано необходимостью приобщиться к мировой философской классике и современным актуальным авторам?

А.П.: В изучении иностранных языков главным является стимул, мотивация. Когда человек учит язык просто потому, что ему нравится, скажем, французский язык, как он звучит и так далее, но он не знает, зачем ему это вообще нужно, то я Вас уверяю, что толка не будет. То есть в принципе язык хорошо изучается, если вы знаете, что вам нужно это для того, чтобы что-то сделать конкретное, прочитать какую-нибудь статью или книгу и так далее. Английский язык я изучал в школе, это была специальная школа с углубленным изучением английского языка. Я и сейчас на нем говорю, читал лекции по-английски для американских студентов в ВолГУ, пишу статьи. Остальные языки я учил сам. Тот, кто учил языки, знает, что нет понятия «знать язык» вообще. Существуют просто разные уровни знания языка: бывает низкий уровень, бывает более высокий. Скажем для работы с философскими текстами нужно, в основном, пассивное знание языков.

Е.К.: Немецкий и французский Вы учили уже для философии?

А.П.: Да. Я думаю, что для философии знание немецкого языка необходимо. В силу того, что сделала Германия и немецкая культура в философии – это очень важно. Меня интересовала во время аспирантуры Франкфуртская школа: Т.В. Адорно, М. Хоркхаймер. А у них, нужно сказать, очень специфический немецкий язык, особенно у Адорно. Я по молодости безуспешно пытался прояснить для

себя некоторые трудности, особенно лингвистические особенности текстов М. Хайдеггера у немцев, знакомых немецких студентов и аспирантов в МГУ. Вы понимаете значение Хайдеггера для философии, в том числе и для философии языка. Но потом я понял, что в каком-то смысле я, не будучи носителем языка, в некоторых случаях нахожусь даже в более выгодном положении, потому что у меня нет тех смыслов, которые сращены с немецкими словами у носителей языка. И в этом отношении восприятие смыслов оказывается более прямым. Естественно, язык Хайдеггера уникален. Кстати, если вы посмотрите зарубежные философские журналы, то там чаще всего цитируются М. Хайдеггер и Л. Витгенштейн.

Е.К.: Была шутка, что в XX веке было четыре великих философа: ранний Хайдеггер, поздний Хайдеггер, ранний Витгенштейн и поздний Витгенштейн.

А.П.: Возможно, это и так (смеется).

Е.К.: Получается, немецкий и французский Вы изучали для того чтобы читать ключевых авторов в оригинале. А как Вы решили заниматься именно переводами? Насколько я знаю, у Вас вышел перевод одной из работ Ж.-П. Сартра еще в советские годы, а в девяностые годы Вы активно переводили уже О. Розенштока-Хюсси и соответственно это были переводы с немецкого и английского.

А.П.: В случае Сартра это была некоторая случайность. Я участвовал в сборнике по феноменологической философии, который выходил в Риге на русском языке. Я написал статью о Сартре. Сартр тогда еще не был переведен, я имею в виду его основное произведение «Бытие и ничто». И организаторы этого сборника спросили, не могу ли я перевести маленькую, но очень знаменитую «статейку» Сартра на три страницы об интенциональности у Э. Гуссерля (на Западе она включена во многие сборники для студентов). Я согласился и перевел. Потом мне говорили даже, что на философских факультетах российских университетов ее включали в список работ, обязательных для изучения студентами. Потому что она, будучи крохотной по объему, на самом деле очень выразительна по сравнению с огромной основной книгой Сарт-

ра. В том плане, что в ней сконцентрирована сартровская энергетика, присутствует характерное для Сартра напряжение. А с книгами Розенштока-Хюсси я познакомился во время работы над докторской диссертацией. Мне показалось это очень интересным, но его никто не знал, как выяснилось.

Е.К.: А кто его завез в Россию, как его книги попали в Москву?

А.П.: Они были в библиотеке им. В.И. Ленина. Началось издание серии, по-моему, «Университетская книга». И во время каких-то своих поездок я встретился с редакторами этой серии, тоже неожиданно. Они говорят: «А вы не могли бы перевести?». Ну я тоже согласился. И перевел. Кроме того, потом выяснилось, что родственники Розенштока-Хюсси тоже были очень заинтересованы, чтобы его наследие как-то распространялось. И потом я, как человек, который соблюдает все правила, написал письмо его сыну, владеющему авторскими правами, и попросил разрешение перевести и издать. Разрешение я получил, и это было началом работы. Розеншток-Хюсси вызывал долгое время некоторое отторжение у нас. Он слишком своеобразен, и его мысль, его философия языка и философия культуры слишком далеко отходят от привычных представлений, и он не создал своей школы. Только в последние годы начал появляться некоторый спокойный профессиональный интерес к его идеям. В философской литературе тоже существует своя конъюнктура. Считается, что если все этого автора читают, то надо этим заниматься. То есть я перевел, потому что мне предложили перевести, это был не мой выбор. По затратам энергии перевод – это тяжелый труд. И я не всегда брался за переводы.

Е.К.: В общей сложности, получается, переводы Розенштока-Хюсси растянулись на несколько лет?

А.П.: Да. Это большие тексты. Я две книги подготовил. Это был конец 90-х годов. Были проблемы в издательствах. Но книги все же вышли в свет.

Е.К.: А есть ли у Вас переводы, которые не опубликованы, и Вы делали их для себя, или сказался фактор, о котором Вы говорили, что вам предложили или возникла счастливая случайность?

А.П.: Нет. В столе у меня ничего нет. Я просто читаю то, что мне нужно. Перевод займет огромное количество времени, а потом выяснится, что мне это не нужно. Вы знаете, инициатива почти всех моих переводов, исходила не от меня. Поэтому тут была хотя бы минимальная гарантия, что перевод выйдет. А если ты делаешь сам просто по собственной инициативе, потом пытаешься где-то опубликовать, то там возникают уже проблемы, и окажется, что твой труд надолго отсрочен или вообще остается в архиве.

Е.К.: Если вернуться в поле Вашего становления как мыслителя, то – мы уже некоторых авторов затронули – продолжая говорить о наиболее влиятельных для Вас авторах, и современниках, с которыми Вы лично общались, и из всемирного философского наследия, можете ли назвать еще несколько фигур?

А.П.: Из отечественных философов на меня очень сильное влияние оказали двое, пожалуй. Это Пиама Павловна Гайденко и Мераб Константинович Мамардашвили. Хотя ни с тем, ни с другим я на сто процентов не соглашаюсь. Есть моменты, в которых я расхожусь с ними, и понимаю некоторые вещи иначе. Если говорить о П.П. Гайденко, то у нее, несомненно, был дар учительства, ее тексты являются не только научными работами высочайшего качества, но и предназначены для обучения. Поэтому ее работы, в общем-то, хорошее чтение и для научной работы, и для учебы. Для Мамардашвили лекции были важны, и, насколько я знаю, он и многие свои книги написал на основе лекций. Многие его книги не написаны за письменным столом. То есть он писал книги, «проговаривая» их сначала на лекциях. По моим наблюдениям, ему нравилось читать лекции, но слушатели ему нужны были и для того, чтобы сформулировать определенные идеи для своих будущих книг.

Е.К.: А если перейти к фигурам, которые находятся за пределами Советского Союза и той действительности, в которой Вы воспитывались, то это будет Хайдеггер? Можете еще два-три человека назвать?

А.П.: Да, Хайдеггер и его в основном историко-философские подходы оказали на меня очень сильное влияние. Знаете его пер-

вая основная книга «Бытие и время» как-то сначала на меня не произвела сильного впечатления. Мне она показалась немного сухой, академичной. Я понимаю, что это тогда было связано с моей ограниченностью в понимании тех контекстов, в которых она создавалась, и тех целей, которые она преследовала. А вот поздние работы я довольно активно тогда читал, изучал. Хайдеггер, по сути дела, произвел такую своего рода революцию в историко-философской герменевтике. Это очень важно. Определенный интерес у меня вызывала Франкфуртская школа. Особенно Адорно. Я даже помню, что для одной энциклопедии написал статью по его книге «Негативная диалектика», такой дайджест книги. Сартр был интересен для меня своим стилем письма, если угодно. В его текстах чувствуется какой-то пульсирующий нерв, характерный именно для него. Его можно передать и на русском языке. Чувствуется также картезианская традиция. Он не описывает почти никогда образы, никогда не описывает какие-то внутренние смутные впечатления, у него достаточно четкая логическая схема: вот есть это, тогда из этого следует это, мы получаем тогда вот это, такие-то следствия и так далее. Но в целом гипертрофированный рационализм Сартра, эта картезианская линия, заставлял держать некоторую дистанцию. Сартр не очень на меня повлиял, кроме стиля. В принципе вот главные фигуры, но всегда появляются какие-то иные, с менее обширным наследием, если угодно, с менее обширным влиянием, которые тоже вызывают определенный интерес. Это всегда так. Вы понимаете, у нас нет, к сожалению, традиции, как, например, на Западе. Там есть такие, так скажем, серийные издания, которые называются, например, Companion to Husserl, Companion to Heidegger и так далее. Или существует серия Guidebook, руководств, скажем, для изучения этики Спинозы. К сожалению, в нашей традиции достаточно слабо выражена техника работы с первоисточниками, философскими текстами. Ведь если вы посмотрите на работы, например, Жюль Делеза, то это в основном историко-философские штудии, из которых и на основе которых возникает анализ. Кроме того, мне кажется плодотворной идея Хайдеггера философствовать через посредство истории

философии. То, что квалифицируется у Хайдеггера как историко-философский анализ, на самом деле есть и способ мышления. Он таким образом философствует, он выражает через историю философии какие-то смыслы, которые ни один комментатор, допустим, у того же Гегеля или Канта, не увидел. И в принципе ты видишь, что это совсем другие фигуры, не те, о которых ты думал, будто их вполне понимаешь. В то же время существует книги разных авторов, например о Канте, и после этих книг, когда я их прочитывал, я начинал осознавать, что я уже совсем не понимаю Канта. Если до чтения такой книги я считал, что что-то понимаю, то после чтения у меня возникало стойкое ощущение, что ситуация совсем запуталась. С Хайдеггером так почти никогда не бывает. Он всегда находит какие-то своеобразные аспекты и интерпретации, которые заставляют идеи автора «заиграть» по-иному.

Е.К.: А если обратиться не к фигурам XX века и фактически Вашим современникам Хайдеггеру и Сартру, то можете ли Вы назвать тех, кто на Вас повлиял из XIX, XVIII веков и более ранних авторов?

А.П.: Это, конечно, Гегель, прежде всего. Гегель до сих пор остается не до конца осмысленным. Даже если говорить только об англоязычной литературе, то постоянно выходят в свет книги о нем. И, кроме того, Гегель – это школа мышления. Тексты Гегеля создают впечатление, что он видит какую-то картинку, ясно ее видит, но вот дар описания у него дает сбой, и поэтому, когда он это описывает, все выглядит как что-то очень непонятное, что-то очень темное. Поэтому чтение Гегеля – это всегда попытка дешифровки. Очень важен также Кант. Понятно, что без Канта не было бы ничего, что было после него. Однако на меня он, в отличие от Гегеля, не производит такое же сильное впечатление, он мне кажется более педантичным и закрытым. Ну, естественно, это Платон. И вот сейчас, опять же все по случаю, нужно было написать статью о понятии энергии в философии, что заставило меня углубиться еще раз в Аристотеля. В результате некоторые концепции, которые находились на периферии интересов, обрели новые оттенки смысла. В этом отношении и я сам, и мои бывшие аспиранты

согласны в том, что когда начинаешь готовить лекционный курс, посвященный, например, немецкой классической философии, то на самом деле это такая отличная работа, которую ты начинаешь одним человеком, а заканчиваешь другим. Точно так же написание статей. Я не отношусь к числу тех счастливицков, которые могут сесть, подумать, у них уже статья сложилась в голове. Я формулирую какие-то подходы и идеи, только когда сижу и пишу, в самом процессе написания текста. Я знаю людей, которые сначала все продумывают, а потом просто записывают на бумаге, редактируют, дополняют, и их статья готова. Поэтому мои тексты пишутся довольно сложно. Потому что ты начинаешь писать с одними намерениями, а к середине уже понимаешь, что твои намерения изменились, и уже нужно что-то переделать. Так же и с осмыслением философского наследия Аристотеля. Хайдеггер говорил студентам, что вот вы тут философствуете, а вам надо было, может, лет 10–15 сначала посвятить изучению Аристотеля, а потом только самостоятельно что-то делать. Просветительская западная философия никогда не особенно меня интересовала. Поскольку мы живем как бы на окраине модерна, то есть мы соприкасаемся с культурой модерна, с модерном, то по сути дела основная проблематика всех национальных школ философии – это проблема отношения к модерну, даже если это не лежит на поверхности. Мы как к модерну относимся? Мы его принимаем, отвергаем, критикуем? А мы вынуждены как-то относиться. Особенность модерна заключается в том, что он не возникает в каждой стране, «когда приходит время». Сначала он возникает в Англии и Франции, а затем начинает распространяться, оказывая влияние на другие страны. Именно модерн, создавая «национальные государства», делает возможными национальные школы философии (скажем, до модерна, в европейском средневековье, строго говоря, не было ни английской, ни французской, ни русской, ни какой-либо еще философии, хотя и принято говорить о ранних формах философского знания в разных культурах, и это справедливо). Проблемы, возникающие из соприкосновения с модерном, определяют и проблематику национальных школ философии. В отечественной

философской традиции это вылилось в прогностическое состояние славянофилов и западников, которые затем искали точки соприкосновения, и символом примирения становится идея всеединства. Эти же смыслы присутствуют и в русской литературе, наиболее отчетливо, на мой взгляд, у Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. Поэтому мне трудно понять некоторых авторов, которые в стиле пересказа пишут о деталях взглядов каких-то очень далеких и никому не известных авторов. В сущности, я не против, но надо бы объяснить, как это нам помогает здесь и сейчас, что этот автор, может быть, нам позволяет увидеть, чего мы не видели раньше.

Е.К.: Вы могли бы стать кандидатом физико-математических наук. Есть же еще традиция наукообразной философии, связанная с англоязычной университетской философской академической традицией, с упомянутым уже Л. Витгенштейном, Берtrandом Расселом, аналитическая философия. Как вы к ней относитесь, насколько она, оказала ли она на Вас влияние, уважаете ли вы вот этот пласт философия?

А.П.: Я уважаю этот пласт философии, но он, за редкими исключениями, оставляет меня равнодушным. Мне понятно намерение этих философских школ провести строгий анализ языка, чтобы устранить все противоречия, и в этом смысле это такая встроенная в определенную культуру философия. Она интересна как проявление более глубоких устремлений. Это тоже любопытно как предмет анализа.

Е.К.: Например, чего они хотят в действительности?

А.П.: Вы понимаете, вся западная аналитическая философия в своем названии не скрывает ничего. То есть она, будучи аналитической, разлагает целое на части. Анализ. Разнимать, разделять.

Е.К.: Освобождать.

А.П.: И освобождать тоже, да. В этом смысле это такая форма осмысления индивидуализма, представление об индивидуальной свободе как о чем-то неограниченном и самодостаточном. В каком-то смысле она, может быть, является апологетичной. То есть если мы говорим об аналитической традиции в философии, то она хочет обосновать опре-

деленную антропологию, определенную социологию, определенную философию культуры, которые сейчас, нужно сказать, сталкиваются с серьезными вызовами.

Е.К.: Какие темы, вызовы, какие главные вопросы сейчас стоят перед нами, перед мыслителями, перед цивилизацией? Является ли это, скажем так, сквозными темами и вопросами или сейчас есть что-то новое?

А.П.: То, как я вижу это (может, это мое субъективное восприятие), сводится к тому, о чем я уже сказал: проблема отношения к модерну. Это проблема, которая стоит перед всеми. Знаете, я интересовался философскими школами культур, которые прошли через модернизацию, но отличаются от отечественной, в частности, философией Японии. И там очень похожие явления, и даже более отчетливо видно, чем в отечественной философии, что для них главной проблемой является отношение к модерну. Что делать с модерном? Должна ли быть частичная, выборочная модернизация, должна ли быть полная модернизация? Возможны ли какие-то синкретические, то есть смешанные формы культуры, объединяющие традиционную культуру с культурой модерна? Софиология в русской философии – это ведь учение об особом типе целостности, в которой все примиряется. Это инклюзивная, как сейчас принято говорить, модель единства, построенного по принципу *и/и*, в противоположность эксклюзивному, когда в соответствии с законом исключенного третьего господствует принцип *или/или*. Можно, конечно, заниматься частными проблемами, допустим, рассматривая их детали у Декарта, у Спинозы и других мыслителей. Но в принципе для того, чтобы это работало, исследования должны иметь в виду те цели, которые были поставлены в отечественной философской традиции, и в то же время учитывать тенденции развития философии в целом.

Е.К.: Ну а, например, что такое искусственный интеллект и этические проблемы, с этим связанные, или старая психофизиологическая проблема и современная философия сознания?

А.П.: Честно говоря, мне не нравятся постановки проблемы по типу «что это такое?» Мы тешим себя мыслью, что мы можем взять и сказать так: «А что такое руч-

ка?». И будем на это отвечать. Но точка зрения задается многими факторами. Нет однозначного подхода, когда я мог бы сказать, что вот я объяснил, что такое скажем принцип свободы и вот теперь вы знаете, что это такое. Поэтому здесь актуальность проявляется опосредованно. Как Эйнштейн говорил: «Я очень хорошо понимаю людей, которым нравится колоть дрова. Результат всегда налицо». А философия не живет таким способом, поэтому все попытки от философии потребовать вот так напрямую: «Вы скажите, как нам осуществить реформу, скажем, той или иной общественной структуры»... Это вопросы достаточно наивные. То есть философия так не работает. Сначала появляется философский текст. Потом появляются его читатели, которые начинают его интерпретировать и включают в общественную структуру его смыслы, потом начинают прорастать определенные следствия. Если это живая философия. Очень часто философские теории, возникнув, быстро умирают. И все. Если же философская концепция не умирает скоропостижно, то какие-то ее практические выводы прорастают только постепенно. А когда люди начинают спешить, то появляются попытки создать из философии что-то вроде практического психоанализа. Когда говорят, например, о некоей особой практической философии. Сейчас мы вам расскажем, как правильно жить. Если у вас есть проблемы, то мы...

Е.К.: «Идем к вам».

А.П.: ...объясним. В этом смысле философия требует большого терпения. Тому, кто хочет быстрого успеха, не надо идти в философию. Потому что быстрого успеха там не будет. Эти вещи очень медленно прорастают. Быстрый успех – предвестник не менее быстрого забвения.

Е.К.: Если главная современная философская проблема – это отношение к модерну и вообще судьба модерна, то если мы берем эпоху домодерновую, Средние века и Античность, то какие там были главные проблемы и есть ли какая-то преемственность в этих философских вопросах между эпохами?

А.П.: Ну конечно есть. Собственно, что сделал Платон? Он перевел содержание мифа на язык философии. П.П. Гайденок в своей книге «Эволюция понятия науки» (там, судя

по названию, должно про науку говорить, но есть раздел о софистах, о переходе от мифа к знанию) говорит, что миф – это вообще нечто непосредственное, у него нет основания. В английском языке есть такое слово, которое я пытался как-то внедрить русский язык, но очень неуклюже это получается. В английском языке это звучит как *foundationalism*, от *foundation*, «основание», то есть «фундационализм», предположение, что существует основание, нечто безосновное, на которое все опирается. И вот, по сути дела, переход от мифа к философии это проявление принципа отсылки к основанию, когда проводится различие между сущностью и явлением, вместо риторики появляется логика, когда появляется доказательство и обоснование. В этом смысле процессы, которые описываются у Платона, во многом похожи на наши процессы модернизации. И в этом смысле и Платон, и Аристотель выступали с разной степени интенсивности критикой следствий этих процессов. Аристотель особенно отчетливо. То есть он, скажем, требует ограничения собственности, считает, что не может быть очень большой собственности, и так далее. Он как бы притормаживает эти процессы. Конечно, есть преемственность. В этой связи стоит вспомнить, что был такой монах Савонарола. Думают, что одну важную идею Макиавелли выдвинул, но на самом деле это сделал Савонарола. Он сформулировал тезис, согласно которому людям очень трудно, почти невозможно объяснить что-то новое, поскольку их «вторая натура», привычка, сопротивляется. Поэтому, считал Савонарола, если вы хотите сделать что-то новое, то вы должны объяснить людям, что все это никакое не новое, а просто забытое старое. Потом такой подход довольно часто прослеживается в истории культуры и философии. Потому что эпоха, с которой начинается Новое время – это Возрождение. Возрождают то, что было когда-то. То есть это не новое, это объявляется просто забытым старым. И эти «возрождения» были в общем-то довольно многочисленными. И поэтому здесь есть некоторая преемственность. Это объясняет, почему Платон и Аристотель и сегодня актуальны.

Е.К.: Вернемся к наиболее повлиявшему на Вас М. Хайдеггеру. Сейчас речь шла

об античных мыслителях. Так вот Хайдеггер признавался, что он каждый вечер читает по несколько страниц досократиков на ночь... А можете ли Вы рассказать, как проходит ваш день, когда вы занимаетесь исследованием? Расскажите, пожалуйста, об организации своего творческого рабочего процесса.

А.П.: Когда я преподавал, я занимался этим урывками. В свободное от педагогической работы время. Сейчас у меня появилась возможность этим более плотно заниматься. Идея появляется сначала в виде смутного, какого-то интуитивного видения, и задача состоит в том, чтобы ее артикулировать, чтобы выразить в понятиях. Поэтому я, например, очень много времени трачу для того, чтобы придумать адекватное название для статьи. Потому что название текста – это первичный герменевтический акт, он читателю объясняет, о чем вы хотите говорить с ним. И вот после этого начинается работа по проработке деталей. То есть это попытка выразить словами то, что у вас присутствует интуитивно. В этом процессе первоначальная интуиция обрастает какими-то деталями, меняются акценты, меняется поле интереса, то есть это может охватывать более широкую область, допустим. И, соответственно, еще чтение литературы, поэтому последние годы я читаю в основном в связи с текстом, который я пишу. Потому что, по большому счету, философы – это тексты. Некоторые приходят и говорят: «У меня вот есть такие философские идеи, очень серьезные...» Спрашивается, а где эти артикулированные идеи? Поэтому текст – это очень важная вещь, но работа над ним достаточно сложна. Иногда бывает, знаете, то, что называется «авторский блок». Не пишется. Но я вспоминаю и слова С.С. Аверинцева, которого мне тоже доводилось слушать. Он говорил, что если он не напишет это сегодня, то не напишет это никогда. Люди иногда обижаются, говорят, вот сегодня нужно сделать вот это, а потом ты допишешь. Но важно поймать состояние, которое потом может не вернуться. Это такая сложная ситуация. И поэтому у меня написание статей занимает довольно длительное время: от полутора до трех месяцев. Это довольно трудоемкий процесс. И причем иногда без надежды, что она

будет опубликована. Постепенно накапливаются какие-то статьи, которые писал, но которые как-то не удалось нигде опубликовать. Их немного, но все равно я не жалею, потому что, вы знаете, всякая работа над статьей что-то в тебе изменяет.

Е.К.: А работа над книгами представляет собой сходный процесс?

А.П.: Обычно я начинаю писать книгу, когда какие-то идеи уже изложены в статьях. В этом смысле статьи – это обычно ядро книги. «С нуля» я книг не писал. Думаю, что это практически невозможно, если хочешь написать серьезный текст. Здесь тоже сначала возникает название, которое нужно отшлифовать. Вообще я бы советовал своим младшим коллегам начинать именно с названия, потому что название задает все. Нет названия, нет начала текста вообще.

Е.К.: Можно сказать, что Вы сейчас находитесь на пороге рождения новой книги или преждевременно об этом говорить?

А.П.: Я хотел бы это сделать. Но я все никак не «расправлюсь» со статьями, которыми я кому-то обещал написать или представить. Поэтому я думаю, что время должно найтись в ближайший период.

Е.К.: А тема уже есть, она уже сформулирована?

А.П.: Она в таком еще «газообразном» состоянии. Это как раз попытка выявить особенности отечественной философии. К сожалению, мне, может, не везет, но я часто сталкиваюсь со статьями, построенными по типу школьного сочинения: вот у Владимира Соловьева, вы знаете, было это, смотрите, какой он замечательный мыслитель, он уже тогда об этом говорил. Такого рода тексты. Наверное, они тоже нужны. Но, как, вероятно, сказал бы Кант, они не расширяют наше знание. Видите ли, в чем дело, развитие отечественной философии было, как известно, насильственно прервано. И ее органическое развитие было заменено некоторым импортным продуктом, марксизмом, который в общем-то так или иначе приспособился к российской почве. Поскольку традиция была прервана, то сейчас ее восстановление идет достаточно сложно.

Е.К.: В заключение беседы попрошу Вас дать совет людям, которые начинают инте-

ресоваться философией. Вы уже говорили работать над названием. Но может быть еще что-то скажете?

А.П.: Вы знаете, философия по моему личному опыту требует двух способностей. Первая – это способность увидеть. Нужно увидеть то, что до тебя никто не видел, все

видели как бы, но в то же время не замечали. Увидеть и не дрогнуть. А это означает, что требуется способность отсоединиться от господствующего способа видения. И вторая способность – это навык излагать, описывать то, что увидел, и анализировать.

Е.К.: Спасибо, Александр Иванович!

Information About the Authors

Alexander I. Pigalev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pigalev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4858-8862>

Evgeniy V. Karchagin, Doctor of Sciences (Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Sociology and Psychology, Volgograd State Technical University, Academicheskaya St, 1, 400074 Volgograd, Russian Federation, evgenkar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7398-9292>

Информация об авторах

Александр Иванович Пигалев, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pigalev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4858-8862>

Евгений Владимирович Карчагин, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный технический университет, ул. Академическая, 1, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация, evgenkar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7398-9292>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.2>

UDC 165.2
LBC 87.0

Submitted: 20.08.2021
Accepted: 15.08.2022

COMPREHENDING RATIONALITY AS A WAY OF SPIRITUAL EXISTENCE

Natalya V. Dovgalenko

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation

Abstract. The actualization of the topic of rationality is caused not only by the scientization of the spheres of knowledge, life and activity, the emergence of techno-scientific reality on their basis, but also by the formation of a special type of consciousness on its basis. The author carries out a philosophical rethinking of the topic through the connection of rationality with the Greco-Roman doctrine of logos and the discovery of the image of the “subject”. In this he is helped by two strategies of philosophy, founded by A. Badiou in the 21st century. The first one reveals the ratio structure, which is defined through the clarity of the boundaries of reflection (R. Descartes), the “doctrinal tradition” (M. Foucault), the “disciplinary matrix” (R. Rorty). Within these limits, spirit is subordinated to the system, regulations, being brought up through mentoring, transfer of meanings, values, methods. The second strategy links ratio with a radical transformation of a personality, “a complete reversal of existence,” following not a strict hierarchy of learning, knowledge, but to the internal and external dialogue of a personality. The spiritual world of a man, within which rationality is grounded, changes by the 16th – 17th centuries as follows: 1) the self is transformed into subjectivity (sovereignty); 2) the practice of thinking, reading, writing (self-alienation, reflection) is established; 3) the process of cognition, existence is expressed through the procedure of domination (summing up under the ratio). *Modo* (“relevance”), which is revealed in the act of the subject’s collision with himself as a “hypokemenon” – the basis through which all understanding and action is carried out, acquires a special significance. The type of consciousness based on rationality begins to reveal itself in activity, action, will. These methods substantiate a new inner self-understanding, a spiritual transformation of a person, not yet fully realized by modern culture.

Key words: logos, rationality, subiectum, “disciplinary matrix”, spiritual “conversion”, sovereignty of the subject.

Citation. Dovgalenko N.V. Comprehending Rationality as a Way of Spiritual Existence. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 17-24. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.2>

УДК 165.2
ББК 87.0

Дата поступления статьи: 20.08.2021
Дата принятия статьи: 15.08.2022

ОСМЫСЛЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ КАК ДУХОВНОГО СПОСОБА *EXISTENCE*

Наталья Владимировна Довгаленко

Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Актуализация темы рациональности вызвана не только сциентизацией сфер знания, жизни и деятельности, возникновением на их «почве» технонаучной реальности, но и формированием на ее основе особого, доминирующего сегодня, типа сознания. Автор осуществляет философское переосмысление темы через связь рациональности с греко-римской доктриной логоса и открытием образа «субъекта». В этом ему

помогают две стратегии философии, обоснованные А. Бадью в XXI веке. Первая открывает уклад *ratio*, определенный через ясность границ рефлексии (Р. Декарт), «доктринальную традицию» (М. Фуко), «дисциплинарную матрицу» (Р. Рорти). В данных пределах дух подчинен системе, регламенту, воспитываясь через наставничество, передачу смыслов, ценностей, методов. Вторая стратегия связывает *ratio* с радикальным преобразованием личности, «полным перевертыванием существования», следованием не строгой иерархии знания, а внутреннему и внешнему диалогу личности, диалектике. Духовный мир человека, в пределах которого обосновывается рациональность, к XVI–XVII вв. меняется следующим образом: 1) самость трансформируется в субъектность (суверенность); 2) закрепляются практики размышления, чтения, письма (самоотчуждение, рефлексия); 3) процесс познания, *existence* выражается через процедуру господства (подведение вещей, процессов, мира в целом под *ratio*). Особое значение приобретает *modo* («актуальность»), открываемая в акте столкновения субъекта с собой как «гипокейменом» – основанием, через которое осуществляется всякий выбор, понимание или действие. Тип сознания, основанный на рациональности, начинает раскрывать себя в доминировании активности, воли, господства. Данные способы обосновывают новое внутреннее самопонимание, духовное превращение человека, еще не до конца реализованное современной культурой.

Ключевые слова: логос, рациональность, *subiectum*, «дисциплинарная матрица», духовное «обращение», суверенность субъекта.

Цитирование. Довгаленко Н. В. Осмысление рациональности как духовного способа *existence* // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 17–24. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.2>

Рациональность открывается глубинной связью с логосом – одновременно мифом и основанием греко-римской культуры. Эта связь отражена в перенесении схем, структур мышления, определенных процедурами логики, созерцания, диалектики, этическим и социальным нормированием в ситуацию Нового времени. Здесь логос раскрылся не только как «инструмент» познания (принцип обнаруживающий и связующий), но и его гарант (место или топос, где связь осуществляется). «Но этот предельный переход допустим, поскольку с самого начала предполагается, что человеческий ум со-родственен, со-природен, участвует в этом гипотетическом, в момент “всеохватывающем” и “вездесущем” божественном интеллекте, образ которого и обосновывает допущение непрерывности сознательного опыта, которая в свою очередь есть условие того, что мы вообще что-либо объективное можем о чем-то высказать» [Мамардашвили 1994, 11]. Ситуация Нового времени подводит не к разрыву с логосом, а к особой роли направленного, смещенного «взгляда» активного разума, из которого доступной становится определенная связь предметов, поставленных перед ним в виде объектов. Он оказывается всеобъемлющ, универсален в своей трансцендентальной основе; он становится базовым критерием для установления реальности и высказывания об истине.

Этимологически, формально, методологически рациональность связана с человеком,

открывшим новую точку, а также способ обозрения себя и мира. Начало смещения взгляда происходит к XVI–XVII вв. и называется «научной революцией» не случайно. Наука образуется от латинского, в котором «*scientia*» буквально значит «понимание, знание». В этом термине заведомо содержится указание на осведомленность о знании, его оценивание и нацеленность на мышление о мышлении. Осведомленность не оставляет ум в покое, устанавливая новую мыслительную перспективу. «Действительно, считается, что термин “модерн” (лат. “*modernus*”) происходит от латинского слова “*modo*”, означающего “сейчас”, “теперь”, “в настоящий момент”. В нем подразумевается, что все текучее, изменчивое, посястороннее, а потому имманентное, внутренне дифференцированное, а потому сложное, дискурсивно развертываемое и, следовательно, рациональное, противопоставляется неизменной, трансцендентной, внутренне недифференцированной и, следовательно, неизбежно иррациональной традиции» [Пигалев 2017, 563]. Удостоверясь в своей роли оценивающего начала, выставяющего перед собой вещи способом объектов, ум сам определяет себя как важнейший критерий (традицию), разделяя априорный и апостериорный уровни «осведомленности». Гуманизм, секуляризация, номинализм и другие идеи плавно подводят к важнейшей трансформации культуры, но ее стержнем является тема знания и субъекта.

Актуализация проблемы рациональности в данной статье, с одной стороны, есть демонстрация незавершенности эпохи модерна с его открытием субъекта и доминированием научного дискурса, с другой, потребность ввести новый порядок в ее смысл с целью реализации не раскрытых до конца возможностей. И то и другое, по меньшей мере, справедливо, ибо век рациональной культуры продолжается. Основными задачами исследования являются: 1) раскрытие истоков рациональности как матрично-дисциплинарной системы; 2) анализ истоков рациональности как практики самопонимания.

Современная философия, в некотором смысле преодолев метафизику (не без влияния темы рационализма), продуцирует две основные стратегии (А. Бадью). Первая стратегия, основанная на кантианском разделении теоретического и практического, рассматривает их как два основных «поля битвы». На одном из них происходит завоевание идей, на другом – ценностей. Стратегия восходит к опытам греко-римских занятий, погруженных в некую выработанную систему. «Следовательно, форма, подходящая философии, – это форма школы. Философ – это профессор как Кант, Гегель, Гуссерль, Хайдеггер...» [Бадью 2013, 17]. В ней организуется дисциплинарное пространство, где отношения в познании регламентируются особым образом, где присутствует иерархия знаний, особые правила, телесный и духовный опыт закрепляется упражнениями, речами, написанием текстов. «...Он отсылает к миру *technik*, к миру традиционного наставничества, где знание передается от учителя к ученику» [Фуко 2014, 158]. Этот принцип закрепляется в теоретическом виде, имея внутри себя и «восхождение» к эйдетическому созерцанию, и поиск общего начала формы, содержащейся внутри частных вещей, и другие процедуры. Ценностно-практический план содержательно входит в теоретическое, ибо истина настоятельно требует не только мудрствования в познании начал и причин, но и «пробытия в ней», то есть соответствия понимания речам, поступкам, образу жизни, формам общественного поведения и пр. Школа в конечном итоге образует и закрепляет традицию передачи знаний, ценностей культуры. «В чем заключается доктринальная традиция? В Ан-

тичности она заключалась в том, чтобы реактуализировать забытое и неверно понятое ядро мысли, с тем, чтобы, реактуализировав его, обрести точку отсчета и принцип самостоятельности мысли, утверждающиеся в одновременно переменном и сложном отношении тождества и инаковости в отношении исходной мысли. Эта традиция образования, эта доктринальная традиция, очевидно, была очень важна для таких философских доктрин, как платонизм, аристотелизм...» [Фуко 2014, 218].

Следуя данной стратегии, рационализм четко определился как установка человеческого, ясно мыслящего, прежде всего себя, знания, представленного в форме строгой системы, жесткого плана, школы. Ее центром стало сопутствующее знанию сознание, постоянно пребывающее как бы прикрепленным, заведомо полагаемым вместе с ним. «Следовательно, в понятии “знание” тавтологически заключено предположение, что тот, кто знает предмет А, знает свое состояние ума относительно А (то есть сознание прозрачно для самого себя)» [Мамардашвили 1994, 11]. Эта активная позиция «прикрепления», надзора за знанием, признание его через подведение под субъективное (как основание) очерчивает нормированную сферу рационального. Р. Декарт, по сути, связал важнейший вопрос «внутреннего ума» с рядом существенных предикатов: 1) ясной мыслью («Разум сам ликвидировал себя как орган интуитивного познания проблем этики, морали и религии» [Хоркхаймер 2011, 24], – справедливо отмечает М. Хоркхаймер); 2) исследованием и обоснованием собственных пределов (собираем «следов» духовной деятельности, рефлексией); 3) методом (аксиоматикой, дедукцией).

Такое понимание рациональности развивает греко-римский установленный порядок отношений в процессе познания. Он определяется как «зеркальность» и имеет актуализацию через отражение. «Наша Зеркальная Сущность – это... картина, которую образованные люди находили в качестве скрытой посылки на каждой странице своих книг. Она зеркальна по двум причинам. Первая состоит в том, что она принимает новые формы, не изменяясь при этом – но отражаются материальными стеклами скорее формы разума, а не чувственные формы. Вторая причина зак-

лючается в том, что стекла сделаны из субстанции, которая чище, тоньше отполирована, и более возвышенна по сравнению с остальными» [Рорти 1997, 32–33]. Понимание мышления как репрезентации, а ума как «зеркала природы» вообще характерно для классического представления о рациональности [Писарчик 2012, 39]. Однако осуществление данной парадигмы требует введения единого «матричного ограничения», в рамках которого возможно будет «встретиться» познающему и познаваемому, отразиться одному через другое. Это ограничение и было у греков определено как Логос – тотальная мера, единая для смыслов и вещей, связь. Рациональность, по сути, является новой модификацией доктрины логоса. Придатком, а затем и приемником «зеркальности» становится субъект: прикрепленный к знанию, связующий идеи, свидетельствующий, выбирающий методы и пр. Кружение вокруг субъекта приводит Р. Рорти к подведению познания под «дисциплинарную матрицу», где обязательным является не только присутствие субъекта как *основания*, но и четкое ограничение круга категорий, инструментов познания, целей и пр. Если не осуществить процедуру подведения под матрицу, то сравнение, например, теорий Аристотеля и Ньютона будет проблематично, так как они будут находиться в разных системах понятий, методологических приемов, в разных научных картинах мира – попросту будут несоизмеримы. Рациональность позволяет это противоречие снять, очертив и обосновав логические границы, в которых они будут приведены к единой форме.

Вторая стратегия философии, выявленная А. Бадью, заключается в свободном «обращении» к другому (человеку, разуму) и претворяется через общение, сообщение, встречу, которые направлены на достижение истины через обретение подлинного образа себя. «Она состоит в прямом преобразовании субъекта, то есть это вид радикального обращения, полное перевертывание существования» [Бадью 2013, 17]. Эту стратегию можно связать с хайдеггеровским определением философии как акта «философствования», который возникает из расположенности к раскрытию собственной человеческой тайны. Он требует вхождения в опыт мышления, преоб-

разующий самого вопрошающего. Стратегия может быть включена в систему греко-римской школы, о которой мы говорили выше, но регламентированных действий, иерархичности отношений учитель-ученик она не приемлет. Кроме того, она касается не только разума, но и всего образа жизни. Здесь показательно отношение к наставничеству, которое Фуко определяет заново, приводя в пример образ Сократа. Система греческих Школ реализуется не как *tekhnê*, передача знаний в виде внимания учителю, а как слушание *logos'a*. «Поскольку настоящий наставник – это не школьный учитель, а *logos*, он должен его слушать так же, как и другие, и он, Сократ, должен заняться самим собой и в то же время другими» [Фуко 2014, 160]. Учитель здесь условность, так как сам должен проходить процесс бесконечного обучения.

Исходя из данной стратегии философии, рациональность возникает как коренное преобразование человека: перемена ума, образа действия, целей и пр. Безусловно, истоком этого переворачивания служат, прежде всего, духовные практики христианства (опыт внутреннего досмотра, исповедания) и картезианства (сомнение, рефлексия, движение к аподиктичности сознания). Итогом изменений становится обретение образа субъекта. «Человек есть исключительное, в основе всякого представления о сущем и его истине лежащее основание, на котором ставится и должно ставиться всякое представление и его пред-ставленное, если оно хочет обладать каким-то статусом и постоянством. Человек есть *subiectum* в этом отличительном смысле» [Хайдеггер 1993, 131–132].

Становление в виде субъекта, однако, содержит немало вопросов: нахождение всегда при сущем, подведение под себя или насаждение через себя сущего, собирание через себя сущее? Все они содержательно говорят о методе, но упускают из вида саму природу субъекта. Тему открывает первоначально Аристотель, и она не так проста для современных интерпретаций. М. Ведин, рассматривая аристотелевскую теорию субстанций, полагает, что рассмотрение субъекта (*ὑποκείμενον*) – это способ Аристотеля ввести гипокейменон в обсуждение, потому что он говорит об основе и отвечает за единство природы вещей. Именно в рамках основы мы

можем понять «...предмет (ὄλη), форму (μορφή), или их соединение (τὸ ἐκ τούτων ... τὸ σύνολον)» [Wedin 2000, 171]. «Аристотель, в отличие от Платона, придерживается точки зрения, согласно которой в опосредовании принимают участие не два, а три элемента. Он создает термин, обозначающий промежуточный элемент, заимствуя слово обыденного языка – τὸ ὑλοκείμενον (“лежащее внизу”, “под-лежащее”), и, как известно, этот термин после попыток передать его на латинском языке будет означать уже “субстрат”, “субстанцию” и даже “субъект”» [Пигалев 2017, 560]. Поворот, открывающий для человека самость как «гипокейменон», образует и пространство осознания, претворения этого события – «дух». Понимаемый в гегелевском смысле дух, с одной стороны, является прямым наследником всех превращений, связанных с христианским опытом (молитвенное созерцание, «духовная брань», исповедание и пр.). С другой, приобретает ключевой для рациональности опыт «modo», «Jetztzeit» или «сейчас». Именно этот опыт подавляет авторитет прошлого, традицию, сосредоточившись на внутренней мобилизации усилий в осознании, столкновении с собой как основанием. Преобразуются практики волеизъявления, моральной ответственности и выбора, творческого порыва; возникают практики общения с зеркальным «Я», ясного целеполагания и пр. Но вместе с тем отсутствует полнота принятия образа субъекта, ибо он требует бесконечного напряжения, выводящего к актуальности – простой и недостижимой. Вероятно, проект Ницше был связан с одной из попыток подтолкнуть человека к онтологическому принятию себя как субъекта в его полноте опыта «modo». Современность, своевременность – одно из важнейших мест этой философии. Но достигнуть ее оказалось возможным лишь через отказ от истории. Именно поэтому Хайдеггер определяет «научную революцию» XVI–XVII вв. как странное блуждание субъекта в бытии и его вопросах. В самих этих духовных «актах» *existence*, открывающих субъекта, еще нет рациональности. Она возникает тогда, когда становится свободным свидетельством о них, вплетая в отношения знаки, язык.

Обращение к себе как к субъекту коренным образом уводит человека от понимания

себя как самости, нацеленной на открытие не предметного мира, а мира Божественного, полагаемого как основа. Субъект расположен в иной деятельности – подведение под самость мира, обнаружение в этой возможности себя как основания и, наконец, через это основание признание себя самодостаточной субстанцией или суверенной сущностью. «Суверенность» здесь употребляется в смысле «верховного», «главного» в-себе и для-себя. «В письменности язык обретает свою подлинную духовность, поскольку перед лицом письменного предания понимающее сознание достигает полной суверенности. Его бытие уже ни от чего не зависит. Читающее сознание потенциально владеет своей историей» [Гадамер 1988, 455]. Поэтому практики чтения и письма становятся показательным свидетельством утверждения суверенности субъекта, через них он закрепляет, обосновывает необходимость собственной цельности, автономности. Век Просвещения делает их культурно необходимыми, обязательными.

Все это коренным образом меняет существо *cogitatio*. Получают четкое выражение идеи, понятия, суждения, умозаключения, концепты, покоящиеся на новом основании, подкрепляемые исследованием, толкованием... Рациональное выставляется как фиксируемая достоверность оснований субъективности. Практики чтения, письма, интерпретации реализуют внутреннюю определенность субъекта и вместе с тем его диалектику, подвижность. «Так письменные тексты ставят перед нами собственно герменевтическую задачу. Письменность есть самоотчуждение. Преодоление его, прочтение текста, есть, таким образом, высочайшая задача понимания» [Гадамер 1988, 454]. Самоотчуждение в письме есть указание на глубинную метаморфозу самости, которая испытывает нужду отслеживать себя, «прочитывать», соотнося с прошлым, близким, родственным. Через процедуры отстранения, различия достигается ее настоящее, «modo», закрепляемое в образе. Сам образ маркируется, регламентируется социумом, нормой, наукой. Наука в конечном итоге занимает нишу экспертного «судьи». «Эксперты вторгаются и подчиняют себе сферу политики, систему воспитания и здравоохранения, они оплетают сетью формаль-

ных предписаний возможности повседневного» [Вальденфельс 1991, 44]. Если нет научной верифицируемости, возникают вопросы, как ее достигнуть? Если не получается, следует ли это вообще принимать во внимание? Из этого поля совершенно выпадают, например, метафизические понятия. «*Метафизические понятия* для внутренне равнодушной и необязывающей остроты научного ума остаются вечно на замке. Метафизические понятия совсем не то, что можно было бы выучить, повторять за учителем или человеком, именующим себя философом, и применять на практике» [Хайдеггер 1993, 331]. Фиксированность, достоверность становятся главными критериями в определении субстрата рационального, самого субъекта, который уже не может быть определен метафизически, а только научно, впоследствии экзистенциально. «Иными словами, изменения, происходящие внутри культуры философского мышления и носящие в историко-философском контексте формальный эпитет контрметафизические, деструктивные (М. Хайдеггер), деконструктивистские (Ж. Деррида), отражены в языке философии: язык философии в рамках метафизики – категориален (носит вневременной, объективный, неизменный характер); язык философии деструктивно-деконструктивистского характера – экзистенциален (имеет непосредственную связь с временем, временностью, расположенностью в пространстве (присутствие как *Dasein* должно мыслить не только как временное присутствие, но и как присутствие где-то)» [Ромашенко 2019, 79].

Следует ли раскрывать рациональность как человеческий проект в стремлении понять себя и мир самодостаточно, автономно, особым способом закрепиться в этом статусе? Это стремление к реализации гегелевского самопознания или свободы? А может быть опредмеченная «воля к власти», закреплённая социально? В этом есть немало горькой иронии, причем актуальной и по сей день. «...Философы внутри англосаксонского международного сообщества начинают осознавать свой долг в организации международных институций таким образом, чтобы стало возможным широкое и открытое соучастие; то есть они начинают понимать, что их контроль над академией – продукт колониализма, а не след-

ствие их интеллектуального превосходства. Философы нового века используют разум принципиально иначе, чем его использовали или им злоупотребляли в проектах времен колониализма» [Степанянц 2018, 7]. Рассматривать рациональность как линию интеллектуального господства, «богоподобия» в попытке найти лишь в себе очевидную опору для понимания мира, значит видеть лишь одно ее достоинство – метауниверсальность. Однако в ней действительно заключено и принуждение, стремление к навязыванию, инструментальность. «Этот репрессивный характер разума в общем обоснован в структуре самоотношения, то есть в структуре отношения к себе субъекта, делающего себя объектом» [Хабермас 2003, 36]. Такое проявление рациональности и порождает природу отчуждения-присвоения. Сначала в знании, затем в языке, социальности, труде, иерархии мира... Однако в ней сокрыто много более. Можно в некоторой мере согласиться с Хайдеггером, что обнаружение «субъектности» есть лишь одна из форм ведения диалога с бытием. Совершенно ясно, что в данной форме человек становится (или таким образом устанавливается самим бытием) как существо, которому принадлежит осознание, понимание, владение предметностью, ответственность. В этом новом статусе «господство» есть необходимая форма проявления собственной жизни. Господствующий находится всегда при предмете, при сущем, присваивает его в знании, действии, соотносит с другими предметами. Господствующее не может быть произвольным, ибо определено и привязано глубочайшей зависимостью к тому, чем владеет. Вырваться из уз сущего не так просто, потому все проекты возвращения, реактуализации сакрального терпят в XX в. крах.

Матричность, наукометрическое превосходство, академичность, иерархичность, следование регламенту: рациональность выразилась в особых знаках *existence*. Но вместе с тем она указала на какое-то новое место человека, которое раскрыто им еще не до конца. Субъект – это проявление осознанной власти над собой, сущим, суверенности, самодостаточности, точка духовного отгораживания от мистического, хаотичного. Но вместе с тем и основание (гипокейменон), в пределах кото-

рого скрываются еще необозримые пути духовного движения личности. Суверенность и господство – лишь некоторые из них. Остаются и другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадью 2013 – *Бадью А.* Загадочное отношение философии и политики. М.: Ин-т общегуманитар. исслед., 2013.
- Вальденфельс 1991 – *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.
- Гадамер 1988 – *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
- Мамардишвили 1994 – *Мамардишвили М.К.* Классические и неклассические идеалы рациональности. Обнинск: Лабиринт, 1994.
- Пигалев 2017 – *Пигалев А.И.* Аристотелевский фон «номиналистской революции» и философские основания европейской рациональности // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности: материалы Моск. Междунар. конф. по Аристотелю. Серия «Гуманитарные науки в исследованиях и переводах». М.: Аквилон, 2017. С. 555–571.
- Писарчик 2012 – *Писарчик Л.Ю.* Р. Рорти о природе философского знания и научной рациональности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 7 (143). С. 37–45.
- Ромашенко 2019 – *Ромашенко А.А.* Культура философского мышления от классики к модерну (концептуальная реконструкция) // Философские аспекты онтологии культуры. Саратов: Саратовский источник. 2019. С. 70–79.
- Рорти 1997 – *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.
- Степанянц 2018 – *Степанянц М.Т.* Манифест вновь нарождающейся философии // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.31857/S004287440001348-7>
- Хабермас 2003 – *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003.
- Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993.
- Хоркхаймер 2011 – *Хоркхаймер М.* Затмение разума. М.: Канон, 2011.
- Фуко 2014 – *Фуко М.* Мужество истины. Управление собой и другими II: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014.

- Wedin 2000 – *Wedin M.V.* Aristotle's Theory of Substance: The Categories and Metaphysics Zeta. Oxford: Oxford University Press, 2000.

REFERENCES

- Badiou A., 2013. *The Enigmatic Relationship Between Philosophy and Politics*. Moscow, Institute of General Humanitarian Research.
- Waldenfels B., 1991. *Everyday Life as a Melting Pot of Rationalist Politique*. *Sotsio-Logos*. Moscow, Progress Publ., pp. 39-50.
- Gadamer H.-G., 1988. *Truth and Method. Basic Features of a Philosophical Hermeneutics*. Moscow, Progress Publ.
- Mamardashvili M.K., 1994. *Classical and Non-Classical Ideals of Rationality*. Obninsk, Labirint Publ.
- Pigalev A.I., 2017. The Aristotelian Background of the «Nominalist Revolution» and the Philosophical Foundations of European Rationality. *Aristotelevskoe nasledie kak konstituiruyushchij element evropejskoj racionalnosti: materialy Mosk. Mezhdunar. konf. po Aristotelyu. Seriya «Gumanitarnye nauki v issledovaniyah i perevodah»*. Moscow, Aquilon Publ., pp. 555-571.
- Pisartchik L.Yu., 2012. R. Rorty on the Nature of Philosophical Knowledge and Scientific Rationality. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 7 (143), pp. 37-45.
- Romashchenko A.A., 2019. The Culture of Philosophical Thinking from Classic to Modern (Conceptual Reconstruction). *Filosofskie aspekty ontologii kultury*. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., pp. 70-79.
- Rorti R., 1997. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Novosibirsk, Izd-vo Novosib. un-ta.
- Stepanyants M.T., 2018. A Manifesto for Re:emergent Philosophy. *Voprosy Filosofii*, vol. 9, pp. 5-12. DOI: <https://doi.org/10.31857/S004287440001348-7>
- Habermas J., 2003. *Philosophical Discourse About Modernity*. Moscow, Ves' Mir Publ.
- Heidegger M., 1993. *Time and Being*. Moscow, Respublika Publ.
- Horkheimer M., 2011. *Eclipse of Reason*. Moscow, Kanon Publ.
- Foucault M., 2014. *The Courage of Truth: The Government of Self and Others II: Lectures at the Collège de France (1983–1984)*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Wedin M.V., 2000. *Aristotle's Theory of Substance: The Categories and Metaphysics Zeta*. Oxford, Oxford University Press.

Information About the Author

Natalya V. Dovgalenko, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of the Philosophy, Sociology, Psychology, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Politechnicheskaya St, 77, 410054 Saratov, Russian Federation, dovgal30@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9243-3799>

Информация об авторе

Наталья Владимировна Довгаленко, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия, социология, психология», Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, ул. Политехническая, 77, 410054 г. Саратов, Российская Федерация, dovgal30@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9243-3799>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.3>

UDC 1(091)
LBC 87.3(2)

Submitted: 16.05.2022
Accepted: 15.08.2022

KANTIANISM IN THE EARLY WORKS OF N. BERDYAEV (1900–1910)

Andrey V. Shumskoy

Ural State University of Physical Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the influence of Kantian philosophy on the formation and philosophical work of Nikolai Berdyaev from 1900 to 1910. The attitude of the Russian philosopher to the basic ideas of I. Kant was critical from the very beginning. Nikolai Berdyaev directed his main criticism of kantianism in his first serious book against Kantian dualism, the existence of an absolute transcendent principle. Kantianism was for Berdyaev the most important philosophical experience, thanks to which he moved at the beginning of his creative path from critical marxism to idealism. During the period of turning to idealism, he came to the idea that transcendental consciousness immanently contains a religious attitude to the world. Kant's ethical postulates have not lost their fundamental significance for him. However, he associated the fundamental shortcoming of Kant's philosophy with the absence of a teleological approach to reality. Striving for metaphysical realism, Nikolai Berdyaev very soon overcomes the ethical normative idealism that was so characteristic of his early work. Without staying long within the framework of idealistic philosophy, Berdyaev subsequently made the transition to mystical religious realism. The critical philosophy that Kant represented, according to Berdyaev, absolutized the role of rational knowledge and closed access to true transcendental reality, narrowed being by the boundaries of the phenomenal world. He saw the way out of the grip of Kantian rationalism in expanding the framework of transcendental reason to the metaphysical or supra-rational. It was in mystical cognition that Berdyaev saw the only true way of cognizing reality. The Russian philosopher built his epistemology on the fundamental idea that being is closed and transcendent to thinking or rationalized consciousness, and it becomes immanent only to primary, integral and living consciousness, which has access to transcendent metaphysical experience.

Key words: transcendental idealism, transcendent, criticism, categorical imperative, ethics, metaphysics, mystical realism, personality.

Citation. Shumskoy A. V. Kantianism in the Early Works of N. Berdyaev (1900–1910). *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 25-32. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.3>

УДК 1(091)
ББК 87.3(2)

Дата поступления статьи: 16.05.2022
Дата принятия статьи: 15.08.2022

КАНТИАНСТВО В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н. БЕРДЯЕВА (1900–1910 гг.)

Андрей Викторович Шумской

Уральский государственный университет физической культуры, г. Челябинск, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется влияние кантовской философии на становление и философское творчество Николая Бердяева с 1900 по 1910 год. Отношение русского философа к основным идеям И. Канта с самого начала было критическим. Острые своей главной критики кантианства Николай Бердяев в своей первой серьезной книге направил против кантовского дуализма, существования абсолютного трансцендентного начала. Кантианство явилось для Бердяева важнейшим философским опытом, благодаря которому он перешел в начале своего творческого пути от критического марксизма к идеализму. В период обращения к идеализму он пришел к идее, что трансцендентальное сознание имманентно содержит в себе религиозное отношение к миру. Этические постулаты Канта не утратили для него своего фундаментального значения. Однако коренной недостаток кантовской философии он связывал с отсутствием телеологического подхода к реальности. Устремленный к метафизическому реализму Николай Бердяев очень скоро преодолевает этический нормативный идеализм, столь характерный для его раннего творчества. Долго не задерживаясь в рамках идеалистической философии, ученый впоследствии совершил переход в мистический религиозный реализм. Критическая философия, которую представлял Кант, по мнению Бердяева абсолютизировала роль

рационального познания и закрыла доступ к подлинной трансцендентальной реальности, сузила бытие границами феноменального мира. Выход из тисков кантовского рационализма он видел в том, чтобы расширить рамки трансцендентального разума до метафизического или сверхрационального. Именно в мистическом познании Бердяев видел единственно верный путь познания реальности. Свою гносеологию русский философ строил на фундаментальной идее, что мышлению или рационализированному сознанию бытие закрыто и трансцендентно, и оно становится имманентным только сознанию первичному, целостному и живому, которому доступен трансцендентный метафизический опыт.

Ключевые слова: трансцендентальный идеализм, трансцендентный, критицизм, категорический императив, этика, метафизика, мистический реализм, личность.

Цитирование. Шумской А. В. Кантианство в раннем творчестве Н. Бердяева (1900–1910 гг.) // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 25–32. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.3>

Философское наследие Николая Бердяева всегда привлекало внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Различным аспектам его творчества посвящено необозримое количество публикаций. Даже поверхностный взгляд на публикации показывает, что на сегодняшний день слабо изучена проблема идейных истоков раннего творчества Н. Бердяева. В связи с этим представляется актуальной задача реконструировать рецепцию Бердяевым идей Канта, оказавшего решающее влияние на формирование его философского мировоззрения в начале его творческого пути. Проблема влияния Канта на философию Бердяева затрагивалась лишь в немногочисленных работах отечественных и зарубежных исследователей [Силантьева 2005; Krasicki 2012; Красицки 2014].

Философский путь Н.А. Бердяева начинается с выхода в свет его первой работы «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», изданной в 1901 г. В ней он попытался соединить социальную доктрину марксизма с критической философией И. Канта и отчасти И. Фихте. Основная идея книги состояла в том, что сущность истины, добра и красоты познается трансцендентальным сознанием и не может определяться исключительно социальным фактором и классовым сознанием [Бердяев 2006, 145]. Из философов наибольшее значение в ту пору имел для него Кант [Бердяев 2016, 411]. Уже в первых своих работах он вырабатывал к Канту критическое отношение, многое в кантианстве ему уже тогда было чуждо. Особенно отталкивающим впоследствии казался Н. Бердяеву этический формализм Канта с его категорическим императивом. Но в начале своего творческого пути этика Канта стала для

него основой для развития собственного мировоззрения.

Доктрина марксизма с гносеологической и этической точек зрения представлялась в ту пору Бердяеву слабо разработанной, наивной и поверхностной. В критицизме Канта он находил много истинного и необходимого для развития критического марксизма и в конечном счете для его преодоления. Величайшую историческую заслугу немецкого философа он видел в том, что тот открыл а priori как всеобщую и объективную основу в познавательной деятельности. Вне трансцендентального объективизма возможен только скептический субъективизм [Бердяев 2008, 87].

Критицизм Канта Бердяев закладывал как исходный пункт и для построения этики как таковой. Именно в трансцендентальном сознании он видел источник объективно нравственного и объективно справедливого. Объективная нравственность коренится в нравственном законе, носящем априорный характер. Чувственному опыту в сфере морали должен предшествовать акт формального различия между добром и злом. Таким образом, условием нравственного опыта и нравственной жизни является этическое а priori [Бердяев 2008, 121].

Но особенно важной для Н. Бердяева являлась идея кантовской этики о человеке и человечестве как самоцели, освящающей и санкционирующей нравственный прогресс. Иммануил Кант являлся для него настоящим основателем религии человечества. Более всего в кантовской этике он ценил категорический императив и с формальной точки зрения полностью его признавал. Однако идея Канта о том, что нравственный порядок носит умопостижимый характер и коренится в

непознаваемых вещах в себе, представлялась ему тогда абсолютно неприемлемой. Бердяев решительно выступал тогда против всякого трансцендентного онтологизма как разновидности необоснованной метафизики и единственно правильной позицией он полагал феноменалистический взгляд на мир. Нравственный миропорядок может быть воплощен только в мировом историческом прогрессе, бесконечно устремленном к «царству целей» [Бердяев 2008, 123]. Исторический процесс задается и регулируется этическим а priori трансцендентального сознания, которое привносит во всемирную историю идею общеобязательной цели, санкционирующей ее как прогресс.

С критической точки зрения Бердяев оценивал и знаменитую кантовскую антиномию свободы и необходимости. Дуалистическая позиция Канта представлялась ему ложной и неприемлемой, открывающей путь к расколу бытия на трансцендентную и имманентную сферы, на мир ноуменов и феноменов. Дуализму Канта Бердяев противопоставил монистическую теорию познания, для которой не может существовать противоречий в нашем познании. Всякий познавательный акт осуществляется на основании тех законов и норм, которые коренятся в трансцендентальном логическом сознании. В своей познавательной деятельности субъект не знает свободы. Сознание свободы как беспричинность нашей воли и наших действий (индетерминизм) следует отбросить как иллюзию. Свобода воли не противоречит необходимости, так как она детерминируется психическими причинами [Бердяев 2008, 145].

Этический идеализм Канта Бердяев рассматривал как единственно возможное гуманистическое мировоззрение, подлинно человеческую точку зрения на мир. Кант впервые в философии обосновал и провозгласил принцип «человек как цель» в качестве категорического императива, законодательства сверхиндивидуального сознания трансцендентальной апперцепции, которое носит объективный и общеобязательный характер [Бердяев 2008, 162]. Вместе с тем Бердяев видел недостаток кантианской философии в том, что в ней телеологический принцип обладал только регулятивным, а не конститутивным значением.

Идея телеологического понимания мира у Канта была почти не развита.

Таким образом, острее своей главной критики кантианства Николай Бердяев в своей первой серьезной книге направил против кантовского дуализма, существования абсолютного трансцендентного начала. Дуализм в философии Канта он стремился снять провозглашением имманентной монистической философии. Открытия Канта в области гносеологии и этики, по его мнению, могут быть применимы только по отношению к миру явлений как единственной абсолютной реальности [Бердяев 2008, 197].

Вскоре после выхода в печать в 1901 г. книги «Субъективизм и идеализм в общественной философии» молодой Бердяев наметил свой переход из «критического марксизма» в идеализм. Отражением данного перехода явилась программная статья «Борьба за идеализм», написанная в 1902 году. В ней Бердяев поставил перед собой цель обосновать абсолютную ценность личности как а priori трансцендентального сознания. Идеализм стал привлекать его своей устремленностью к вечным ценностям, открывающимся человечеству через процесс мировой истории. Именно телеологический принцип придает всемирной истории прогрессивный характер. Исторический прогресс представляет собой восхождение сущего к должному как верховной цели бытия.

Глубокие идеи об идеалистическом духе прогресса Бердяев находил в учении Фихте о действительном «Я». Идеалистическая философия Фихте Бердяевым рассматривалась как шаг вперед, вносящий в кантианство идею телеологического понимания мира.

Центральной идеей идеалистического воззрения на мир и жизнь Бердяев провозглашает идею нравственного миропорядка, которая может быть выведена только из недр религиозного сознания. Если в своей первой книге Николай Бердяев признавал нравственный миропорядок только в рамках феноменального мира, то в период обращения к идеализму он пришел к идее, что религия является ядром трансцендентального сознания, вне которого невозможно цельное познание и отношение к миру [Бердяев 2002, 42].

В статье «Этическая проблема в свете философского идеализма», опубликованной в 1902 г., Бердяев продолжил развитие идеалистической философии и попытался критически рассмотреть этическую проблему в свете философии Канта. В данной статье он исходил из того, что этика по своей сути может быть только философской наукой о должном. Категория должного, лежащая в основе этики, не может быть выводима из эмпирического сущего, она является сущностью самой нравственной проблемы. Наибольший вклад в этику, по мнению Бердяева, внес именно Кант, который совершил открытие должного, как принципа, данного а priori нашему сознанию. Бердяев попытался развить этику Канта, усилив ее с гносеологической точки зрения. Вслед за Кантом он противопоставил этическую точку зрения на мир научно-познавательной [Бердяев 2002, 73].

Особенность позиции Н. Бердяева тогда состояла в утверждении телеологического критицизма, основанием которого являлась категория должного. Единственным путем объединения бытия и долженствования могла быть метафизика. Эмпирическое различие истины и добра, как и их полное метафизическое тождество, представлялись Бердяеву крайними точками зрения. Золотой серединой он полагал трансцендентальное объединение истины и добра в понятии общеобязательной нормы (должного). Таким образом, Бердяев переходил на установленную Кантом дуалистическую точку зрения, согласно которой абсолютный нравственный закон как должное веление практического разума противопоставлялся миру явлений как сущему. Величайшую заслугу Канта он видел в том, что великий немецкий философ окончательно разбил ограниченный догматизм с его верой только в чувственный мир и утвердил идеи Бога, свободы и бессмертия как нравственные постулаты, которые имеют свое этическое обоснование в практическом разуме и не могут быть дедуцированы из теоретического разума [Бердяев 2002, 76]. Воплощение абсолютных нравственных норм должного в действительности возможно лишь путем социального развития. Говорить об эволюции этических норм не имеет никакого смысла, так как они, как и

логические законы, являются автономным законодательством нашего сознания.

Свою этику Бердяев строил на главном нравственном постулате практического разума Канта о человеке как самоцели и об абсолютной ценности личности. Вне данного постулата нравственная жизнь человека и человечества теряет всякий смысл и осуществление нравственного блага становится невозможным. Таким образом, Бердяев обосновывал все содержание нравственности абсолютным нравственным законом, являющимся а priori трансцендентального сознания [Бердяев 2002, 84].

Нравственная проблема истолковывалась им, прежде всего, как проблема отношения между эмпирическим и духовным «я» в структуре личности. Вслед за Кантом Бердяев признавал нравственным лишь те поступки, которые обуславливаются нравственной разумной волей человека, а не его чувственными склонностями и влечениями. Бердяев находил верной и глубокой мысль Канта о том, что нравственность есть особое качество воли разумной личности, принцип практического разума. Таким образом, он приходил к тому заключению, что нравственность есть прежде всего реализация личностью своего духовного «я», восхождение над эмпирическим «я», безусловное признание в каждом человеке самоценности его личности, духовного «я» в человеке [Бердяев 2002, 85].

В основании нравственной философии должна лежать идея долга; нравственность невозможна без внутренней свободы. Но главный недостаток кантовской философии он теперь связывал с тем, что Кант свою метафизику строил преимущественно на основе нравственных постулатов, обходя стороной онтологическую метафизику, что привело его к агностицизму. В ту пору позиция имманентного феноменализма уже не удовлетворяла Бердяева и он искал путей к признанию метафизической реальности идеальных ценностей.

Сущность духовной природы личности заключена в идее нравственного развития, стремлении личности к достижению идеального духовного состояния. Без идеи верховной цели не может быть реализована нравственная природа личности [Бердяев 2002, 91]. Таким образом, Бердяев приходит к идее Вер-

ховного Блага, Божества, то есть универсального духовного «Я», к которому должна быть обращена нравственная воля личности. Воссоединение человеческого «я» с божественным «Я» и составляет главную цель нравственной духовной жизни личности. Причем Божество мыслилось Бердяевым как идеал окончательного совершенства личности. По сути, речь шла о нравственном развитии личности в историческом процессе как о воплощении трансцендентального «нормативного» сознания в эмпирическом мире или – в терминах онтологии – воплощения мирового духа, универсального «Я» во всемирной истории.

Итак, этическая проблема заключалась в том, чтобы соединить индивидуальное с универсальным в одном мировоззрении. Святость и неприкосновенность личности безусловны именно потому, что она является носителем высшего духовного начала, причастна единой духовной природе. По мнению Бердяева, признавать «нравственный миропорядок» – значит признавать, что мир имеет смысл, что индивидуальная жизнь находится в неразрывной нравственной связи с жизнью универсальной, с миропорядком [Бердяев 2002, 94].

Встав на точку зрения идеалистической метафизики, Н. Бердяев по-новому осмысливает проблему антиномии свободы и необходимости. Границу, которую наметил Кант между царством свободы и царством необходимости и природы, Бердяев рассматривал в качестве исходной посылки этики. Отличие позиции Бердяева от взгляда Канта заключалось в том, что свобода и необходимость не исключают друг друга, а сосуществуют вместе в реальности, не пересекаясь друг с другом. Свобода в этической концепции Бердяева трактовалась как положительное содержание внутреннего духовного творчества личности, процесс осуществления духовного «я». Получалось, что между нравственной свободой и духовным «я» личности нет никакой принципиальной разницы. С гносеологической точки зрения свободной личностью является та личность, нравственная жизнь которой определяется духовным «я», а не случайными эмпирическими мотивами [Бердяев 2002, 112].

Итак, Бердяев приходит к выводу о том, что реализация духовной свободы личности, возвышение над объективной реальностью и

составляет суть нравственного прогресса. Высоко оценивая этику Канта, Бердяев не находит в ней никаких идей относительно того, каким образом должен осуществляться нравственный прогресс в общественной жизни. Кант практически не касался данной проблемы, так как у него отсутствовала философия нравственного прогресса. В этом отношении Фихте, Гегель и Шеллинг оказались гораздо более плодотворными мыслителями, поставив явным образом вопрос об осуществлении нравственного блага в истории. Таким образом, нравственная проблема, которую столь блестяще поставил Кант в своей этике, у Бердяева перерастает в проблему социальную и историческую.

Размышления над этической проблемой привели Бердяева к построению философии истории в духе спиритуалистического монизма и идеалистической теории развития. В то время он уже не ограничивался необходимостью синтеза социологии Маркса и этики Канта, но полагал, что марксистская социология должна также быть дополнена идеалистической философией истории Фихте и Гегеля.

Устремленный к метафизическому реализму Николай Бердяев очень скоро преодолевает этический нормативный идеализм, столь характерный для его раннего творчества. В статье «О новом русском идеализме», опубликованной в 1904 г., он резко отходит от ранее занимаемой им позиции трансцендентального идеализма. Теперь ему казалось, что идеалистическая философия неблагоприятна для метафизических построений и в большинстве случаев заканчивается феноменалистическим взглядом на мир или приводит к позитивизму. Трансцендентальный идеализм Канта и его последователей – яркое тому свидетельство. Такого рода идеализм ввергает в царство иллюзий и фикций, ограничивает познание понятийно-категориальным мышлением, закрывает путь в глубины реальности. Будущее новой метафизики Бердяев стал связывать с преодолением рационализма, трансцендентального идеализма Канта и абсолютного идеализма Гегеля. Подлинной метафизикой может быть только метафизический реализм. В теории познания и этике он переходит на позицию трансцендентного реализма, отбрасывая идею обосно-

вания добра из трансцендентального сознания [Бердяев 2002, 178].

Основной недостаток, который находил Бердяев в рационалистической философии Канта, неокантианстве, позитивизме состоял в смешении сознания с разумом, редуцировании сознания до уровня рассудка, понимании познавательного акта как исключительно рационального. Бердяев был уверен в необходимости восстановления единства и цельности нашего познавательного акта, в синтезе опытного и рационального познания. Новая метафизика должна исходить из принципа трансцендентности бытия мышлению и вместе с тем его имманентности духовной природе человека. Таким образом, всякое бытие определялось им как сознание, конкретный дух, живая и индивидуальная субстанция [Бердяев 2002, 194]. Новый метафизический опыт познания бытия Бердяев видел в преодолении установленного Кантом разрыва между имманентным и трансцендентным, в признании трансцендентного имманентным. Фактически Бердяев перешел на позицию спиритуалистической монадологии. Центральной ее идеей становится понимание бытия как множества духовных субстанций разного порядка, наделенных свободой и творческой силой. Свобода реализует себя в самоопределении и творчестве духовных субстанций, она является той силой, действие которой в мире преобразует хаос в космос и Царство Божие. Суть бытия заключается в приобщении к свободе Божества или Единого всего множества духовных субстанций [Бердяев 2002, 212].

В статье «Кризис рационализма в современной философии. Виндельбанд. Прелюдии», написанной в 1904 г., Николай Бердяев с резкой критических позиций оценивал рационалистический характер философии Канта. Своей идеей морального категорического императива как единственного пути нравственного спасения человечества Кант подменил подлинную религию живого Спасителя отвлеченно-моралистическим суррогатом, поставил человека перед пустотой, закрыл пути, ведущие к восприятию трансцендентной реальности [Бердяев 1998, 255].

Выход из душливой темницы рационализма на простор живого бытия Бердяев видел в том, чтобы источником метафизики при-

знать не теоретический трансцендентальный разум и даже не практический разум, как у Канта, а чувственно-метафизический, мистический разум, соединяющий человека с полнотой реальности. Гносеология Канта не имела выхода к трансцендентному метафизическому опыту, так как базировалась на постулате трансцендентального сознания, скованного и ограниченного априорными формами рассудка и чувственности. Бердяев упрекает Канта в построении абстрактной философской конструкции, которая у него получила название трансцендентальной апперцепции [Степун 1994, 484].

Субъектом познания бытия у Канта является прежде всего отвлеченный рассудок и разум, которые вырабатывают понятие бытия из чувственных данных. В «Критике чистого разума» Кант поясняет, что мышление само по себе не есть продукт чувств, но без данных чувственности оно лишается объекта [Кант 2007, 209]. Соприкосновение с живым, конкретным и одухотворенным бытием, как полагал Бердяев, возможно только в мистическом опыте, носителем которого является первичное целостное нерационализированное сознание. Таким образом, разум не конструирует бытие, а выступает лишь инструментом метафизического познания и проникновения в сущность мира, в живую ткань бытия. Так называемый объективный мир, с которым имеет дело наука, есть, по мнению Бердяева, лишь рационализация бытия. Данные философские интуиции в более поздние периоды своего творчества Бердяев выразит в учении об объективации бытия [Бердяев, 2018]. Учением о ноуменах и феноменах Кант постулирует зазор в познании реальности, который, по глубокому убеждению, Бердяева должен быть преодолен.

В работе «Новое религиозное сознание и общественность», изданной в 1907 г., Бердяев откровенно обвинял Канта в том, что тот свой категорический императив формулировал в отрыве от Первоисточника, каким может быть только Божественный Логос, Смысл мира. Грехопадение человека открылось Канту только с моральной точки зрения, в то время как оно совершилось в самой глубине мистической стихии мира и является таинственным актом метафизической свободы, а не

нарушением моральной законности [Бердяев 1999, 27]. Моральный закон и естественное человеческое совершенство не могут быть путем спасения. Спасение человечества может быть только мистическим актом сверхрациональной и сверхморальной свободы и любви, воплощением которой является Христос.

Бердяев признавался, что в учении Канта о нравственно-разумной природе человека имплицитно содержались зачатки подлинно христианской религиозной антропологии. Именно «Критика практического разума» Канта, которую Бердяев ставил намного выше «Критики чистого разума», стала для него точкой поворота и движения в сторону мистического метафизического реализма как более высокой ступени познания реальности. В книге «Дух и реальность», написанной в 1937 г., Бердяев характеризовал Канта как философа, искавшего реализма, который совсем не был идеалистом в дурном смысле этого слова [Бердяев, 2007, 6]. Проницательные мысли Канта о двойственности человеческой природы и принадлежности человека к царству свободы ограничивались созданной им «религией в пределах разума» [Бердяев 1998, 291]. Интересно заметить, что в последней своей работе «Истина и откровение» Бердяев отмечал, что философия свободы Канта, в сущности, была экзистенциальной философией, но сам Кант не раскрыл данную сторону своего учения, он наметил лишь ее возможность [Бердяев 1996, 10]. В своей поздней работе «Опыт эсхатологической метафизики» (1947) Бердяев откровенно признавался, что в построении своей метафизики свободы он напрямую исходил из идей Канта [Бердяев 1995, 168].

Итак, творческое и критическое осмысление наследия Канта открыло молодому Бердяеву возможность выйти за границы критического марксизма и перейти к этическому нормативному идеализму. Идеализм явился для Бердяева переходной ступенью, и очень скоро он почувствовал в кантианстве удушливую атмосферу трансцендентальной философии. Период увлечения трансцендентальной философией Канта для Бердяева оказался очень продуктивным. Можно сказать, что школа Канта, поставленные им проблемы и идеи для Бердяева стали опытом погружения

в метафизику, питательной почвой для дальнейшего движения в сторону религиозного сознания. Кантовский дуализм, рамки, которые он задал своей метафизике, коренным образом не удовлетворяли Бердяева. Ощущение и сознание мистической реальности привело к разрыву с трансцендентальным идеализмом Канта и идеалистической философией Фихте. Бердяев вступил на путь мистического религиозного реализма. Свою главную мысль в ту пору Николай Бердяев определял как мысль о личности, об ее освобождении, о поиске путей соединения с мировым Логосом. Дальнейшее творческое развитие Бердяева привело его к христианскому персонализму и религиозному экзистенциализму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев 1995 – *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995.
- Бердяев 1996 – *Бердяев Н.А.* Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб.: РХГИ, 1996.
- Бердяев 1998 – *Бердяев Н.А.* Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон+, 1998.
- Бердяев 1999 – *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+, 1999.
- Бердяев 2002 – *Бердяев Н.А.* *Sub specie aeternitatis.* Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.). М.: Канон+, 2002.
- Бердяев 2006 – *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Мир книги: Литература, 2006.
- Бердяев 2007 – *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. М.: АСТ, 2007.
- Бердяев 2008 – *Бердяев Н.А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. М.: Астрель, 2008.
- Бердяев 2016 – *Бердяев Н.А.* Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2016.
- Бердяев 2018 – *Бердяев Н.А.* Творчество и объективация. М.: Т8 RUGRAM, 2018.
- Кант 2007 – *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.
- Красицки 2014 – *Красицки Я.* Борьба за правду (Бердяев, Кант и другие) // Соловьевские исследования. 2014. № 2 (42). С. 108–127.
- Силантьева 2005 – *Силантьева М.В.* И. Кант и Н. Бердяев. Диалектика в трех измерениях // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Им-

- мануила Канта. В 2 ч. Ч. 1: тр. Междунар. семинара и Междунар. конф. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 123–133.
- Степун 1994 – *Степун Ф.А.* Учение Николая Бердяева о познании // Бердяев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1994. С. 483–500.
- Krasicki 2012 – *Krasicki J.* Микодај Бердяjew а neokantyzm // *Estetyka i Krytyka*. № 26 (4). 2012. S. 223–236.

REFERENCES

- Berdyayev N., 1995. *The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar*. Moscow, Republic Publ.
- Berdyayev N., 1996. *Truth and Revelation. Prolegomena to the Critique of Revelation*. Saint Petersburg, RKhGI Publ.
- Berdyayev N., 1998. *The Spiritual Crisis of the Intellectuals*. Moscow, Kanon+ Publ.
- Berdyayev N., 1999. *New Religious Consciousness and Public*. Moscow, Kanon+ Publ.
- Berdyayev N., 2002. *Sub specie aeternitatis. Philosophical, Social and Literary Experiments (1900–1906)*. Moscow, Kanon+ Publ.
- Berdyayev N., 2006. *Self-Knowledge (Experience of Philosophical Autobiography)*. Moscow, Mir knigi, Literatura Publ.
- Berdyayev N., 2007. *Spirit and Reality. Fundamentals of Divine-Human Spirituality*. Moscow, AST Publ.
- Berdyayev N., 2008. *Subjectivism and Individualism in Social Philosophy. Critical Study About N.K. Mikhailovsky*. Moscow, Astrel' Publ.
- Berdyayev N., 2016. *Small Collected Works*. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ.
- Berdyayev N., 2018. *Creativity and Objectification*. Moscow, T8 RUGRAM Publ.
- Kant I., 2007. *Critique of Pure Reason*. Moscow, Eksmo Publ.; Saint Petersburg, Midgard Publ.
- Krasicki J., 2014. Struggle for Truth (Berdyayev, Kant and Others). *Solov'evskie issledovaniya*, no. 2 (42), pp. 108-127.
- Silantyeva M., 2005. Kant and N. Berdyayev. Dialectics in Three Dimensions. *Kant mezhdru zapadom I Vostokom. Kh 200-letiyu so dnya smerti i 280-letiyu so dnya rozhdeniya Immanuila Kanta. V 2 ch. Ch. 1: tr. Mezhdunar. seminaru i Mezhdunar. konf.* Kaliningrad, RGU im. I. Kanta, pp. 123-133.
- Stepun F., 1994. Nikolai Berdyayev's Doctrine of Cognition. *Berdyayev: pro et contra*. Saint Petersburg, RHGI Publ., pp. 483-500.
- Krasicki Y., 2012. Nikolai Berdyayev and Neo-Kantianism. *Estetika i kritika*, no. 26 (4), pp. 223-236.

Information About the Author

Andrey V. Shumskoy, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of the Social and Humanitarian Sciences, Ural State University of Physical Culture, Ordzhonikidze St, 1, 454091 Chelyabinsk, Russian Federation, shav.82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9765-8754>

Информация об авторе

Андрей Викторович Шумской, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Уральский государственный университет физической культуры, ул. Орджоникидзе, 1, 454091 г. Челябинск, Российская Федерация, shav.82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9765-8754>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.4>

UDC 141.201.2-78
LBC 87.6

Submitted: 09.09.2021
Accepted: 15.08.2022

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL FEATURES OF RELIGIOUS EXTREMIST ACTIVITY – BETWEEN HIERARCHY AND NETWORKIZATION

Tatyana V. Izluchenko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. The work is devoted to the study of the structural and functional model of religious extremist associations. Religious extremist actions are viewed as a joint form of organized activity. Its specifics are influenced by the conditions of modern civilization: digital environment, virtualization, globalization, and networkization. The research methodology is based on the structural-functional approach by T. Parsons. Religious extremist associations are viewed as systemic units of a sociocultural community and independent social systems. The establishment of network connections is carried out within the theories framework by J. Barns, M. Castells. The nature of the relationship between the participants is determined by the theory of social exchange by G. Homans. In the modern world, many organizations, especially those with a transnational characteristic, are replacing the hierarchical structure model with a network one. This allows them to optimize their economic and intellectual resources, strengthen political and symbolic capital, expand their target audience and increase competitiveness. Extremist organizations are also transforming their structure. Religious extremism seeks to implement socio-political projects for a radical transformation of social reality on a religious basis through the conquest, retention, and use of power by illegal methods. Religious extremist associations actively use network resources, cooperate with other organizations and make appropriate changes to the structure. However, they retain a hierarchical model where the relationships are less explicit due to networkization processes. This model remains the main one due to the presence of a) sacred; b) general religious beliefs; c) a sense of spiritual unity and sacred significance, as well as the sharing of the religious and political ideology provisions by all participants. It is the combination of hierarchy and networkization that contributes to the widespread dissemination of the religious extremism ideas and the growth of the activity of religious extremist associations.

Key words: extremism, religious extremism, extremist associations, hierarchical model, networkization, social system, social network.

Citation. Izluchenko T.V. Structural and Functional Features of Religious Extremist Activity – Between Hierarchy and Networkization. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 33-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.4>

УДК 141.201.2-78
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 09.09.2021
Дата принятия статьи: 15.08.2022

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕЖДУ ИЕРАРХИЧНОСТЬЮ И СЕТЕВИЗАЦИЕЙ

Татьяна Владимировна Излученко

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию структурно-функциональной модели религиозных экстремистских объединений. Религиозные экстремистские действия рассматриваются в качестве совместной формы организованной деятельности, на специфику которой влияют условия современной цивилизации: цифровая среда, виртуализация, глобализация и сетевизация. Методология исследования основывается на структурно-функциональном подходе Т. Парсонса. Религиозные экстремистские объединения понимаются как системные единицы социокультурной общности и самостоятельные социальные системы. Установление сетевых

связей осуществляется в рамках теорий Дж. Барнса, М. Кастельса. Характер взаимоотношений между участниками определяется теорией социального обмена Дж. Хоманса. В современном мире многие организации, особенно обладающие транснациональным признаком, заменяют иерархичную модель структуры на сетевую. Это позволяет им оптимизировать свои экономические и интеллектуальные ресурсы, усилить политический и символический капиталы, расширять целевую аудиторию и увеличивать конкурентоспособность. Экстремистские организации также трансформируют свою структуру. Религиозный экстремизм стремится реализовать социально-политические проекты радикального преобразования социальной реальности на религиозной основе посредством завоевания, удержания и использования власти противоправными методами. Религиозные экстремистские объединения активно используют сетевые ресурсы, кооперируются с другими организациями и вносят соответствующие изменения в структуру. Однако у них сохраняется иерархичная модель, в которой из-за процессов сетевизации взаимосвязи ставятся менее явными. Данная модель остается основной по причине наличия: а) священного; б) общих религиозных убеждений; в) ощущения духовного единства и священной значимости, а также разделения всеми участниками положений религиозно-политической идеологии. Именно сочетание иерархичности и сетевизации способствует широкому распространению идей религиозного экстремизма и росту активности религиозных экстремистских объединений.

Ключевые слова: экстремизм, религиозный экстремизм, экстремистские объединения, иерархичная модель, сетевизация, социальная система, социальная сеть.

Цитирование. Излученко Т. В. Структурно-функциональные особенности религиозной экстремистской деятельности: между иерархичностью и сетевизацией // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 33–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.4>

В современном, быстро развивающемся мире организации стремятся повысить эффективность своей деятельности и сохранить конкурентоспособность. Условия глобализации требуют включения элементов сетевизации как действенных средств функционирования. Широкое распространение сетевых структур провоцирует создание сетевого общества, формальных и неформальных связей, отличающихся интенсивностью, длительностью и направленностью. Сетевая структура является многокомпонентным полифункциональным образованием, действующим на основании наличия взаимосвязей, взаимозависимостей и кооперативного взаимодействия акторов, содействующего решению общих задач. Действенная, динамическая структура сетей оказывает воздействие на поведение акторов во всех социальных сферах [Баньковская 2019, 63].

Религиозные экстремистские объединения распространяют политическую и религиозную идеологию, противостоящую общественным нормам и провозглашающую отказ от окружающей культуры, и стремятся расширить детали и строгость религиозного закона на социум [Chetty, Alathur 2018]. Распространение идей религиозного экстремизма, привлекательность участия в религиозной экстремистской деятельности для молодежи во многом обусловлено активным использовани-

ем принципов сетевой модели организации. Однако, анализируя структуру и методы религиозных экстремистских объединений, роль религиозного фактора, ритуальные практики и социальные действия, возникает вопрос – действительно ли они сеть или они таковой позиционируются?

Определение специфики структурно-функциональной модели функционирования религиозных экстремистских объединений, учитывающей условия современной реальности, глобализационные процессы и технологические возможности, является важным условием для разработки и оптимизации управленческих решений в сфере противодействия религиозному экстремизму. Цель работы заключается в выявлении структурно-функциональных особенностей религиозной экстремистской деятельности, реализуемой в форме религиозных экстремистских объединений как социальных систем, а также характеристика взаимосвязи иерархичности и сетевизации в рамках социальных структур религиозного экстремизма.

Методология исследования

В основе методологии исследования находится структурно-функциональный подход к рассмотрению религиозных экстремистских объединений, с одной стороны, как системных единиц социокультурной общности, а с

другой – социальных систем, структурные единицы которых обладают определенными функциями адаптации, регуляции и социального контроля. Характеристика подсистем (экономических, политических, религиозных) религиозных экстремистских объединений и их функций, механизмов социального контроля осуществлена в рамках теории социальных систем Т. Парсонса. Это способствовало дальнейшему определению и анализу структурных компонентов создаваемых ими социальных сетей, а также позволило выявить используемые в религиозной экстремистской деятельности принципы сетевизации. Структура связей сетевых акторов, механизмы функционирования, сетевые ресурсы и ресурсные потоки были установлены в рамках сетевого подхода Дж. Барнса, М. Кастельса. Эффективность взаимоотношений и обмена материальными и нематериальными ценностями между религиозными экстремистами в сетевой модели рассмотрена теорией социального обмена Дж. Хоманса.

Результаты исследования

Эффективность организации совместной деятельности заключается в системности и наличии механизмов разрешения функциональных проблем: адаптации, достижения цели и воспроизводства, снятия напряжения и интеграции. Система обладает: а) целостностью и эмерджентностью; б) структурой, обеспечивающей межэлементное взаимодействие; в) иерархичностью, позволяющей определить вектор действий, выявить подсистемы на основе элементов и определить характер их взаимоотношений. Указанные свойства обеспечивают адаптацию, распространяющуюся от низшего уровня к высшему и отражающуюся в трансформации культурных паттернов. Единообразность социальной мотивации достигается посредством ретрансляции участникам соответствующих мировоззренческих представлений, в которых содержатся заданные смыслы индивидуальных и коллективных действий. Участник получает свободу в рамках коллективной деятельности, выступая актором и социальным объектом и включаясь во взаимоотношения «субъект-действие-ситуация». Каждый актор выполняет действия в соответствии

с полученной статус-ролью – набором взаимно соотношенных ожиданий, институализированных и согласованных с культурно установленными образцами [Парсонс 2000].

Социальные системы выступают сложными, индивидуализированными последовательностями коммуникативных взаимоотношений, которые образуют познавательные агентства. Когнитивное развитие определяется направлением деятельности системы. Системы удовлетворяют потребности в доверии (социальном капитале), получении личной значимости, наличии вариантов выбора, обучении и самореализации [Missimer, Robèrt, Broman 2017]. Каждый участник вовлечен в познавательный процесс. Формируемый системой на основе культурных паттернов, экономических и социальных ресурсов символический капитал воспринимается ценностным и легитимным, а также создается представление о естественности состояния общественного порядка [Karoui, Duzert, Leidner 2015].

Социальная система с целью разрешения своих функциональных проблем формирует соответствующую организацию взаимосвязи своих структурных элементов. Первый вариант – централизованное управление: а) с четко выраженной иерархией отношений, имеющей нормативное оформление; б) узкой специализацией; в) сферами ответственности участников. Второй вариант – сетевая организация, характеризующаяся «расщепленным лидерством», динамичностью, деструктуризацией (отсутствием видимых формальных связей) и горизонтальными коммуникативными связями.

Развитие информационно-коммуникационных технологий, массовая цифровизация и культура потребления являются важнейшими условиями современной социальной реальности, которые влияют на усложнение социальных взаимоотношений, провоцируют сетевые формы организации. Стоит помнить, что понятие «социальной сети» не сводится к сети Интернет. Дж. Барнс, впервые используя данное понятие (1954), указал в качестве характеристик отсутствие четких внешних и внутренних границ, способность расширяться, неустойчивость и непостоянность, а также наличие множества взаимодействующих акторов с равным статусом, которые являются основным условием функционирования сети.

Социальные сети используются для организации деятельности, взаимопомощи, в результате чего они становятся системами социальных отношений, позволяющими участникам совместно действовать и косвенно координировать друг друга [Немировский 2019, 192].

Сетевизация представляется способом стратегического менеджмента, заключающимся в формировании сети с ее узлами и связями для достижения соответствия целей с потребностями и ожиданиями партнеров. Е.И. Князева определила сеть как совокупность социальных акторов и набора связей между ними. Посредством социальных сетей «происходит обмен разнообразными ресурсами или «потоками» (капиталом, информацией, технологиями, изображениями, звуками и символами) как между разными участками одного поля, так и между различными полями» [Князева web]. Дж. Хоманс рассматривал деятельность социальных групп, возникающих на условиях получения вознаграждения или избегания наказания, и обозначил следующие мотивационные тенденции. Первая – участник тем более охотно будет совершать действие, если он ранее уже получил за него вознаграждение, которое представляет ценность. Вторая – получение сверх ожидаемого провоцирует демонстративно лояльное поведение [Hомans 1974].

Ключевым моментом функционирования сети помимо структурных единиц являются узлы. По мнению А.В. Назарчука, узлы есть объекты, совокупности объектов и пересечения объектов. В социальной теории ими могут являться индивиды, группы индивидов, созданные ими социальные учреждения. Отличительной чертой сети выступает формирование между этими объектами связей, обладающих дискретностью, подобием, близостью и взаимностью [Назарчук 2011, 41]. Именно наличие взаимных обязательств, переживаний, представлений и целей, обуславливающих взаимодействие, позволяет рассматривать совокупность субъектов сетью.

Современное информационное общество основывается на генерировании, обработке и передаче информации. М. Кастельс назвал его сетевым, так как «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют

культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества» [Кастельс 2000, 505]. Сетью именуются открытые структуры, неограниченно расширяющиеся посредством включения новых узлов, способных к коммуникации, и обладающие открытостью, децентрализованностью и горизонтальными связями. Организационные трансформации проявляются в бюрократических изменениях: а) переходе от вертикализации к горизонтальным отношениям; б) деятельности вокруг процесса; в) определении эффективности потребителем; г) командной работой; д) широкой сетью взаимоотношений; е) постоянном обучении кадров.

Сетевые формы организации порождаются сетевыми функциями, реализуясь посредством выстраивания корпоративных связей. Это приводит к снижению издержек в сфере технологий и обучения, обусловленное созданием ресурсного пула по принципу единства и комплиментарности ресурсов. Доминирование паттернов коллективного выживания способствует усилению социальной зависимости и согласованности деятельности в едином поле с провозглашенными целями и ожиданиями. Основной единицей сети является индивид, выступающий стратегическим ресурсом, способным генерировать инновации. Причина участия в сети может быть различна от экономических выгод до бихевиористских установок [Ломовцева, Мордвинцев 2009]. Жизнеспособность организации измеряется количеством и активной социальной деятельностью участников. Выигрывают в борьбе за «души» те, кто осознает свою целевую аудиторию и предлагает наиболее для нее актуальные цели и направления деятельности, позволяющие каждому индивиду реализоваться как личности при поддержке социального окружения, получить личную значимость.

Стоит отметить, что информационное пространство содержит позитивную (конструктивную) и негативную (деструктивную) составляющие. О.М. Михайленок отмечает, что деструктивная деятельность социальных сетей, заключающаяся в специфической фор-

ме социальной активности, характеризуется «стремлением к разрушению или нарушению нормального функционирования тех объектов и систем, которые обеспечивают жизнедеятельность личности, общества и государства» [Михайленок 2019, 16]. Такие сети функционируют в существующей социально-политической обстановке, но акторы противопоставляют себя обществу и используют незаконные методы.

Насильственный экстремизм является процессом, при котором отдельный человек или группа принимают насильственные действия на основе экстремистской идеологии, оспаривающей установившийся порядок на политическом, социальном и культурном уровнях. Субъекты данных взаимоотношений связаны как формальными, так и неформальными связями. Предпосылками с учетом социально-политического и психологического контекста выступают действия государства, групповая идентичность и индивидуальные мотивы. В современных условиях они усиливаются и охватывают большую аудиторию потенциальных участников благодаря ресурсам сети Интернет [Amit, Varua, Kafyweb], которые совершают экстремистские действия в одиночку, организованными или стихийными группами и сообществами [Заврина, Чернышов, Макурин 2017].

На наш взгляд, в связи с этим религиозные экстремистские объединения целесообразно рассматривать в качестве социальных систем. Информационные технологии позволяют создавать им социальные сети и поддерживать взаимодействие между структурными подразделениями и отдельными участниками, осуществлять обмен информацией, а также вознаграждать как материальными, так и нематериальными благами. Например, обеспечивать авторам доступ к своим сетевым ресурсам, в первую очередь к информации как наибольшей ценности современного общества. Важными условиями сетевого взаимодействия являются схожесть субъектов в каких-либо качествах и ожидание получения положительной оценки своих действий со стороны других. Во многом благодаря этому обеспечивается идентификация акторов в рамках определенной социальной группы [Софонов web].

Развитие новых технологий и формирование цифровой среды способствуют преобразованию организационных структур экстремистских объединений, изменению направлений функционирования и трансформации деятельности, переходу иерархической модели управления к более децентрализованным структурам – цепной сети, узловой структуре, многоканальной структуре, гибридной структуре и сопротивлению без лидера. Иерархичность заменяется свободной конфигурацией небольших автономных ячеек, отдельных лиц или небольших групп, которые не управляются центром принятия решений [Postuszna 2020]. Ключевыми исполнителями становятся независимые люди, которые действуют в одиночку и не общаются с другими участниками, так называемые «одинокие волки» [Postuszna 2015].

Разнообразные причины возникновения, которые варьируются в зависимости от территории, способствуют сетевизации, так как позволяют одному экстремистскому объединению создавать структурные подразделения, опираясь на местные условия. Нами отмечаются две тенденции возникновения экстремизма. Первая – индивидуальная, основывающаяся на личностных, субъективных представлениях и переживаниях. Насильственный экстремизм возникает в контексте социальной и экономической депривации, чувства обидленности, подкрепляемого результатами сравнения положения воспринимаемого неравенства, что провоцирует обвинения «привилегированных» социальных групп или всей системы, дегуманизацию и агрессию [Borum 2003]. Вторая – коллективная, использующая групповую солидарность и групповое мышление основой экстремистских воззрений.

В.П. Кириленко и Г.В. Алексеев, подчеркивая радикальный характер экстремистских действий, указывают, что экстремистские идеи развиваются в закрытых социальных сообществах, отражают агрессивные настроения определенных радикалов по отношению к политическому классу и доминирующей идеологии [Кириленко, Алексеев 2018, 565]. В результате межгруппового взаимодействия, при котором наблюдаются культурные различия, национальные и этнические особенности и которое осуществляется в едином социальном

и политическом поле, может возникнуть восприятие сокращения численности и уменьшения влияния одной из групп под влиянием других (угроза исчезновения), что провоцирует угрозу статусу и прототипичности. Обоснованием необходимости экстремистской деятельности выступает несовместимость ценностей и убеждений между группами (символическая угроза) [Bai, Federico 2021].

Одним из насильственных видов экстремизма, выходящим за локальные рамки и считающимся на данный момент основной угрозой для западноевропейской культуры, является религиозный экстремизм. А.Г. Залужный предложил определение экстремизма, подчеркивая взаимоотношения государства и религиозных объединений как действий и выраженных в публичной форме взглядов и намерений, преследующих своей целью нарушение или проявление неуважения к установленному законом праву граждан на свободу совести, нарушающие общепринятые и справедливые нормы морали, общественный порядок и общее благосостояние [Залужный 2018, 65]. В основе религиозного экстремизма находится взаимосвязь религии и политики. Политические, экономические и социокультурные цели легитимизируются религией, что приводит к ее политизации. Этот процесс усиливается при отождествлении религиозной и этнической принадлежности [Калабекова 2020]. Религиозный экстремизм направлен на получение, удержание и использование власти для реализации социально-политических проектов, в которых акцентируются религиозность будущего политического режима (исламистская теократия) и легитимность новой власти, одобренная священным (Богом, Аллахом, богами, духами). Религиозной экстремистской деятельности имманентно присуща возможность применения насилия в отношении мировоззренческих оппонентов. Это выражается в: а) крайней нетерпимости к иным религиозным и мировоззренческим убеждениям, отрицающей возможность сосуществования с иными позициями; б) радикализованной идеи исключительности в вопросах религии и политики; в) героизации «своих» и демонизации «чужих»; г) пограничности состояния, выражающейся в дихотомичности повседневности и обусловленной экстремальностью и девиантностью; д) жертвенности; е) эсхатологизме.

Религиозная вера становится обоснованием допустимости применения насилия в случае наличия переоцененных убеждений. Применение целенаправленного насилия мотивируется религиозными идеологиями. Группа осуществляет убеждение отдельных участников в необходимости совершения насильственных действий, обращаясь к социальной идентичности и групповой сплоченности. Со временем данные религиозные убеждения становятся доминирующими, утонченными и устойчивыми к вызовам, а верующий становится сильно эмоционально зависимым, что может проявляться в агрессивном поведении. Религиозные экстремисты способны мыслить рационально. Однако они делают это в рамках системы убеждений, которые иррациональны для посторонних. Они жесткие, упрощенные и защищаемые с большой эмоциональной силой [Rahman, Zheng, Reid Meloy web].

Обсуждение результатов

На динамику изменений организационной структуры религиозных экстремистских объединений влияют ужесточение наказания и предпринимаемые государством меры противодействия. Крупные религиозные экстремистские объединения «традиционного» (иерархического) типа структурной организации, существующие достаточный период времени для формирования развернутой стратегии и религиозно-политической идеологии, обладают структурно-территориальным делением, системой вовлечения, воспитания и обучения, распределения экономических и интеллектуальных ресурсов, социального контроля, поощрения и наказания, осуществляют просветительскую и издательскую деятельность. Однако в современных экономических и политических условиях становятся малоэффективными по следующим причинам. Первая – строгая иерархичность не позволяет проявлять гибкость управленческих решений, которые в зависимости от региона могут быть диаметрально противоположными. Вторая – сложность реализации контроля над исполняемыми обязательствами, компенсациями и наказанием. Третья – невозможность удовлетворить запросы широкого круга лиц в дости-

жении личной значимости, индивидуальных целей и т. д. Четвертая – функционирование в определенном географическом месте, опасность концентрации ресурсов. Возникающий организационный кризис приводит: а) к сокращению или ликвидации объединения; б) сетевизации как альтернативной формы организации деятельности.

Так, религиозные экстремистские объединения, осуществляющие террористическую деятельность, активно используют сетевые формы. Например, «Исламское государство»^{*1} [Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424 С... web], «Братья-Мусульмане»^{*2} [Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 web], а «Аль-Каида»^{*3} [Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 web] позиционируется в качестве транснациональной разведывательно-диверсионной и террористической сети. Интегративной основой выступает «мягкая сила» идеологического воздействия, вовлекающая значительную часть молодых участников и заключающаяся в распространении мировоззренческих паттернов равенства, братства, справедливости, основывающихся на религиозных положениях. Такие организации функционируют по сетевому принципу и состоят из отдельных, автономно функционирующих сообществ, обладающих высокой степенью свободы в выборе стратегии, тактики, целей, мишеней и форм осуществления насильственных действий (террористических актов) [Манойло 2018].

Сетевая модель организации усложняет реализацию мер противодействия религиозному экстремизму, затрудняет выявление структурных связей, узлов и механизмов взаимодействия и моделей соподчинения, а также демаркацию экстремистов, относящих себя к представителям той или иной религии, и «традиционных» верующих. Религиозность позволяет участникам ссылаться на свою на вероисповедную принадлежность, указывая на отсутствие организации и свою непричастность

к противоправным действиям. Они отмечают, что реализуют свое право на свободу совести и выполняют религиозные предписания в рамках традиции, а все попытки правоохранителей их привлечь к ответственности за экстремизм являются неправомерными. Так, например, участники экстремистской организации «Нурджулар»^{*4} [Верховный суд... web] указывают, что являются мусульманами и исполняют предписания религии ислам, а данной организации не существует, а также приводят в подтверждение своих слов высказывания известных авторитетных мусульманских лидеров.

На наш взгляд, религиозные экстремистские объединения обладают иерархичной моделью организации, функционирование которой обеспечивается религиозным фактором, воплощающим в себе символический капитал, и легитимизирующим власть. Религиозная вера, иерархия руководства и рядовых участников, наличие единой цели – выполнение «священной миссии», результативность которой определяется священным посредством его волеизъявителей (руководства), формируют иерархичные связи структурных элементов и обеспечивают нормативную легитимность. Однако религиозные экстремистские объединения активно используют в своей деятельности принципы сетевизации, такие как: а) использование ресурсов иных источников (других организаций); б) предложение участникам деятельности и интересной статус-роли; в) использование современных способов коммуникаций; г) автономность акторов при преобладании горизонтальных связей. Благодаря сетевизации они получают устойчивость при неблагоприятных условиях, широкую специализацию своих участников и возможность выполнения каждым большего спектра задач, а также неформальный характер лидерства позволяет отрицать свое присутствие на какой-либо территории и создает сложность идентификации участников правоохранительными органами.

*1 Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

*2 Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

*3 Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

*4 Экстремистская организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Заключение

На основании проведенного социально-философского анализа религиозной экстремистской деятельности был установлен противоречивый характер организации, одновременно сетевой и структурированный с привлечением одиночных участников. Современные условия социальной реальности, глобализационные изменения и развитие новых информационных технологий способствуют переходу от иерархичной организации к сетевым структурам. Однако религиозный экстремизм по причине религиозно-идеологической составляющей остается иерархичным. Сетевые принципы применяются для оптимизации деятельности при необходимых обстоятельствах. Именно данная модель структурных взаимоотношений, основанная на схожих религиозных убеждениях, ощущениях духовного единства и получении священной значимости при наличии сетевых элементов, обеспечивает широкое распространение, привлекательность для конкретных слоев населения и конкурентоспособность религиозных экстремистских объединений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баньковская 2019 – Баньковская Ю.Л. Социально-философские подходы к исследованию процессов сетевизации общества // Вестник Полесского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 62–67.

Верховный суд... web – Верховный суд Российской Федерации признал экстремистской и запретил на территории России деятельность международного религиозного объединения «Нурджулар» // <http://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-63034>

Заврина, Чернышов, Макурин 2017 – Заврина Е.Е., Чернышов Г.Н., Макурин П.С. Экстремизм – актуальность проблемы // Инновационная экономика и право. 2017. № 3. С. 115–119.

Залужный 2018 – Залужный А.Г. Личность религиозного экстремиста: теоретико-правовой анализ // Теория государства и права. 2018. № 1. С. 64–68.

Калабекова 2020 – Калабекова С.В. Некоторые аспекты проблематики религиозного экстремизма // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, ч. 3. С. 316–320.

Кастельс 2000 – Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Кириленко, Алексеев 2018 – Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4. С. 561–571. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571

Князева web – Князева Е.И. Сетевые подходы к анализу коммуникации в информационном обществе [Человек. Культура Общество: тез. докл. I Междунар. научн. конф. студентов и асп. (г. Минск, 21–22 мая 2004 г.). Минск: БГУ, 2004. С. 185–188] // <http://elib.bsu.by/handle/123456789/46999>

Ломовцева, Мордвинцев 2009 – Ломовцева О.А., Мордвинцев А.И. Сетевая природа корпоративных форм организации бизнеса // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 1 (64). С. 138–143.

Манойло 2018 – Манойло А. «Мягкая сила» сетевых террористических организаций в контексте европейской безопасности // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2018. № 51. С. 11–15.

Михайленок 2019 – Михайленок О.М. Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 12–21. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.584

Назарчук 2011 – Назарчук А.В. О сетевых исследованиях в социальных науках // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 39–51.

Немировский 2019 – Немировский М.В. Теоретические подходы к изучению сетевого взаимодействия в образовании // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 191–196.

Парсонс 2000 – Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Акад. проект, 2000.

Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 web – Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 года № ГКПИ 03-116 // <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnyeresheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html>

Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424 С... web – Решение Верховного суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 года № АКПИ 14-1424 С – признать международные организации «Исламское государство» и Джебхат ан-Нусра (Фронт победы) *⁵ террористическими и запретить их

*⁵ Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

- деятельность на территории Российской Федерации // <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogosuda-rf-t-29-dekabrya.html>
- Софронов web – Софронов Д.А. Сетевое социально-информационное взаимодействие как объект изучения социологии [Огарев-online. 2014. № 24] // <http://journal.mrsu.ru/arts/setevoe-socialno-informacionnoe-vzaimodejstvie-kak-obekt-izucheniya-sociologii>
- Amit, Barua, Kafyweb – Amit S., Barua L., Kafy A. Countering Violent Extremism Using Social Media and Preventing Implementable Strategies for Bangladesh [Heliyon. 2021. Vol. 7, iss. 5. DOI: 10.1016/j.heliyon.2021.e07121] // <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2376/science/article/pii/S240584402101224X>
- Bai, Federico 2021 – Bai H., Federico Ch. White and Minority Demographic Shifts, Intergroup Threat and Right-Wing Extremism // Journal of Experimental Social Psychology. 2021. Vol. 94. Art.104114. DOI: 10.1016/j.jesp.2021.104114
- Borum 2003 – Borum R. Understanding the Terrorist Mind-Set // FBI Law Enforce. Bull. 2003. Vol. 72. P. 7–10.
- Chetty, Alathur 2018 – Chetty N., Alathur S. Hate Speech Review in the Context of Online Social Networks // Aggression and Violent Behavior. 2018. Vol. 40. P. 108–118. DOI: 10.1016/j.avb.2018.05.003
- Homans 1974 – Homans G.C. Social Behavior: In Elementary Forms. N. Y.: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1974.
- Karoui, Duzert, Leidner 2015 – Karoui M., Duzert A., Leidner D. Strategies and Symbolism in the Adoption of Organizational Social Networking Systems // The Journal of Strategic Information Systems. 2015. Vol. 24, iss. 1. P. 15–32. DOI: 10.1016/j.jsis.2014.11.003
- Missimer, Robèrt, Broman 2017 – Missimer M., Robèrt K., Broman G. A Strategic Approach to Social Sustainability – Part 1: Exploring the Social System // Journal of Cleaner Production. 2017. Vol. 140. P. 32–41. DOI: 10.1016/j.jclepro.2016.03.170
- Posłuszna 2015 – Posłuszna E. Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security. Waltham: Butterworth-Heinemann, 2015.
- Posłuszna 2020 – Posłuszna E. Terrorism of Lone Wolves // Safety & Defense. 2020. Vol. 6 (1). P. 109–118. DOI: 10.37105/sd.69
- Rahman, Zheng, Reid Meloy web – Rahman T., Zheng L., Reid Meloy J. DSM-5 Cultural and Personality Assessment of Extreme Overvalued Beliefs [Aggression and Violent Behavior. 2021. DOI: 10.1016/j.avb.2021.101552] // <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2376/science/article/pii/S1359178921000069>
- REFERENCES**
- Ban'kovskaya Yu.L., 2019. Socio-Philosophical Approaches to the Study of Social Networking Processes. *Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 62-67.
- The Supreme Court of the Russian Federation Recognized the Activities of the International Religious Association "Nurdzhular" as Extremist and Banned in Russia*. URL: <http://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-63034>
- Zavrina E.E., Cherny'shov G.N., Makurin P.S., 2017. Extremism – the Relevance of the Problem. *Innovacionnaya ekonomika i pravo*, no. 3, pp. 115-119.
- Zaluzhny'j A.G., 2018. The Personality of a Religious Extremist: A Theoretical and Legal Analysis. *Teoriya gosudarstva i prava*, no. 1, pp. 64-68.
- Kalabekova S.V., 2020. Some Aspects of the Problems of Religious Extremism. *Missiya konfessij*, vol. 9, ch. 3, pp. 316-320.
- Castells M., 2000. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow, GU VShE.
- Kirilenko V.P., Alekseev G.V., 2018. Actual Problems of Countering Extremist Crimes. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 561-571. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571
- Knjazeva E.I., 2004. Network Approaches to the Analysis of Communication in the Information Society. *Chelovek. Kultura. Obshchestvo: tez. dokl. I Mezhdunar. nauch. konf. studentov i asp. (g. Minsk, 21–22 maya 2004 g.)*. Minsk: BSU, pp. 185-188. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/46999>
- Lomovceva O.A., Mordvincev A.I., 2009. The Network Nature of Corporate Forms of Business Organization. *Ucheny'e zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, no. 1 (64), pp. 138-143.
- Manojlo A., 2018. "Soft Power" of Network Terrorist Organizations in the Context of European Security. *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy*, no. 51, pp. 11-15.
- Mixajlenok O.M., 2019. Information and Communication Risks of the Networking of Political Relations. *Vestnik Instituta sociologii*, vol. 10, no. 3, pp. 12-21. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.584
- Nazarchuk A.V., 2011. On Network Research in Social Sciences. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 39-51.
- Nemirovskij M.V., 2019. Theoretical Approaches to the Study of Network Interaction in Education. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 1, pp. 191-196.

- Parsons T., 2000. *The Structure of Social Action*. Moscow, Akad. proekt Publ.
- The Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of February 14, 2003 No. GKPI 03-116*. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html>
- The Decision of the Supreme Court of the Russian Federation from December 29, 2014 No. AKPI 14-1424 C-to Recognize the International Organizations "Islamic State" and Jabhat al-Nusra (Victory Front) Terrorist Organizations and Prohibit Their Activities on the Territory of the Russian Federation*. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-t-29-dekabrya.html>
- Sofronov D.A., 2014. Network Socio-Informational Interaction as an Object of Studying Sociology. *Ogarev-online*, no. 24. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/setevoe-socialno-informacionnoe-vzaimodejstvie-kak-obekt-izucheniya-sociologii>
- Amit, Barua, Kafy web – Amit S., Barua L., Kafy A., 2021. Countering Violent Extremism Using Social Media and Preventing Implementable Strategies for Bangladesh. *Heliyon*, vol. 7, iss. 5. DOI: 10.1016/j.heliyon.2021.e07121. URL: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2376/science/article/pii/S240584402101224X>
- Bai H., Federico Ch., 2021. White and Minority Demographic Shifts, Intergroup Threat and Right-Wing Extremism. *Journal of Experimental Soul Psychology*, vol. 94, art. 104114. DOI: 10.1016/j.jesp.2021.104114
- Borum R., 2003. Understanding the Terrorist Mind-Set. *FBI Law Enforce. Bull*, vol. 72, pp. 7-10.
- Chetty N., Alathur S., 2018. Hate Speech Review in the Context of Online Social Networks. *Aggression and Violent Behavior*, vol. 40, pp. 108-118. DOI: 10.1016/j.avb.2018.05.003
- Homans G.C., 1974. *Social Behavior: In Elementary Forms*. New York, Harcourt, Brace, Jovanovich.
- Karoui M., Duzert A., Leidner D., 2015. Strategies and Symbolism in the Adoption of Organizational Social Networking Systems. *The Journal of Strategic Information Systems*, vol. 24, iss. 1, pp. 15-32. DOI: 10.1016/j.jsis.2014.11.003
- Missimer M., Robèrt K., Broman G., 2017. A Strategic Approach to Social Sustainability – Part 1: Exploring the Social System. *Journal of Cleaner Production*, vol. 140, p. 32-41. DOI: 10.1016/j.jclepro.2016.03.170
- Posudzna E., 2015. *Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security*. Waltham: Butterworth-Heinemann.
- Posiuszna E., 2020. Terrorism of Lone Wolves. *Safety & Defense*, vol. 6(1), pp. 109-118. DOI: 10.37105/sd.69
- Rahman T., Zheng L., Reid Meloy J., 2021. DSM-5 Cultural and Personality Assessment of Extreme Overvalued Beliefs. *Aggression and Violent Behavior*. DOI: 10.1016/j.avb.2021.101552. URL: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2376/science/article/pii/S1359178921000069>

Information About the Author

Tatyana V. Izluchenko, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Siberian Federal University, Prosp. Svobodnyy, 79, 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation, izluchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>

Информация об авторе

Татьяна Владимировна Излученко, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Сибирский федеральный университет, просп. Свободный, 79, 660041 г. Красноярск, Российская Федерация, izluchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.5>

UDC 1(620)
LBC 87.3(6Еги)6-786

Submitted: 18.05.2022
Accepted: 15.08.2022

ISLAMIC THOUGHT IN THE POSTMODERN ERA: THE PHILOSOPHY OF HASAN KHANAFI

Amy Maulana

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article aims to reconstruct the paradigm of Islamic thought associated with postmodernism. The relevance of this goal is explained by the need to understand how Islam in its theological and anthropocentric dimensions corresponds to postmodern thinking. In this regard, the works of the Islamic thinker Hassan Hanafi (1935–2021), whose philosophical development is closest to postmodernism, are of particular interest. Hassan Hanafi, with the Turat va tajdid (Tradition and Reform) project and the Islamic left, identifies three factors for the implementation of Islamic revival, Islamic revolution, unity and integrity of the ummah. According to him; (1) the need for rationalism to revive the intellectual treasures of classical Islam and bring out the progressive elements in it; (2) the need to confront Western civilization and do away with its global civilization by studying local culture and creating accidentalism that is contrary to the Orientalist paradigm; (3) the need to analyze the reality of the Islamic world by abandoning traditional textual methods and resorting to certain methods that allow the reality of Islam to speak for itself. Here he contrasts Occidentalism with Orientalism. If Orientalism views the East from a Western perspective, from the standpoint of cultural superiority, then Occidentalism seeks to present a picture of Western culture from the perspective of the East. Hassan Hanafi does not approve of isolationism in any form (including Islamic). Islam is a world, and therefore a global religion, therefore the Islamic world must see cultures in a global perspective. Occidentalism is an attempt to undermine Western supremacy in language, culture, science, theory, and opinion.

Key words: Islamic thought, postmodern, philosophy of Hassan Hanafi, tradition, reform, Islamic Left, Occidentalism.

Citation. Maulana A. Islamic Thought in the Postmodern Era: The Philosophy of Hasan Khanafi. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 43-50. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.5>

УДК 1(620)
ББК 87.3(6Еги)6-786

Дата поступления статьи: 18.05.2022
Дата принятия статьи: 15.08.2022

ИСЛАМСКАЯ МЫСЛЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: ФИЛОСОФИЯ ХАСАНА ХАНАФИ

Ами Маулана

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье ставится задача реконструировать парадигму исламской мысли, связанную с постмодернизмом. Актуальность этой цели объясняется необходимостью понять, как ислам в его теологическом и антропоцентрическом измерениях отвечает постмодернистскому мышлению. В связи с этим особый интерес представляют работы исламского мыслителя Хасана Ханафи (1935–2021), философские взгляды которого близки к постмодернизму. Хасан Ханафи с проектом «Турат ва таджид» («Традиция и реформа»), представляющий исламских левых, выделяет три фактора реализации исламского возрождения, исламской революции, единства и целостности уммы. Он утверждает, во-первых, необходимость рационализма для возрождения интеллектуальных сокровищ классического ислама и выявления в нем прогрессивных элементов; во-вторых, необходимость противостоять западной цивилизации и покончить с ее глобальной цивилизацией путем изучения местной культуры и создания оксидентализма, противостоящего ориенталистской парадигме; в-третьих, необходимость анализа реальности исламского мира путем отказа от традиционных текстовых методов и обращения к методам, позволяющим реальности ислама говорить самой за

себя. Здесь он противопоставляет оксидентализм ориентализму. Если ориентализм рассматривает Восток с позиций культурного превосходства, то оксидентализм призван дать картину западной культуры с точки зрения Востока. Хасан Ханафи не одобряет изоляционизм с любой его форме (в том числе исламский). Ислам является мировой, а значит и глобальной религией; следовательно, исламский мир должен видеть культуры в глобальной перспективе. Оксидентализм – это попытка преодолеть доминирование Запада в языке, культуре, науке, теории и мнениях.

Ключевые слова: исламская мысль, постмодерн, философия Хасана Ханафи, традиция, реформа, исламские левые, оксидентализм.

Цитирование. Маулана А. Исламская мысль в эпоху постмодерна: философия Хасана Ханафи // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 43–50. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.5>

Введение

В интеллектуальной истории западного человека принято выделять три периода: античность и средневековье (премодерн), новое время (модерн), современность (постмодерн). В первый период на Западе рациональность оценивалась невысоко. В эпоху модерна рациональность считается важной и существенно влияет на жизнь. Однако спустя пару веков бурного развития и комфортного существования модернистская рациональность подверглась критике; произошел парадигмальный сдвиг в мышлении: так появилась постмодернистская парадигма.

Среди философов не существуют единого понимания постмодерна: одними он понимается как исторический период, другими – как способ мышления, соответствующий этому периоду. Первые предлагают нам сосредоточиться на социологическом исследовании жизни постмодернистского общества, вторые – на концептуально-философском анализе.

Целью данной статьи является реконструкция парадигмы исламской мысли, связанной с постмодернизмом. Актуальность этой цели объясняется необходимостью понять, как ислам в его теологическом и антропоцентрическом измерениях реагирует на постмодернистскую мысль. В этой связи особый интерес представляют труды исламского мыслителя Хасана Ханафи (1935–2021), чьи философские разработки наиболее близки постмодернизму.

Постмодерн: история, характеристика и идеи

Прежде всего необходимо уточнить, что здесь будет пониматься под постмодерном и постмодернизмом. Термин «постмодернизм»

был впервые использован художниками на рубеже XIX–XX веков. Так обозначили художественное движение, освобождавшееся от принципов модернизма. Именно в этом значении этот термин использовал в 1930-х гг. Федерико де Онис Санчес. В 1940-е гг. его использовал английский историк Арнольд Тойнби в книге «Постижение истории» для обозначения исторического периода. В конце концов термин получил распространение и в других областях знания [O'Donnell 2003].

Неоднозначность термина «постмодерн» проявляется уже в понимании приставки «пост». Одни авторы понимают «пост» как то, что идет вслед, не уничтожая своего предшественника. По мнению других авторов, «пост» означает «за порогом смерти модернизма». В таком случае постмодернистское общество основано на критическом отношении и даже отрицании современности (модерна), не способного, как считается, удовлетворить связанным с ним ожиданиям. Радикальные постмодернисты склонны критиковать все, что связано с современностью, то есть с опытом Западной цивилизации [Sugiharto 2000, 20].

О'Доннел называет несколько имен мыслителей – протагонистов постмодернизма: Ролан Барт, Жан Бодрийяр, Жиль Делёз, Жак Деррида, Мишель Фуко, Люс Иригаре, Юлия Кристева, Жак Лакан, Эмманюэль Левинас и Жан-Франсуа Лиотар [O'Donnell 2003]. Среди них особо выделяется Ж.-Ф. Лиотар, который попытался уточнить содержание самого понятия «постмодерн». В своей книге «Состояние постмодерна» он атакует модернистский нарратив с его невыполнимыми обещаниями: освобождение человека, прогресс западной науки и цивилизации, достоверное универсальное и прикладное знание [Sagur 1993]. Однако далеко не все мыслители раз-

деляют такую гиперкритическую оценку модерна. По мнению Юргена Хабермаса, постмодерн является продолжением модерна, который отнюдь не исчерпал своих возможностей и вовсе не отказался от выполнения взятых обязательств [Habermas 1987].

Следует различать понятия «постмодернизм» и «постмодерн». Постмодерн относится к периоду истории, наступающему вслед за современной эпохой, модерном. Постмодерн – концепт, который обычно используется для описания социальных реалий постиндустриального общества. Он подразумевает и социальную систему, и продукты в области информационных технологий, и глобализацию, и фрагментацию жизни, и избыточное потребление, и дерегулирование денежных рынков, а также возрождение интереса к духовности [Sugiharto 2000]. Энтони Гидденс писал, что постмодерн начался в конце 1970-х гг., когда американский компьютерный гигант IBM представил общественности Интернет. Гидденс определял постмодерн как эпоху, в которой производство информации преобладает производством товаров потребления и средств производства [Giddens 1981]. В самом деле, сегодня в социальных сетях каждую секунду происходит обновление информации: появляются новости, посты, комментарии.

Постмодернизм проявляется в культурных продуктах, производимых в эпоху постмодерна: в парадигме мышления, в ценностно-этических установках. Полин Мари Розенау в книге «Постмодернизм и социальные науки» различает две формы постмодернизма: постмодернизм как парадигма мышления и постмодернизм как метод культурного анализа. В последнем значении принципы и идеи постмодернизма используются в качестве линзы для чтения социально-культурных реалий современного общества [O'Donnell 2003]. Постмодернизм лучше всего опознается через противопоставление модернизму как парадигме мышления и совокупности ценностно-этических установок. Модернистская мысль характеризуется несколькими общими чертами, среди которых принято выделять следующие: вера в силу человеческого разума, утверждение рационализма как парадигмы познания и организации общественной жизни; вера в то, что бытие во всех

его проявлениях пронизуемо для разума и укладывается в систему, обозначаемую логическими категориями и понятиями; развитие объективной науки и объективного знания; стремление к однозначному ответу на любой вопрос; единообразие и единство в методе научного познания; стремление организовать научное знание и общественную жизнь из единого центра; стремление освободить философию, науку и культуру от иррациональности (мифологии, религии, предрассудков); утверждение идеи прогресса в познании и в различных областях общественной жизни; стремление к системной организации и централизму в социальной, экономической и политической жизни общества; провозглашение всеобщих норм морали и права и стремление выработать общие критерии и эстетические нормы в искусстве [Sugiharto 2000]. В целом модернизм стремится к открытию универсальных научных закономерностей развития природы и общества и использованию их в человеческой деятельности. Его представителей объединяет вера в общественный и научный прогресс и установление на этой основе господства человека над природой, социальной справедливости и гуманизма.

Постмодернизм, в отличие от модернизма, характеризуется следующими чертами: высокой оценкой природы и критикой модерна, эксплуатирующего природу; подчеркиванием важности языка в жизни человека (соответственно, развитием герменевтики и филологии); антисциентизмом, а также подозрительным отношением к бездушным технологиям эпохи модерна; идеей инклюзивности в диалогическом пространстве религий (в противовес господству одной идеологии в эпоху модерна); критикой доминирования «белого человека» и Западной цивилизации, восстановлением в правах угнетенных по расовому, половому и другим признакам (так называемых меньшинств); осознанием радикальной взаимозависимости людей [Calhoun 1992].

Постмодернизм как способ мышления

Амин Абдулла объясняет постмодернистское направление мышления, очерчивая рамку его фундаментальной структуры. Внутри этой рамки, среди прочего, оказались вы-

зовы, с которыми сталкивается религиозная мысль. Есть как минимум три основных явления, которые составляют основу постмодернистской мысли: деконструктивизм, релятивизм и плюрализм.

Деконструктивизм. Почти все основные научные конструкции, созданные в современную эпоху модерна в области социологии, психологии, антропологии, истории, даже в естественных науках, и считавшиеся стандартными (обычно их называют обобщенно «большой теорией»), были подвергнуты сомнению в постмодернистской мысли. Это произошло потому, что большая теория оказалась слишком схематичной, чрезмерно упрощающей реальные проблемы и, как считается, препятствующей появлению других теорий, которые могут оказаться гораздо более полезными для понимания реальности и решения насущных проблем. Постмодернисты хотят видеть социальные явления, религиозные феномены, физическую реальность такой, какая она есть, в обход допущений, теорий и стандартов, созданных модернизмом. Деконструктивизм – это попытка подвергнуть сомнению модернистские теории с целью выработать иные, более подходящие для понимания общественных, религиозных и природных реалий [Abdullah 2009, 99].

Релятивизм. Томас Кун в XX в. разрушил позитивистские убеждения ученых. Позитивизм убеждает в справедливости универсальных законов, общих оснований природы и общества. Постмодернистская мысль выводит на первый план культурные реалии (ценности, религиозные верования, традиции и т. п.), изучаемые не естествознанием, а антропологическими дисциплинами. По мнению антропологов, нет одинаковых культур, равно как сомнительны и общие их основания. Культурные ценности разнообразны и зависят от исторических, географических, демографических предпосылок. Отсюда можно сделать вывод, что культурные ценности относительны в том смысле, что различные культуры не поддаются операции математического отождествления (в отличие от природных явлений, интерпретируемых математическим естествознанием). Это соответствует постмодернистской линии мысли: культура, язык, образ мыслей и религия во многом опреде-

ляется ценностями и обычаями каждого народа [Abdullah 2009, 100].

Плюрализм. Отличительной чертой постмодернистской мысли является плюрализм. Плюрализм как таковой на самом деле был известен многим людям с древних времен, но он не складывался в целостную мировоззренческую модель. Таковая могла возникнуть только в противостоянии модернистскому монизму и в ситуации глобализации. Культурный и религиозный плюрализм все более осознается многими людьми, где бы они ни находились. Существование различных культур, религий, рас, семейных, экономических, социальных, этнических, образовательных, научных, военных, национальных, государственных и политических традиций очевидно для человека эпохи постмодерна. Что касается единой парадигмы, выдвинутой модернистской западной культурой, то ее обоснованность подвергается справедливому сомнению со стороны представителей иных культур [Abdullah 2009, 105].

Эффекты постмодернизма в исламской мысли

Интегрированные в постмодернизм идеи деконструктивизма, релятивизма и плюрализма имеют как положительные, так и отрицательные последствия для развития исламской мысли. Позитивные эффекты постмодернизма заключаются в свободе исследования религии, в возможности познания и понимания друг друга представителями разных религиозных традиций. Негативные эффекты постмодернизма – анархия, неопределенность и безысходность.

Постмодернистская мысль в исламе проявляется в основном в дебатах о религиозном плюрализме. В исламском мире существуют две основные интеллектуальные реакции на религиозный плюрализм. Носители первой считают религиозный плюрализм чем-то неизбежным (*conditio sine qua non*), в то время как сторонники второй утверждают, что религиозный плюрализм присутствует только в сознании, но не в реальном мире. Мыслители, критикующие религиозный плюрализм, предлагают различать «религиозный плюрализм» и «плюрализм в религии». Религиозный

плюрализм – это ситуация, при которой в обществе или стране одновременно существуют разные религии. Между тем «плюрализм в религии» – это важный концепт в социологии, теологии и философии религии на Западе, выступающий компонентом повестки дня глобализации. «Плюрализм в религии» отвергается, потому что он предполагает убеждение в том, что все религии теологически истинны. Поэтому считать «плюрализм в религии» неизбежным – преувеличение. В исламском мире этот концепт остается новым, не имеет крепких идеологических или теологических корней. Что касается идеи религиозного плюрализма в исламском мире, то она стала результатом вестернизации, произошедшей во время Второй мировой войны. В это время подрастающее поколение мусульман стало получать западное образование. Затем этот концепт вошел в исламскую мысль благодаря работам мусульманских западных мистиков, таких как Фритьоф Шуон, Рене Генон и др. [Fitriyani 2011, 330].

Еще один эффект постмодернизма для исламской мысли видится в судебном процессе против исламского традиционализма, который ведут сторонники мусульманского обновления. Исламские постмодернисты объясняют упадок исламской цивилизации устоявшимися в исламском мире воззрениями на традицию и текст Священного писания; эти воззрения, по мысли постмодернистов, должны быть деконструированы. Постмодернизм также имеет своим эффектом идею цивилизационного диалога мусульман с Западом. Вместе с тем постмодернизм в исламском мире также проявляет настороженность по отношению к цивилизационному влиянию Запада на сознание мусульман. Эта проблематика вызвала к жизни целую плеяду исламских мыслителей, деятелей исламской реформы, одним из которых был египетский философ и теолог Хасан Ханафи.

Биография Хасана Ханафи

Хасан Ханафи – профессор философского факультета Каирского университета. Он родился 13 февраля 1935 г. в Каире, недалеко от форта Салахутдин, в районе деревни Аль-Азхар. Социокультурная среда, в которой он

формировался, способствовала развитию интеллектуальных способностей. Исторически и культурно Каир долгое время находился под влиянием великих цивилизаций – древнеегипетской, древнеримской, византийской, арабской, мамелюкской, тюркской, и современной Европейской [Akhavi 1997, 50]. Глубокое влияние на интеллектуальное развитие Хасана Ханафи оказало изучение сайидского учения Кутуба о социальной справедливости в исламе. Хасан Ханафи получил степень бакалавра философии в Каирском университете в 1956 году. Затем он получил докторскую степень в университете Сорбонны (Париж). Он написал более 20 книг и десятки других научных работ. Особенно известны такие его работы, как «Аль-Ясар аль-Ислами» («Левый Ислам»), «Мин аль-Акида ила аль-Таура» («От теологии к революции»), «Турат ва Тадждид» («Традиция и обновление»), «Ислам в современном мире» (1995). Хасан Ханафи был не только революционным мыслителем, но и реформатором классической исламской интеллектуальной традиции [Akhavi 1997, 90].

Критика Хасаном Ханафи классического исламского богословия, левого ислама и западничества (occidentalism)

Хасан Ханафи как современный богослов был глубоко обеспокоен бесплодием теологии в современной культуре. Он полагал ошибочным понимать теологию как святую божественную науку, положения которой не подвергаются сомнению. С его точки зрения теология – это гуманитарная наука, которая открыта для исторической проверки, а содержание исламских богословских доктрин испытывает на себе влияние исторического и культурного контекста. Подлинная теология, по мысли Хасана Ханафи, должна быть направлена на достижение мирского успеха, на удовлетворение ожиданий мусульманского мира в отношении свободы, социального равенства, религиозного единства, прогресса и мобилизации народных масс. Теология должна считать своей целью человека. В интервью Хасан Ханафи говорил, что его интеллектуальный проект решает три основные проблемы [Mukhetdinov 2019, 96]. Во-первых, это пробле-

ма понимания текстов, рожденных древними цивилизациями. Исламское общество имеет старую и живую традицию. Реконструкция смысла древних текстов предполагает развитие таких наук, как философия, теология, фикх, тафсир. Коран и хадисы следует рассматривать не как реликвии, а как тексты исторические по своей природе. Именно это придает им актуальность в современной культурной ситуации. Во-вторых, это проблема взаимодействия с иной культурой, под которой преимущественно имеется в виду Запад. Исламское общество давно знакомо с западной культурой и даже незаметно поглощается ею. В конце концов вестернизированные мусульмане становятся жертвами мифа об «универсальной культуре», который продолжает доминировать в западных СМИ. В-третьих, это проблема реальности. Отталкиваясь от этой проблемы, Хасан Ханафи решал фундаментальные вопросы богословия, касающиеся сущности Бога, таухида и атрибутов Бога [Manshur web].

Как постмодернистский мыслитель, Ханафи сосредоточился на необходимости обновления ислама. Свои идеи на эту тему он высказал в книгах «Турат ва Тадждид» («Традиция и обновление»), и «Аль-Ясар аль-Ислами» («Левый Ислам»), вышедших 1981 году. В книге «Турат ва таджид» («Традиция и обновление») выделяются три фактора возрождения ислама, исламской революции, единства и целостности уммы: (1) рационализм как фактор возрождения интеллектуальных сокровищ классического ислама и раскрытия в нем прогрессивных элементов; (2) противостояние западной цивилизации путем изучения местных культур и создания оксидентализма в противовес ориентализму; (3) анализ исламского мира не традиционными методами, опирающимися на тексты, а методами современных гуманитарных наук, которые позволяют исламу самому говорить за себя [Hanafi 1991].

Как левый мыслитель, Хасан Ханафи поднимает в своих трудах проблемы несправедливости и угнетения, бедности и неравенства. С его точки зрения миссия исламских левых состоит в том, чтобы: (1) отстаивать социальную справедливость в соответствии с принципами Корана; (2) содействовать формированию свободного и демократического общества,

где каждый человек имеет право выражать свое мнение; (3) бороться за освобождение Палестины и деколонизацию исламского мира; (4) содействовать объединению мусульман; (5) строить независимую национальную политическую систему, укреплять дружбу между исламскими странами; (6) содействовать революционному движению за освобождение угнетенных. Ханафи заявлял, что революция угнетенных – исламская революция [Hanafi 1981, 168]. Суть левого ислама, а также отличие его от правого он выражал следующим образом: «Итак, под “левыми” мы имеем в виду в исламе тех, кто отстаивает интересы бедных и обездоленных, а также выступает за равенство членов общества в отношении прав и обязанностей; короче, “левые” – это представители социалистического течения в исламе. Под “правыми” мы имеем в виду тех, кто допускает существенные различия между членами общества, кто борется с “левыми” за сохранение господства привилегированного класса» [Hanafi 1973, 6].

Концепция Ханафи развивает идеи выдающихся деятелей Исламской реформации Джамалуддина Аль-Афгани и Мухаммада Абдо. Анализируя левые политические движения в исламе, Ханафи пишет, что в академическом мире концепт «левые» ассоциируется с сопротивлением и критицизмом. Левый ислам является результатом исламской революции в Иране, которая, в свою очередь, стала одним из ответов ислама Западу. Левый ислам противостоит угрозам со стороны империализма, сионизма и капитализма [Manshur web]. Факторами, укрепляющими позиции левого ислама, являются бедность, угнетение и отсталость. Мусульмане, особенно угнетенные, в эпоху глобального капитализма столкнулись со структурной бедностью, с которой они никогда раньше не имели дела. Поэтому бедные мусульмане нуждаются в теологии и социальном анализе, которые помогли бы им понять причины такой ситуации и сформулировали адекватный ответ на вызов структурной бедности. Это должна быть теология для угнетенных, теология, которая освобождает их от глобального угнетения и эксплуатации. Для бедных и маргинализованных слоев населения исламской стран, по мысли Ханафи, глобализация несет в себе больше угроз, чем благ. Однако, критикуя глобализацию,

Хасан Ханафи писал о необходимости развивать прогрессивное понимание жизни. Он рассматривал идею социальной справедливости в богословском контексте: человек не может полноценно служить Богу, если он – жертва или источник несправедливости. Борьба за справедливость, равенство и освобождение возможны только в организованной форме. Можно сделать вывод, что Хасан Ханафи рассматривал «левый ислам» как форму сопротивления цивилизационному, а не только социальному угнетению. Исламское левое движение в конечном счете направлено на социальную революцию, призванную разрушить не только пережитки архаических феодальных структур, но и капиталистические структуры модерна.

Хасан Ханафи как мусульманский интеллектуал активно участвовал в дискуссиях о постмодернизме и месте ислама в ситуации постмодерна. Свое идеи на этот счет он изложил в книге «Западничество / occidentalism». Здесь он противопоставляет оксидентализм ориентализму. Если ориентализм рассматривает Восток в западной перспективе, с позиций культурного превосходства, то оксидентализм, напротив, призван дать картину западной культуры с точки зрения Востока [Hanafi 2000]. Иными словами, западному ориентализму исламские интеллектуалы должны противопоставить восточный оксидентализм. Это означает, что Хасан Ханафи не одобряет изоляционизм с любой его форме (в том числе исламский). Ислам является мировой, а значит и глобальной религией, следовательно, исламский мир должен видеть культуру в глобальной перспективе. Оксидентализм – это попытка преодолеть доминирование Запада в языке, культуре, науке, теории и мнениях [Aliyeva 2021, 15].

Анализ трудов Хасана Ханафи показал, что его мысль находится на границе модернизма и постмодернизма. Как модернист, он строит левую политическую философию. Как постмодернист – выступает за релятивизм в трактовке священных текстов, а также в своем видении человеческой цивилизации. Это свидетельствует о том, что хотя постмодернизм хорошо знаком исламским философам и они достаточно свободно владеют его инструментарием, процесс освоения постмодернистской мысли в исламском мире еще не завершен.

REFERENCES

- Abdullah A., 2009. *Falsafah kalam Di Era Postmodernisme*. Yogyakarta, Pustaka Pelajar.
- Akhavi S., 1997. The Dialectic in Contemporary Egyptian Social Thought: The Scripturalist and Modernist Discourses of Sayyid Qutb and Hasan Hanafi. *International Journal of Middle East Studies*, no. 29 (3), pp. 377-401. DOI: 10.1017/S0020743800064825
- Aliyeva Yegana Akif Kyzy, 2021. Occidentalism in the Cultural Views of Hassan Hanafi or the Science of “Studying the West by the Non-Western World”. *Colloquium-Journal*, no. 24, pp. 13-16. DOI: <https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-24111-13-16>
- Calhoun C., 1992. *Postmodernism as Pseudohistory: Continuity in the Complexities of Social Action*. Chapel Hill, University of North Carolina.
- Fitriyani F., 2011. Pluralisme Agama-Budaya dalam Perspektif Islam. *Al-Ulum: Jurnal Studi Islam*, no. 11 (2), pp. 325-342.
- Giddens A., 1981. Modernism and Post-Modernism. *New German Critique*, no. 22, pp. 15-18. DOI: <https://doi.org/10.2307/487860>
- Habermas J., 1987. *The Philosophical Discourse of Modernity*. Cambridge, Polity Press.
- Hanafi H., 1973. *Al Yamin wal Yasar Fil Fikridini*. Bairut: Dar Althaqafat Al jadida.
- Hanafi H., 1981. *Al-Yasar al-Islami, dalam al-Din wa al-Tsaurah*. Kairo: Maktabah Madlubi.
- Hanafi H., 1991. *Al-Turats wa al-Tajdid Mauqifuna Min al-Turats al-Gharbi Muqaddimah fi ‘ilm al-Istighrab*. Kairo: Dar al-Fanniyyah.
- Hanafi H., 2000. *Oksidentalisme, Sikap Kita terhadap Tradisi Barat*. Terj. M. Najib Buchori. Jakarta, Paramadina.
- Manshur F.M., 2021. Hasan Hanafi, New Theology and Cultural Revolution: An Analysis of Cultural Intensification. *HTS Theologiese Studies / Theological Studies*, vol. 77, no. 4, a6190. DOI: 10.4102/hts.v77i4.6190. URL: <https://hts.org.za/index.php/HTS/article/view/6190>
- Mukhetdinov D.V., 2019. Hassan Hanafi: Neomodernism as A Theology of Liberation. *Islam in the Modern World*, no. 15 (1), pp. 81-98. DOI: <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2019-15-1-81-98>
- O'Donnell K., 2003. *Postmodernism*. Oxford, Lion Publishing.
- Sarup M., 1997. *An Introductory Guide to Post-Structuralism and Postmodernism*. Athens, University of Georgia Press.
- Sugiharto B., 2000. *Postmodernisme Tantangan Bagi Filsafat*. Yogyakarta, Kanisius.

Information About the Author

Amy Maulana, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, fera-201_137383@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2002-2437>

Информация об авторе

Ами Маулана, аспирант кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, fera-201_137383@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2002-2437>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.6>

UDC 316.7:332.122
LBC 60.523

Submitted: 16.05.2022
Accepted: 15.08.2022

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTIONAL SYSTEM
FOR ENSURING THE CULTURAL SECURITY OF THE REGION**

Konstantin V. Vodenko

Platov South Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to study the cultural security of the South Russian region, taking into account the relevance of this issue in the context of internal and external challenges in Russian society. The article contains conclusions about cultural security as an organic component of national and social security in the Russian regional space. It is noted that in the conditions of the need for social and political consolidation, the influence of risks in the field of culture increases as containing hidden conflict, but having the property of converting into social and political risks. The South of Russia as a multicultural education actualizes the model of cultural security at the level of preservation of cultural and historical heritage, continuity of traditions and innovations and prevention of cultural extremism. In the aspect of national security, the conflictogenic potential of cultural pluralism is noted, which is not only true for Western multicultural societies, but also has resonance in Russian regions, when cultural risks become obvious, determined by the closeness of cultural forms on the basis of the preservation, equivalence and immutability of cultural values, the main argument in favor of which is tradition. The institutional system of ensuring the cultural security of the South Russian region in a situation of internal and external challenges needs to mobilize the resources of state and public institutions. This is necessary to create a special platform that includes cooperation and dialogue, strengthening the forms of civil identity of the population based on the mechanisms of cultural heritage of historical memory. An equally important conclusion is that, as a consequence, it is necessary to block the channels of informal reproduction of cultural risks and imbalances, but this can be done through access to socio-informational and cultural resources of active groups of the population for whom associations of interests in the field of culture become the starting point in approving the goals of cultural security in the South Russian region.

Key words: cultural security, South Russian region, institutional practices, state institutions, public institutions, institutional trust, cultural risks, cultural exclusion.

Citation. Vodenko K. V. Formation and Development of the Institutional System for Ensuring the Cultural Security of the Region. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 51-59. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.6>

УДК 316.7:332.122
ББК 60.523

Дата поступления статьи: 16.05.2022
Дата принятия статьи: 15.08.2022

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА**

Константин Викторович Воденко

Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Российская Федерация

Аннотация. Целью представленной статьи является исследование культурной безопасности южнороссийского региона, учитывая актуальность данной проблематики в контексте внутренних и внешних вызовов в российском обществе. В статье содержатся выводы о культурной безопасности как органической составляющей национальной и социальной безопасности в российском региональном пространстве. Отмечается, что в условиях необходимости социальной и политической консолидации возрастает влияние рисков в сфере культуры как содержащих скрытую конфликтность, но имеющих свойство конвертироваться в социальные и политические риски. Юг России как поликультурное образование актуализирует модель культурной безопасности на уровне сохранения культурно-исторического наследия, преемственности традиций и инноваций и профилактики культурного экстремизма. В аспекте национальной безопасности отмечается конфликтогенный потенциал культурного плюрализма, что не только верно для западных поликультурных обществ, но и имеет резонансность в российских регионах, когда очевидными становятся культурные риски, определяемые закрытостью культурных форм на основании сохранения, равнозначности и неизменности культурных ценностей, основным аргументом в пользу которых является традиционность. Институциональная система обеспечения культурной безопасности южнороссийского региона в ситуации внутренних и внешних вызовов нуждается в мобилизации ресурсов государственных и общественных институтов. Это необходимо для создания особой платформы, включающей сотрудничество и диалог, укрепления форм гражданской идентичности населения на основе механизмов культурного наследия исторической памяти. Не менее важный вывод состоит в том, что как следствие требуется блокирование каналов неформального воспроизводства культурных рисков и диспропорций, но это возможно сделать через доступ к социально-информационным и культурным ресурсам активных групп населения, для которых объединения интересов в сфере культуры становятся стартовыми в одобрении целей культурной безопасности в южнороссийском регионе.

Ключевые слова: культурная безопасность, южнороссийский регион, институциональные практики, государственные институты, общественные институты, институциональное доверие, культурные риски, культурное исключение.

Цитирование. Воденко К. В. Формирование и развитие институциональной системы обеспечения культурной безопасности региона // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 51–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.6>

Актуальность темы исследования

Региональное пространство России сформировалось, обретя черты целостности в политико-правовом аспекте, но открытым остается вопрос о социальном развитии регионов, о том, что до сих пор не переломлена ситуация разделения регионов по уровню бюджетирования и, что не менее важно, – сближения по показателям доходности и качества жизни. Долгое время система социальных трансферов, с одной стороны, содействовала минимизации узких мест в стратегии обеспечения развития регионов, но с другой – воспроизводила и воспроизводит эффект социальной стагнации, снижения мотивации на региональном уровне к механизмам социального и экономического саморазвития.

Отмечая данное обстоятельство, следует подчеркнуть, что в настоящий период в ситуации форс-мажора, когда страна и общество испытывают влияние внутренних и внешних вызовов, на первый план выдвигаются вопросы обеспечения стабильности, поступательности и социальной безопасности. В этом контексте

чрезвычайно важно выявить условия и факторы социальной безопасности как системы воздействий со стороны социального и государственного управления на предсказуемость, рискогенность регионального пространства.

Однако, как показывает опыт предшествующего десятилетия, социальная безопасность российского регионального пространства включает совокупность позиций и диспозиций, формируемых субъектами регионального пространства, и в эту структуру входит культурная безопасность региона. Возвращаясь к мысли о необходимости социальной консолидации российского общества о возможностях сочетания и согласования традиционных и инновационных методов развития, логики импортозамещения в экономической сфере, требуется внести ясность понимания культурной безопасности как состояния российского регионального пространства, включающего механизмы культурной памяти и культурной преемственности, с целью обеспечения культурного воспроизводства, обретения иммунитета против антисистемных тенденций и фактов, носящих элементы нестабильности и диссонанса [Горшков, Тихонова (ред.) 2018].

Очевидно, что в этом направлении только наметились контуры культурной политики государства, что при концентрации усилий на формировании правовой базы культурной безопасности в рамках противодействия экстремизму, национализму и сепаратизму еще предстоит большая работа по налаживанию духовно-морального единства российского общества, создания условий для принятия в культурно-ценностный консенсус, формирования дискурса общих целей и ценностей.

Стратегия обеспечения культурной безопасности российского общества включает три основных аспекта: структурный, институциональный и субъектный. Не останавливаясь подробно на вопросах структурного, организационного, развития системы культурной безопасности российских регионов, мы концентрируем внимание на институциональной системе как воспроизводстве соответствующих механизмов, включающих правила ценностей и нормы. Таким образом, актуальность реализуемого исследования определяется задачами концептуального и социально-практического характера, что необходимо для социальной диагностики культурной безопасности региона как социально-территориальной и социально-культурной целостности. Это предполагает понимание культурной безопасности региона как органической составляющей социальной безопасности российского регионального пространства, так как в рамках развития российских регионов содержится тенденция влияния культурных факторов на региональную жизнь в целом и настроения населения регионов в рамках региональной культурно-исторической биографии и ориентированности на пропорцию политических, экономических, социальных, психологических влияний и воздействий [Белозор 2019; Романова и др. 2017; Сергеев 2010].

Методология исследования

Региональная социология как отрасль социологического знания практически сформировалась параллельно с процессом регионализации России, формированием российского государства как страны регионов. Целесообразно подчеркнуть, что в отличие от американской, мексиканской, бразильской и индийской моделей регионального развития российские регио-

ны отражают логику государственности, основанную на принятии политико-правового и социально-экономического содержания российских регионов. Здесь уместно отметить, что в региональной социологии до сих пор не изжиты штампы «народного хозяйства» или достаточно проявляются намерения рассматривать регионы исключительно в рамках политико-правовой иерархии, сводить проблемы регионального и межрегионального развития к взаимоотношениям с федеральными центрами. С другой стороны, признавая тот факт, что для российского регионального пространства свойственно влияние тенденции централизации, нельзя игнорировать специфику региональных отношений, характеризующихся обратными связями с федеральным центром. Российская государственность прошла трудный путь становления, не завершилась как формула безукоризненного российского регионализма. Наоборот, вопросы финансирования межбюджетных отношений, статуса региона и национальных республик в составе Российской Федерации требуют своего концептуального осмысления и практического разрешения. Также очевидно, что развитие региональной социологии характеризуется сменой концептуальных парадигм, содержащих анализ и описание тех периодов регионального развития.

Если говорить об истоках и условиях концептуализации регионального пространства, требуется определиться, во-первых, с тем, что региональная социология перестала воспринимать регион в дилемме «экономика-политика», а это имеет последствия для презентации второго существенного момента. Регион является сложным многоуровневым социокультурным образованием и в силу этого фактора может быть интерпретирован в контексте культурной безопасности. Культура как структурное и институциональное ядро региона включает в качестве важнейшего условия и реализации национальных интересов и приоритетов устойчивость социальной и духовно-нравственной системы по отношению к внутренним и внешним угрозам, и эта устойчивость включает культурную безопасность как составляющий элемент государственной и национальной безопасности [Маркин (ред.) 2007]. Вместе с тем, интерпретируя культуру как правила игры коллективного существования при различной степени нормативной регу-

ляции, можно сказать, что очевидным становится признание наследственных механизмов культуры, роли культурной памяти и традиции.

Исходя из данного положения, мы основываемся на генетическом концепте культурной безопасности, включающем соотношение норм, ценностей и принципов, имеющих качество регулярности, легитимизации, неформальных и формальных норм и соглашений, формирующих культурную среду региона. В культурной безопасности региона важным моментом выступает степень консолидирующего или конфликтогенного воздействия культурных норм смыслов и ценностей. И для того чтобы вывести парадигму культурной безопасности региона, следует уяснить, что культурная безопасность является составной частью национальной безопасности, общих правил упорядоченности, предсказуемости, устойчивости и специфики социокультурной регуляции как условия воспроизводства культурных практик субъектов регионального социума.

Поддерживая данное положение, мы фиксируем поликультурность и полиэтничность южнороссийского региона, который для нас не является механическим административным конструктом, а характеризуется культурной динамикой, культурными изменениями, и по этой причине мы признаем обоснованность применения институциональных процедур и схем, понимаем, что культурная безопасность основывается на конкретной институциональной системе, включающей общественные и государственные институты. То, что это положение является конструктивным для методологии исследования, очевидно по двум обстоятельствам: во-первых, вне институциональной системы трудно представить, каким образом осуществляется функция культурной сферы в жизни региона, как и в какой степени общественные и государственные институты реализуют организующие и воспитывающие функции в региональной жизни; во-вторых, вне институционального аспекта диагностика социокультурных кризисов и изменений является проблематичной. Если свести оценку состояния культуры к субъективным мнениям и представлениям, особенно административных и культурных элит, определение границ и возможностей развития культуры, выявление культурных маркеров и культурных стилей становится задачей, не выполнимой в контексте социологи-

ческого анализа. Поэтому для нас важно, исходя из критерия приемлемости культурных практик по социальной цене и последствиям, баланса свободы и осознанности, поддержать институциональные процедуры в интегрированности социокультурных аспектов, соотношений социо и культуры в коллективных действиях людей, являющихся субъектами сложившихся социальных отношений.

Для установления особенностей культурной безопасности в южнороссийском регионе формулируется отношение к ключевым институтам культурной безопасности как региональный институт культурной политики, региональной структуры власти (Администрация, Законодательное собрание, общественные и творческие организации). Таким образом, методология исследования определяется содержанием и целью культурной безопасности, характеризуется отношением внутри регионального пространства по степени устойчивости и консолидированности, нейтрализации социальных и культурных рисков и активности антисистемных групп (групп культурного экстрима). Методологический выбор определяется предметной областью исследования и наработанными в региональной социологии концептуальными схемами, что направлено на повышение достоверности выводов и обобщений.

Степень разработанности

Культурная безопасность российских регионов обрела особую значимость в контексте внешних и внутренних вызовов российскому обществу и государству. Если выделить основные параметры накопленного в региональной социологии исследовательского дискурса, то следует квалифицировать три основных направления.

Во-первых, это функциональная парадигма культурной безопасности, в рамках которой актуализируется положение теории социальных рисков, теории дисфункциональности, социального воспроизводства. Их можно условно объединить как ориентированность на соответствие институциональной системы критериям культурной безопасности. В этом смысле нельзя отрицать позитивные результаты, связанные в первую очередь с пониманием культурной безопасности как имеющей

функциональное измерение, критерии поддержания и планирования культурной безопасности на уровне государственных и общественных институтов, работающих в культурной сфере регионов [Щукина 2015].

Во-вторых, это выявление групп рисков, претендующих на культурные инновации (изменения), но выражающих интересы контркультурного свойства, критицизм по отношению к традиционным культурным нормам и ценностям и внедрение постмодернистского либерального дискурса в культуре, практически опровергающего культурные ценности, имеющие фундаментальный характер. В исследованиях российских социологов в контексте изучения молодежной проблематики выявлено, что группы социального риска с направленностью на девиантные практики воспроизводят риски в сфере культуры, действуют по логике конфронтации с официальными и неофициальными структурами культуры, которые обвиняют в коллаборационизме с властью, препятствии деятельности творческих коллективов, провозглашении бескомпромиссных позиций в отношении традиционной культуры.

В-третьих, в рамках осмысления культурной безопасности немаловажное место занимает активность культуротворческих групп, их разделение по коммерческому энвергоментальному, гражданскому спектрам. Определенный недостаток функционализма заключается в сематизме предложенных интерпретаций, определении функционала как доминирующего принципа культурной безопасности в регионе, что не совсем учитывает динамику культурных процессов, статус субъектов культуротворчества и мобилизационно-консолидирующий потенциал культуры в региональном пространстве.

Субъектно-деятельностный подход, разработанный школой М.К. Горшкова и развернутый в исследованиях российских ученых, характеризуется нацеленностью на определение субъектного аспекта культурной безопасности и переводит исследование на критерии субъектности, следствием чего является возможность направить дискурс изучения в пространство массовой и элитарной культуры. При этом подчеркнем, что ключевым фактором культурной безопасности становится уро-

вень институционального доверия к институтам, реализующим культурную политику. Может показаться, что предложенный категориальный ряд, в котором культурная безопасность «окультуривается», становится состоянием оценкой деятельности государственных и общественных институтов, приводит к выпадению из задач исследования новых культурных феноменов как субкультуры, но мы согласимся с М.К. Горшковым, что в доверие институтов репрезентирует целый комплекс объективных и субъективных, социальных и политических отношений [Горшков (ред.) 2015].

Важный аспект исследований переносится на доверие как уровень одобрения или неодобрения действующих институтов в сфере культуры. В этом контексте культурная безопасность в региональном пространстве определяется по двум параметрам: оценке состояния культурной сферы региона и результату влияния на данную сферу институтов культуры. По сравнению с государствообразующими институтами (Президент, правительство, парламент) институты культуры характеризуются более низкой степенью доверия, вероятно, по той причине, что культура до сих пор оценивается в массовом сознании как вторичное явление. Но, как показывают исследования, до сих пор не выработан критерий ответственности за культурную безопасность как по состоянию культурной политики, реализуемой в региональном пространстве, так и по уровню интересов субъектов культуры, где есть проблема соотношения частных и государственных интересов. Это в целом создает более сложную и противоречивую картину в оценке тенденций и перспектив культурной безопасности региона, но, как показывают данные исследования, в рамках культурной безопасности важно определить роль «державных» институтов и общественных, обладающих потенциалом самоорганизации.

Изучение институциональной системы культурной безопасности региона характеризуется работами коллектива во главе с Н.И. Лапиным, посвященными проблемам консолидации социального пространства России. Как признают авторы исследования, подрыв исторических интеграторов обществом имеет в качестве негативного последствия утрату идеа-

лов справедливости, характерных для российской культуры [Маркин (ред.) 2015]. В силу поликультурности и полиэтничности многих российских регионов формируется запрос на достижение соответствия между изменившимися социальными условиями и традиционными ценностями, нормами российской культуры. Возникающие диспропорции приводят к отчуждению, создают конфликт между поколениями, формируют культурную эксклюзию, механизмы исключения определенных этнокультурных групп из общественного пространства. В данном контексте определенный запрос есть на исследования, которые рассматривают состояние концептуализации молодежи в XIX в., оценивают молодежные субкультуры через специфику формирования молодежных идентичностей, новых типов солидарности молодежи, формирование жизненных (культурных стилей), что в некоторой степени совпадает с работами Ю.А. Зубок и М.К. Горшкова, но при этом выявляет перенос акцентов с описания структурных барьеров интеграции молодежи в обществе на субъектно-деятельностные установки [Тощенко (ред.) 2013].

Таким образом, в контексте оценки работанности данной проблемы обратим внимание на императив регионализации акцента на конкретном состоянии культурной сферы региона и диагностики культурной безопасности как интегративного показателя стабильности и устойчивости культурной сферы региона. В отношении южнороссийского региона, где выявляется диалектика общего и особенного, связанного с одной стороны с общероссийскими показателями культурной динамики, с другой – с культурным разнообразием региона, историческими, этническими и социальными аттитюдами, можно констатировать: во-первых, культурная безопасность южнороссийского региона исследуется в основном в контексте социальной безопасности, а это эффективно в рамках противодействия внешним и внутренним рискам, но есть определенная сложность в том, что действующий дискурс культурной безопасности приводит к выпадению целых пластов культуры (традиционной и нетрадиционной). Как правило, приоритеты культурной безопасности основываются на нейтрализации культурного экстремизма, профилактике культурных девиаций, где требуется активность эксперт-

ного сообщества, привлечение к работе представителей региональной культурной элиты. Поэтому содержание статьи основывается на анализе реального положения в сфере культурной безопасности региона и рекомендаций по проблемам, имеющим как общероссийский, так и внутрирегиональный характер.

Материалы исследования

Обращаясь к теме исследования и определив основные установочные моменты, необходимо рассматривать культурную безопасность в южнороссийском регионе в ее динамичном измерении, в том, что опора на традиционную культуру как фактор культурной безопасности в принципе является верной, если учитывать опыт предшествующих десятилетий, связанных с внедрением в российское общество идей мультикультурализма, которые при внешней привлекательности порождают конфликтогенность, выходящую за пределы личного и группового культурных предпочтений. Американский исследователь С. Бенхабиб [Бенхабиб 2003] пришла к выводу, что культурные претензии имеют право на культурную исключительность и преференциальность, способствуют возникновению не демократических и не либеральных эффектов этноцентризма, этнорасизма, культуры «нетерпимости» и в целом приводят к становлению демократии меньшинств.

В российском обществе в период расцвета регионального и этнического сепаратизма (и это проявилось в южнороссийском регионе на уровне массовых общественных движений и политико-партийных манипуляций) фрагментация регионального пространства стимулировалась этнократическими и регионалистскими устремлениями и на уровне региональных элит и влияла на общественные настроения в региональном социуме в качестве механизма замещения социальных, экономических противоречий.

Как отмечал российский исследователь Ж.Т. Тощенко [Тощенко 2001], в выделенной концепции парадоксального человека есть несомненная коррекция между культурной неграмотностью и безграмотностью, этнократизмом и политическим нигилизмом. Данная конструкция основывается на том, что

парадоксальный человек как личность эпохи перемен, приведших к неоднозначным результатам, мыслит схематизмами и стереотипами, перенесенными из культурного прошлого или включающими одномерное знание о многомерных процессах. Культурная безопасность южнороссийского региона в постсоветский период характеризовалась, что не является исключением, дилеммой стихийности, анархизма и государствоцентризма, причем российские социологи независимо от идейных предпочтений в целом соглашались с тем, что в России государство является центром общественной жизни и к этому располагают культурно-исторические предпосылки. В сфере культурной политики действовал рецидив бесконфликтности, реально выраженный в том, что культурные акции, имеющие сепаратистскую и протестную направленность, не вызвали критического отношения и критической оценки по причине, с одной стороны, борьбы за власть и богатство региональных и федеральных элит, с другой – становления неформального консенсуса власти и масс, основанного на разделении сферы деятельности на властные отношения, к которым вырабатывался и поддерживался индифферентизм, и приватную сферу, в которой культура понималась как личный выбор вне влияния государства.

Ситуация «на перепутье» определяла отношение к культурной безопасности как периферийной теме в развитии южнороссийского региона. Это происходило на фоне проявления экстремистских настроений в среде групп «этнического бизнеса», которые ориентировались на овладение механизмами власти и богатства при помощи «тарана» культуры. Долгое время с использованием слабости государственной политики в сфере культурных отношений утверждались схемы культурной исключительности казачества и других народов, населяющих южнороссийский регион, и под призывами к политике реабилитации, возмещения ущерба, нанесенного культуре и языку народов региона, формировались политические альянсы с намерением разыграть культурную карту. В этом смысле требовался период переосмысления роли культуры в современном региональном пространстве, определения критериев его устойчивости, про-

порциональности и сбережения культурного наследия.

Как показали исследования региональных ученых [Волков и др. 2017] об институциональных практиках и ценностной политике в сфере межэтнических отношений, в аспекте национальной безопасности отмечается конфликтный потенциал культурного плюрализма. Это положение верно не только для западных поликультурных обществ, оно имеет резонансность и в российских регионах, когда очевидными становятся культурные риски, определяемые закрытостью культурных форм на основании сохранения, равноценности и неизменности культурных ценностей, основным аргументом в пользу которых является традиционность.

Очевидно, что анализ состояния культурной безопасности не до конца определяется сложившимися институциональными практиками, где до сих пор не преодолен разрыв между формальными и неформальными регуляторами культуры. Официальный культурный дискурс статичен, регламентируется представлениями о правильном и неправильном в культуре, основывается на оценке культурного символического капитала, конкретного субъекта культуры, использования культурного бренда (коллективы пения и танца, утвержденные в официальном реестре и входящие в разряд адресатов поддержки государственных и региональных властей).

Массив неформальной культуры реально не проходит «тест» на социальную добродетель и гражданскую зрелость: сложилась ситуация дистанцированности субъектов официальной культуры и групп неформального творчества, которые сокращаются в нынешний период под принятием формулы патриотизма культурных инициатив. Вместе с тем не достигнуто состояние необходимости регулярной методической работы с группами культурного акционизма на основе партнерства и взаимопонимания, включение неформальных групп в культурный мейнстрим южнороссийского региона.

С учетом поликультурности южнороссийского региона, «стыда» православной, исламской и буддистской цивилизаций цель культурной безопасности выражается в достижении баланса различных субъектов культурной деятельно-

сти. Очевидно, что схема внутренней колонизации региона, обоснованная некоторыми российскими социологами как признак унификации регионального пространства под влиянием массовой культуры, нуждается не в отклонении, а в осмыслении, если считать ее сильной стороной детрадиционализацию российского общества, высокую степень урбанизированности и закрепления форм потребительской культуры.

Естественно, культурная безопасность не может восприниматься как апология традиционализма, ее миссия определяется двуединой задачей: сохранение культурного наследия, необходимого в процессе диалога поколений, имеющего консолидирующие значения и мониторинга культурных изменений на институциональном и групповом уровне, и разделение между экстремизмом и модностью культурных стилей в рамках формирования фильтров на пути инвазии радикальных культурных образцов, свойственных эпохе постмодерна. Здесь важно отметить, что культурное пространство южнороссийского региона гибридно, характеризуется определенной степенью эклектичности, смешением культурных форм и стилей, влиянием интернет-пространства и сужением традиционных форм культурного воспроизводства. Как следствие – театры, музеи и выставки становятся «кунсткамерами» и, несмотря на тенденцию обновления, перестали быть пространством культурных коммуникаций.

Этот фактор влияет на состояние культурной безопасности, потому что неприятие «устаревшего» в культуре может сопровождаться принятием конфликтной позиции «творцами» культурных инноваций. Для культурной географии южнороссийского региона свойственно деление по критерию культурной безопасности (устойчивости и рискогенности), градация доверия к институтам культуры, где модельный уровень характеризуется невысокой плотностью культурных эксцессов и потенциальной рискогенностью неформальных культурных групп, ориентированных на закрепление приватного пространства и низкую степень готовности к вступлению в продуктивный диалог со структурами культурной политики. Сегмент конфронтации в сфере культурной безопасности южнороссийского региона концентрирован в группах культурного риска, имеющих характер «культурного сектант-

ства» и высокую степень интолерантности к официальной культурной политике. Здесь свойственно оценивать уровень культурной безопасности как постоянный мониторинг культурных рисков, способных конвертироваться в политические вызовы.

Заключение

Таким образом, институциональная система обеспечения культурной безопасности южнороссийского региона в ситуации внутренних и внешних вызовов нуждается в мобилизации ресурсов государственных и общественных институтов. Это необходимо для создания особой платформы, включающей сотрудничество и диалог, укрепления форм гражданской идентичности населения на основе механизмов культурного наследия исторической памяти. Не менее важный вывод состоит в том, что, как следствие, требуется блокирование каналов неформального воспроизводства культурных рисков и диспропорций, но это возможно сделать через доступ к социально-информационным и культурным ресурсам активных групп населения, для которых объединения интересов в сфере культуры становятся стартовыми в одобрении целей культурной безопасности в южнороссийском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозор 2019 – *Белозор А.Ф.* Культурная безопасность как основа культурной идентичности // *Человек и культура*. 2019. № 1. С. 80–86.
- Бенхабиб 2003 – *Бенхабиб С.* Притязание культуры М.: Логос, 2003.
- Волков и др. 2017 – *Волков Ю.Г., Бедрик А.В., Воденко К.В. и др.* Имплементация зарубежных моделей национальной интеграции, ценностной политики и институциональных практик в сфере межэтнических отношений в российских условиях: монография. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017.
- Горшков (ред.) 2015 – *Горшков М.К. (ред.)*. Российское общество и вызовы времени. В 5 кн. Кн. 2. М.: Весь мир, 2015.
- Горшков, Тихонова (ред.) 2018 – *Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.)*. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность 15 лет спустя. М.: Весь мир, 2018.

- Маркин (ред.) 2007 – Маркин В.В. (ред.). Региональная социология в России: сб. материалов социол. исслед. М.: Экслибрис-Пресс, 2007.
- Маркин (ред.) 2015 – Маркин В.В. (ред.). Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М.: Новый хронограф, 2015.
- Романова и др. 2017 – Романова А.П., Якушенок С.Н., Баева Л.В., Хлыщева Е.В., Бичарова М.М., Лебедева И.В., Топчиев М.С., Якушenkova O.C., Алиев Р.Т. Культурная безопасность в условиях гетеротопии: монография. Астрахань: Астрах. ун-т, 2017.
- Сергеев 2010 – Сергеев В.В. Культурная безопасность современного российского общества как социокультурная проблема // Обсерватория культуры. 2010. № 1. С. 90–92.
- Тощенко 2001 – Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.
- Тощенко (ред.) 2013 – Тощенко Ж.Т. (ред.). Новые идеи в социологии: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
- Щукина 2015 – Щукина Е.Л. Культурная безопасность современной России как элемент национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 346–350.
- Volkov Yu.G., Bedrik A.V., Vodenko K.V. et al., 2017. *Implementation of Foreign Models of National Integration, Value Policy and Institutional Practices in the Field of Interethnic Relations in Russian Conditions. Monograph.* Moscow, Sotsialno-gumanitarnye znaniya Publ.
- Gorshkov M.K. (ed.), 2015. *Russian Society and Challenges of the Time. In 5 Books. Book 2.* Moscow, Ves' mir Publ.
- Gorshkov M.K., Tihonova N.E. (ed.), 2018. *Capitals and Regions in Modern Russia: Myths and Reality 15 Years Later.* Moscow, Ves' mir Publ.
- Markin V.V. (ed.), 2007. *Regional Sociology in Russia: Collection of Materials of Sociological Research.* Moscow, Exlibris-Press Publ.
- Markin V.V. (ed.), 2015. *Regional Sociology: Problems of Consolidation of the Social Space of Russia.* Moscow, Novyy Chronograph Publ.
- Romanova A.P., Yakushenkov S.N., Bayeva L.V., Hlyshcheva E.V., Bicharova M.M., Lebedeva I.V., Tochiev M.S., Yakushenkova O.S., Aliev R.T., 2017. *Cultural Security in Conditions of Heterotopia: Monograph.* Astrakhan, Astrakh. un-t.
- Sergeev V.V., 2010. Cultural Security of Modern Russian Society as a Socio-Cultural Problem. *Observatoriya kultura*, no. 1, pp. 90-92.
- Toshchenko J.T., 2001. *Paradoxical Man.* Moscow, Gardariki Publ.
- Toshchenko J.T. (ed.), 2013. *New Ideas in Sociology. Monograph.* Moscow, UNITY-DANA Publ.
- Shchukina E.L., 2015. Cultural Security of Modern Russia as an Element of National Security. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, no. 3, pp. 346-350.

REFERENCES

Information About the Author

Konstantin V. Vodenko, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University, Prosveshcheniya St, 132, 346428 Novocherkassk, Russian Federation, vodenkok@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5283-0466>

Информация об авторе

Константин Викторович Воденко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, ул. Просвещения, 132, 346428 г. Новочеркасск, Российская Федерация, vodenkok@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5283-0466>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.7>

UDC 316.472.43
LBC 60.561.5

Submitted: 29.08.2021
Accepted: 15.08.2022

THE TEXT OF REGIONAL CULTURE: INVARIANT FEATURES AND SPECIFIC FEATURES

Alexander L. Strizoe

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Victoria A. Khrapova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article makes an attempt at sociological and socio-anthropological substantiation of regionally oriented communication, identifying its prerequisites, organizational features and significance in the context of modern social dynamics. Highlighting the invariant features that characterize regional spaces (internal integration, limitedness, specific subjectivity), the authors show that cultural texts that organize the sign-symbolic reality of a regional scale contain a hidden intention of cultural expansion, not only marking the specifics of regional culture, but also broadcasting the aggregate experience of the regional community. Improvement of the regional cultural text, its entry to the level of metatext, which fixes regional identity in its correlation with the outside world, opens up new prospects for the existence of local communities – the prospects for transregional communications and associations. The internal logic of regional life, conditioned by the unity of the natural environment, history, the level of civilizational progress, as well as the political will of the governing elite, contributes to the creation of specific forms of life, social technologies, and cultural projects. As it appears to the authors, the heuristic of regionally oriented textual activity consists in the emerging concept of co-evolution of internal and external, local and global, built, if not on the ideals of understanding and harmony, then on the ideas of mutual communication and dialogue. The method of identifying invariant features of the region proposed by the authors is used to study the identity of the Volgograd region. Studies show that the symbolic matrix of the culture of the Volgograd region is the concepts of “winner”, “creator”, “unifier”. The approach presented in this study is permeated with the idea of rapprochement of philosophical discourse with theoretical models of sociology and social anthropology, as well as with empirical studies of cultural practices in social anthropology and sociology. According to the authors, only the integration of knowledge about culture makes it possible to expand the horizons of cultural creativity, the possibilities of self-realization of cultural subjects, thereby contributing to the creation of a communicative space and symbolic forms aimed at resolving crises, eliminating contradictions, achieving existential comfort, optimizing life in a social environment. transformation.

Key words: regional culture, text, communication, locality, local value identity, values.

Citation. Strizoe A.L., Khrapova V.A. The Text of Regional Culture: Invariant Features and Specific Features. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 60-72. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.7>

УДК 316.472.43
ББК 60.561.5

Дата поступления статьи: 29.08.2021
Дата принятия статьи: 15.08.2022

ТЕКСТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ИНВАРИАНТНЫЕ ЧЕРТЫ И КОНКРЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Александр Леонидович Стризое

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Виктория Анатольевна Храпова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринимается попытка социологического и социально-антропологического обоснования регионально ориентированной коммуникации, выявление ее предпосылок, особенностей организации и значения в условиях современной социальной динамики. Выделив инвариантные черты, характеризующие региональные пространства (внутреннюю интеграцию, ограниченность, специфическую субъектность), авторы показывают, что культурные тексты, организующие знаково-символическую реальность регионального масштаба, содержат в себе скрытую интенцию культурной экспансии, не просто маркируя специфику региональной культуры, но и транслируя совокупный опыт регионального общества. Совершенствование регионального культурного текста, его выход на уровень метатекста, фиксирующего региональную идентичность в ее соотнесенности с окружающим миром, открывает новые перспективы бытия локальных сообществ – перспективы трансрегиональных коммуникаций и объединений. Внутренняя логика региональной жизни, обусловленная единством природной среды, истории, уровнем цивилизационного прогресса, а также политической волей управляющей элиты способствует созданию специфических форм жизнедеятельности, социальных технологий, культурных проектов. Как представляется авторам, эвристика регионально ориентированной текстовой деятельности состоит в зарождающейся концепции коэволюции внутреннего и внешнего, локального и глобального, построенная, если не на идеалах понимания и гармонии, то на идеях взаимной коммуникации и диалога. Предлагаемая авторами методика выделения инвариантных черт региона применяется для изучения идентичности Волгоградской области. Как показывают исследования, символической матрицей культуры Волгоградской области являются концепты «победитель», «созидатель», «объединитель». Представленный в данной статье подход пронизан идеей сближения философского дискурса с теоретическими моделями социологии и социальной антропологии, а также с эмпирическими исследованиями культурных практик в социальной антропологии и социологии. По мнению авторов, лишь интеграция знаний о культуре позволяет расширять горизонты культурного творчества, возможности самореализации культурных субъектов, способствуя, тем самым, созданию коммуникативного пространства и знаково-символических форм направленных на разрешение кризисов, устранение противоречий, достижение экзистенциального комфорта, оптимизацию жизнедеятельности в условиях социальной трансформации.

Ключевые слова: региональная культура, текст, коммуникация, локальность, локальная идентичность, ценности.

Цитирование. Стризов А. Л., Храпова В. А. Текст региональной культуры: инвариантные черты и конкретные особенности // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 60–72. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.7>

Введение

В последние десятилетия в отечественной философии и обществознании сформировался устойчивый интерес к изучению локальных социокультурных образований. Однако изучение региональной специфики, если оно выходит за рамки описания уникальности конкретных проявлений, сталкивается с недостаточной проясненностью общих вопросов и оснований анализа всего комплекса региональных феноменов. Нет единства мнений в трактовке природы и сущности регионального, специфики их проявлений в различных сферах общественной жизни, факторов регионализации, в характеристике оптимальной модели организации взаимосвязей регионального с иными уровнями социокультурной целостности. Результатом этого часто являются описательность и бессистемность региональных исследований.

Значение и роль региональной культуры и ее текстов обусловлены усложнением процессов регионализации, наблюдаемых как в России, так и за ее пределами [Калинина 2014]. Справедливо отмечая, что дифференциация «центр – регионы» пришла на смену традиционному делению на столицу и провинцию, авторы связывают это процесс с кризисом прежнего политико-правового устройства, экономическими трансформациями, глобализацией, иными проявлениями конкретных социальных изменений [Есин 2009]. В их числе разноплановые и противоречивые социокультурные сдвиги, отражающие динамику технологий, институциональных форм и ценностей. Новая волна региональных исследований связана с проникновением в глубины социокультурной локальности через изучение языков и символов культуры, особенностей влияния ее традиций и образа жизни на макросоциальные и глобальные процессы. Углубление анализа

текстов локальной культуры связано с переходом от констатации их существования или отсутствия к истолкованию содержания текстовых форм, их сравнению и выявлению роли в жизни и развитии региональных сообществ.

Решение этих задач возможно с учетом сформировавшихся в отечественной философии и обществознании двух методологических подходов к изучению региональной культуры, артефактов и форм ее организации: объективистски-дискриптивного и конструктивистского. Первый из них рассматривает тексты культуры как данность, отражающую специфику локального социокультурного пространства, опыт его истории и тенденции дальнейшего развития. Он представлен работами В.В. Абашева, Л.М. Гаврилиной, Е.Ш. Галимовой, Н.А. Голубева, О.В. Лаврентьевой, А.П. Люсого и др. Второй подход сосредоточивается на процессах организации и функционирования текстов региональной культуры на роли языков культуры в создании среды воспроизводства личности и социальных общностей. Результаты его реализации можно увидеть в работах Р.Х. Касимова, И.Я. Мурзиной, Н.М. Смирновой, А.М. Улановского.

Задачи данной статьи заключаются в том, чтобы, выделив существенные особенности регионального социокультурного пространства, выявить их в текстах региональной культуры, а также показать проблемы конструирования таких текстов на примере социально-исторического развития конкретных регионов России.

Методология

С позиций методологического синтеза каждый из двух названных выше подходов правомерен при решении определенных исследовательских задач. В данном случае при исследовании особенностей регионального социокультурного пространства мы будем придерживаться дискриптивных ориентаций, в то время как описание специфики текстов культуры будет дано с конструктивистских позиций. Наше понимание самих текстов культуры и деятельности по их созданию базируется на позициях социальной семиотики. На методологическую значимость семиотического понимания текстов культуры достаточно давно указывалось в современной научной литературе [Андрющенко 2013, 14]. Данный под-

ход апробирован в ряде известных исследований Г.Л. Тульчинского, С.Т. Золянского, Е.А. Богатыревой, В.В. Савчука. Для философского и социологического исследования культуры и ее текстов, по нашему мнению, важно, что социальная семиотика подходит к ним в более широком, чем лингвистический, контексте, полагая, что и язык, и социальная жизнь обладают общей, текстовой спецификой [Фомин, Ильин 2019, 127, 130].

Результаты

Тенденция к локализации (регионализации) пространства социальной и культурной жизни коррелирует сегодня с тенденцией к глобализации. Более того, по мнению В.И. Игнатьева, «воспроизводство важнейших сторон социальной жизни в масштабе мировой целостности возможно, если... она воспроизводится во множестве отдельных обществ, устойчиво развивающих локальную специфику – локальные генотипы» [Игнатьев 2020, 43]. Соответственно центростремительные, внутренне ориентированные силы в региональных пространствах в определенных отношениях доминируют над центробежными, внешне ориентированными. В связи с этим весьма уместно привести определение региона, данное известным исследователем социального управления К. Дойчем, согласно которому регион – группа стран, которые по многим параметрам больше взаимосвязаны между собой, чем с иными странами [Deutsch 1981]. Доминирование внутреннего вектора интеграции над внешним, интравертной интенциональности над экстравертной может быть отнесено к инвариантным признакам не только региона и региональной культуры, но и всех связанных с ними социокультурных феноменов и артефактов.

Следствием этого является напряженное внимание всех участников региональных процессов ко всему, что включено в них: к физическому пространству и его организации, историческому прошлому природы и общества, коллизиям локальных социальных связей и их знаково-символическому выражению. Проблемное поле региональной жизни задается именно этим внутренним вектором анализа. История региона формирует особые приоритеты локальной ментальности и специфическую иерархию локальных ценностей, отноше-

ние к внешним и глобальным проблемам сквозь призму их связи и влияния на сложившийся внутренний порядок бытия. Внутренняя обоснованность, укорененность в ценностях и сознании населения являются лучшими гарантиями легитимности любого регионального решения.

Вторым инвариантным признаком всех социокультурных проявлений регионального является их пространственная ограниченность. Именно это свойство передается термином «локальный», фиксирующим ограниченность в противоположность безграничному, всеохватывающему, универсальному, глобальному. Это уточнение, на наш взгляд, не является лишним, поскольку в трактовке локального встречается размытость понимания его смысла. Так А.П. Люсый пишет: «“Локал” – не место, не местность, не ландшафт, вообще, не территория как таковая. Он означает привязку физического окружения к “типичным взаимодействиям”, из которых, собственно, и состоят социальные образования. В зависимости от характера социального образования соответствующий “локал” может охватывать и очень ограниченное пространство (жилище, офис, фабрика), и очень обширное (государство или империя)... Локал – размещение социального действия и взаимодействия...» [Люсый 2008, 94]. Стремясь уйти от натурализма и наполнить образ «локала» социально-философским содержанием, автор фактически отождествляет его содержание с содержанием понятия социального пространства, причем в его разных масштабных проявлениях.

Между тем на эмпирическом уровне локальное и региональное противостоят тотальности и универсализму государства (тем более в его имперской форме). На уровне категориальной представленности первое, как правило, соотносится с отдельным, особенным, второе – с универсальным, всеобщим. Что же касается смысловой наполненности локального (регионального) места, местности и территории, то она, на наш взгляд, должна соотноситься не с типичностью, то есть всеобщностью, а с особенностью и уникальностью как моментами типических проявлений, вне которых все региональные характеристики лишаются смысла. При этом специфика регионального как особенного, представляющего мезо-

уровень социальной организации, заключается в его открытости «в обе стороны», когда мезоуровневые структуры организуют работу микроуровня, но при этом последствия этой организации распространяются на макроуровень [Стрелецкий 2012]. Эта двоякая открытость особенно подтверждается и в ходе эмпирических исследований территориальной идентичности, когда именно мезопараметры городской среды обеспечивают «баланс “общего” и “своего”, открывая наиболее надежную перспективу социального сравнения», преломляя через себя «объективные условия существования – город как целое, а также субъективное благополучие», индивидуальные условия жизни [Казакова 2017, 82].

В контексте ограничительной и в этом смысле организующей семантики локально и регионально особенного становится логичным и перенос этих значений на нормативно-ценностную, поведенческую сферу, о котором далее пишет А.П. Люсый: «Итак, механизмы культуры как ограничительной (организующей) рамки жизни, выступают в аксиоматичной форме, не требующей логических доказательств. И локально-ландшафтные рамки сродни этическим рамкам – “по правде”, “по совести”, “не положено”...» [Люсый 2008, 95]. Пространственная ограниченность регионального указывает на пределы распространности тех особенностей, которые его конституируют. Эти пределы могут различаться, поскольку этнокультурные, поселенческие, конфессиональные, хозяйственные и административные границы не совпадают друг с другом. Следствием этого является тот факт, что специфика одного административно-территориального или природно-экономического региона может определяться сочетанием разных этнокультурных и конфессиональных общностей.

Третьим инвариантным компонентом теоретического дискурса регионального должна стать возникшая и сформированная в локальном (региональном) социокультурном пространстве специфическая субъектность. Эмпирические исследования регионов либо вообще не выделяют субъектной стороны, как его существенного признака, либо описывают конкретные проявления действия субъектов региональной жизни – особенности созна-

ния, социальных институтов и структуры [Ефремова 2017; Кузьмина 2020]. Логично предположить, что региональный субъект представляет собой общность или общности людей, живущих в региональном пространстве или постоянно связанных с ним и осваивающих это пространство в своей деятельности. Природа этих общностей, их организация, формы и способы освоения пространства исторически изменчивы и отражают особенности возникновения и трансформации региона. Тем не менее можно представить общую логику и некие инвариантные механизмы становления субъектности.

Исходной точкой и первым этапом процесса становления, как мы полагаем, является накопление совместного опыта адаптации к локальному пространству, самосохранения и развития в нем. Селекция и закрепление такого опыта начинаются уже с появлением регионального сознания как сознания различий собственного коллективного существования в данном локальном пространстве от существования соседних общностей. Очередной ступенью и вторым этапом кристаллизации коллективного опыта является совместная репродуктивная и творческая деятельность, формирующая обычаи и традиции как значимые культурные нормы и ценности, а также устойчивые во времени и пространстве материальные и социальные артефакты культуры [Михайлов, Рунге 2019]. Такая деятельность обеспечивает «социальное воспроизводство консолидированных... региональных сообществ, основных социально-территориальных групп... участвующих в социальных практиках», что является, по мнению В.В. Маркина, главным критерием региональной социальной организации [Маркин 2017, 83]. Лишь на этой стадии (третьем этапе процесса становления) можно говорить о сформированности регионального культурного субъекта, бытийный опыт которого отражается в текстах культуры. Появление таких текстов и является индикатором накопления уникального культурного опыта освоения определенного жизненного пространства. Следует подчеркнуть, что представленная нами логика является не столько линейной, хотя темпоральная асинхронность, как и во всяком социальном изменении, неизбежна, сколько полифонической, когда к пер-

вому по времени фактору (голосу культуры) постепенно добавляются другие, обогащающие и усиливающие синергетическим эффектом их общее звучание.

Таким образом, регион, как специфическая форма организации социальной жизни и региональная культура, как способ освоения пространства этой жизни, характеризуется объединяющим полем центростремительных интегративных связей, локализованных (ограниченных) в определенном физическом и социальном пространстве и формирующих региональную общность людей как коллективный субъект совместной социокультурной деятельности. Знаково-символическая реальность регионального культурного творчества, уникальность стиля и форм, богатство содержания, отражающего качественную специфику общечеловеческих практик освоения мира, выступает важнейшим признаком, отличающим региональную культуру от других региональных феноменов.

Региональные культурные тексты, организуя знаково-символическую реальность культуры, с одной стороны, фиксируют социокультурную специфику региона, формируют и укрепляют региональную идентичность. Как отмечает Н.Г. Федотова, регионально маркированная кодификация текстов (письменных, аудиальных, визуальных) позволяет представить в полном объеме факторы, конструирующие современную локальную идентичность [Федотова 2017, 40]. С другой стороны, региональные тексты содержат в себе скрытую интенцию региональной социокультурной экспансии, не просто маркирующей его специфику, но и представляющей его окружающему глобальному сообществу, доносящей до него специфический опыт сообщества локального. Совершенствование региональных культурных текстов, выход их на уровень метатекста, фиксирующего региональную идентичность и ее соотношенность с окружающим миром, открывает новые перспективы бытия локальных сообществ – перспективы трансрегиональных коммуникаций и объединений.

Рассмотрим проявление выделенных выше инвариантных признаков региональных феноменов в региональных культурных текстах как специфических артефактах культуры. Доминирование центростремительных

связей придает особый смысл отношениям внутри регионального сообщества и возникающей в этих отношениях региональной повестке дня, тому проблемному полю, движение по которому предполагает разрешение возникающих здесь коллизий и конфликтов. В разных регионах выявляется системообразующая роль разных внутренних связей и отношений, определяющих тематику и стилистику культурных текстов. Где-то довлеет инерция исторической памяти и связанных с ней героических мифологем; где-то доминируют хозяйственные традиции и связанные с ними профессиональные сообщества, порождающие закрепленные в текстах порядок и образ жизни; где-то конституирующую роль играют коммуникативные практики, особенности языка и социальной психологии, находящие воплощение в языке знаков и символов. Однако дело не только в специфике социальных практик и формируемом в процессе их функционирования в каждом регионе коллективном опыте и социальном капитале, закрепляемом в локальных текстах культуры. Внутренняя повестка дня региональной жизни возникает при встрече всеобщих универсальных императивов, данных единой природой, общей историей и достигнутой ступенью цивилизационного прогресса, с политической волей и управленческой логикой, с особым социокультурным контекстом их реализации. В результате этого во многом нестандартного и творческого взаимодействия появляются специфические социокультурные проекты и технологии деятельности, отличающиеся выбором форм и средств, приоритетов и последовательностей шагов, а также темпа осуществления намеченных целей.

Сегодня в отечественной философии и общественном знании общепризнанно, что в основании региональной культуры, а значит, и ее культурных текстов, лежит матрица мифологического мировоззрения. Но что происходит с этой матрицей дальше? Согласно концепции, предложенной С.З. Агранович и И.В. Саморуковой, миф – специфически человеческий способ творения и моделирования мира на любой стадии его развития. Поэтому «смена эпох, а значит, смена экономических, социальных и культурных условий жизни человека – всегда смена мифов» [Агранович, Само-

рукова 1997, 6]. Говоря об исторической динамике культуры, авторы выделили два ее типа: культуру гармонии, которая сформировалась на базе архаического мифа и доличностного сознания, и культуру цели, связанную с формированием монотеизма и идеи трансцендентной личности. Культура цели подразумевает необходимость напряжения воли, преодоление естественного положения вещей и хода событий. Не вдаваясь в оценку исходных посылок рассуждений авторов, обратим внимание на кардинальность перехода от культуры мифа к культуре цели и связь этого перехода с закрепленными в текстах социокультурными программами.

По нашему мнению, этот переход может быть точнее описан как переход от традиционной культуры доиндустриальных обществ и связанной с ней репродуктивной программы культурных текстов к креативной культуре модерна с ее во многом секулярной, демистифицированной текстовой программой преобразования реальности. Это переход связан со сменой системообразующей роли сельской культуры с ее фольклорно-мифологическими сюжетными схемами и текстовой символикой на городскую культуру, расцветшую всем богатством и творческой изобретательностью ее профессионального текстового самовыражения. Любопытно, что сходную мысль о двусоставности региональных текстов мы встречаем у многих специалистов. Так В.Г. Щукин определил локальный текст как совокупность ряда текстов вторичного типа, прототекстом для которых является локальный миф или ряд общеизвестных, расхожих, устоявшихся представлений о данном месте как компактном участке географического пространства с характерным ландшафтом и важными для данной культуры историческими судьбами [Щукин 2012]. Если прототексты ориентированы на программы любования, охраны и воспроизводства культурной традиции прошлого, а иногда и на ее мультиплицирующую трансляцию на окружающее социокультурное пространство, то, по терминологии В.Г. Щукина, региональные тексты вторичного типа созданы по программам, включающим в себя идею культурной преемственности, но нацелены на инновационный ответ на вызовы современности. История российской культуры XX–XXI вв.

показывает, насколько трудно создать и закрепить в национально-государственных и региональных текстах культуры социокультурную программу, не срывающуюся в крайности нигилизма авангарда, с одной стороны, и догматизированного псевдоклассического или псевдоэтнического изоляционизма – с другой.

Конституирующая роль регионального пространства проявляется по отношению ко всем иным региональным характеристикам, закрепленным в знаково-символической форме. Во-первых, региональное пространство «подчиняет» себе время региональной истории: мифологические сюжеты и семантика, равно как и факты писаной истории региона, ценны и значимы не столько сами по себе, сколько в контексте понимания его современных проблем, того, что волнует его жителей. Представляется, что современные региональные тексты построены по принципу топохрона: прошлое региона и память о нем конструируются сегодня в контексте современной социокультурной ситуации, осмысливаются языками современной культуры. Во-вторых, значимость пространства в региональной культурной жизни обнаруживается, в частности, в том, насколько успешно региональные тексты, выстраивая культурный порядок, создают уникальные пространственные композиции и образы, сочетающие колорит прошлого и императивы сегодняшнего дня. Эти образы играют ведущую роль в визуальном восприятии региона, в формировании памяти о неповторимых видах и пейзажах, в закреплении в сознании визуальных силуэтов и символов региона. Способность выросших на региональной почве вербальных текстов выражать неповторимость создаваемого людьми локального жизненного пространства определяет их воздействие на читателя, часто далекого от той или иной локальной повседневности, вызывая у него внутренний отклик, пробуждая значимые личные воспоминания и глубокие чувства. В-третьих, сегодня с сохранением регионального пространства культуры как единой целостной среды человеческого существования связаны риски конструирования региональных текстов. Переструктурируя пространство, изменяя его организацию в соответствии с потребностями времени, субъекты культуры часто идут на поводу

сиюминутной моды и конъюнктуры, создавая визуальные образы, символика и стилистика которых не поддерживают идущие из прошлого связи и традиции.

Технологическая революция и процессы глобализации в современном мире, развиваясь с нарастающим темпом, усиливают тенденцию к унификации современных культурных пространств. «Можно даже утверждать, – пишет А.Я. Флиер, – что локальные культуры сообществ, находящихся на одной стадии развития, по мере перехода от одной исторической эпохи к другой, становятся все менее специфичными по отношению друг к другу. Причем, чем больше ускоряется темп социального развития, тем быстрее утрачиваются признаки локального культурного своеобразия, приносимого в жертву темпам социального развития» [Флиер 2014, 89]. В свете этого возникает вопрос о необходимости ограничения тотальности преобразования пространства региональной культуры и выделения в нем зоны утилитарного функционирования региональных сообществ, в которых конвергенция и унификация будут наибольшими по сравнению с пространствами в максимально возможной мере сохраняющими аутентичность культурной среды и ее текстовую организацию.

Такие ограничения не снимают саму проблему поиска новых форм, стилей и программ текстовой деятельности в культуре, которые бы открывали каналы взаимодействия регионального пространства с внешним миром без потери уникальной культурной специфики. С.З. Агранович и И.В. Саморукова, обращаясь к вопросу о перспективах выделенной ими культуры цели, отметили, что она сохраняет в себе в имплицитной форме идею гармонии и потому может в процессе исторической эволюции привести к становлению диффузной культуры образа-концепта, предполагающей диалог земной гармонии и трансцендентальной цели [Агранович, Саморукова 1997, 132]. Разделяя идею исследователей о движении к согласованию традиции и новации, данного и созданного, можно предположить, что основой новой программы текстовой деятельности региональной культуры станет концепция коэволюции внутреннего и внешнего, локального и глобального, построенная, если не на

идеалах понимания и гармонии, то на идеях взаимной коммуникации и диалога.

В современной теории текста обсуждается вопрос о том, всякий ли субъект способен создать региональный текст как метатекст. Не все локальные пространства создают свои тексты, способные выразить их идентичность. Создатель концепции сверттекста (в нашей терминологии метатекста) Н.Е. Меднис отмечала, что возникновение реальных сверттекстов и потребность их исследования во многом определяются пульсацией сильных точек памяти культуры, пульсацией, настойчиво подталкивающей к художественной или научной рефлексии по поводу ряда культурно и/или исторически значимых в масштабах страны либо человечества явлений [Меднис 2003]. Не без сожаления она констатировала, что ее родной город Новосибирск не имеет своего сверттекста так же, как, по ее мнению, не существует в силу парижского и московского сверттекстов в силу динамичности и центрической неустойчивости бытия этих мегаполисов. Близкий по своему существу случай описывает Л.М. Гаврилина: «Калининградский текст советского периода вроде бы сложился, но он существовал только на уровне идеологии, не затронув уровень социальной психологии, что сделало его крайне неустойчивым образованием, внешним по отношению к культуре, неукорененным в ней. Он рухнул вместе с идеологией, практически не оставив следа» [Гаврилина 2011, 80]. Аналогичными слабостями, по нашему мнению, обладают и другие идеологизированные культурные тексты советской эпохи, например волгоградский.

Как мы уже показали, субъект региональной культуротворческой деятельности формируется по мере накопления опыта освоения регионального пространства. Создаваемые в процессе этого тексты культуры в разной мере успешны в плане выражения региональной культурной специфики. Лишь с возникновением региональной культурной традиции в различных сферах деятельности – художественной культуре, литературе и публицистике, живописи, науке, архитектуре и градостроительстве и т. д. – формируется и закрепляется в наиболее совершенных текстах региональной культуры образ региональной идентичности.

Неудача создания советского варианта калининградского текста обусловлена избранной программой культуротворческой деятельности, построенной на культурном нигилизме, последовательном отрицании предшествующего культурного наследия Восточной Пруссии и даже на сознательном уничтожении артефактов культуры предшествующего исторического периода. Возникший в условиях существования сложившегося сообщества культуротворческой деятельности, но в ситуации отсутствия традиции, соединяющей опыт различных исторических периодов регионального развития, калининградский текст оказался эфемерным артефактом культуры. Аналогично дефицит традиции освоения регионального культурного пространства, связывающей различные периоды региональной истории при наличии субъекта этого освоения мы наблюдаем во многих регионах современной России, в том числе в новосибирском и волгоградском. Пульсация сильных точек исторической памяти, о которой говорила Н.Е. Меднис, порождает региональные тексты, фиксирующие локальную идентичность лишь в том случае, если находит отклик в современности, вызывает смысловой резонанс. Вне субъекта, способного улавливать эти импульсы, такой резонанс невозможен.

Что же касается феноменов парижского или московского текста, а также подобных им урбанистических образований как выразителей локальной идентичности, то возникающие затруднения ее текстовой представленности связаны, по нашему мнению, с особой культурной сложностью самих объектов описания. Их знаково-символическая и смысловая насыщенность выражается в высокой концентрации текстовых описаний на ограниченном культурном пространстве, в их взаимной конкуренции и борьбе за доминирование. Видимо, создание текстов, наиболее точно и полно выражающих идентичность этих культурных пространств, еще впереди. Тот факт, что в истории культуры они не раз предпринимались, не вызывает сомнений. Достаточно вспомнить оперетту Ж. Оффенбаха «Парижская жизнь» или одноименный мюзикл 70-х гг. XX в., претендовавшие на музыкально-образное воплощение парижской идентичности. Можно указать также на известную фольк-

лорную мудрость о том, что «Москва – это сердце России, а Петербург – ее голова». Пока ни одна из множества уже предпринятых попыток текстового выражения идентичности этих культурных феноменов не была признана эталонной.

Изменения в составе и качестве субъектов региональной культуры непосредственно связаны с текстовым творчеством. Тексты коренного населения дополняются текстами осевших мигрантов. Фольклорные тексты заменяются текстами профессиональной культуры. Наряду с региональной элитой в создании локальных текстов все большую роль играют осевшие в столице и культурных центрах выходцы из региона. Наконец, плюрализация культуротворческой элиты, становление в ней различных школ, направлений и традиций способствует стилистическому разнообразию текстов региональной культуры. На основе этого многообразия региональной культурной жизни становится возможной селекция текстовых моделей, установление связей и смысловой согласованности между ними. Появляющиеся в этой ситуации наиболее совершенные образцы региональных текстов, с одной стороны, образно-символически обобщают созданное ранее, с другой – приближаются к фиксации смыслового инварианта регионального образа, воспринимаемого не просто как местная особенность, но как локальная идентичность.

Спроецируем теперь представленную нами точку зрения на эмпирическую реальность конкретных российских регионов. В качестве примера рассмотрим Нижневолжский регион и одну из его частей – Волгоградскую область. Представляется, что этот выбор, не отражая специфики целого ряда российских регионов и региональных общностей, фиксирует, тем не менее некие общие черты и тенденции, помогающие понять сущность и многообразие региональных социокультурных текстов.

Региональная специфика Нижней Волги формировалась под воздействием единства природно-климатических, хозяйственно-экономических, поселенческих и этнодемографических факторов. При этом административные границы несколько раз перекраивали это пространство, меняли его конфигурацию, в

большей или меньшей мере согласуясь с его культурной спецификой. Так, территория современной Волгоградской области входила в состав Астраханской и Саратовской губерний, а также в область Войска Донского. Жившие здесь малые этносы то получали, то теряли административную автономию, что существенно сказывалось на их культуре.

Сегодня Нижневолжский регион объединяет в себе Волгоградскую и Астраханскую области, а также Республику Калмыкия. Как и прежде, специфика региональной повестки дня и программ освоения культурного пространства определяется природно-климатическими особенностями и этнодемографическими, а также частично хозяйственно-экономическими факторами. Формируемые в культурном пространстве Нижней Волги тексты по-прежнему ориентируются на сохранение традиций жизни на земле, адаптацию к степным и пустынным пространствам, экстремальным климатическим явлениям. Тексты традиционной культуры Нижней Волги по-прежнему центрированы на религии коренного населения: православие, ислам и буддизм.

Переход к текстовым программам развития и инноваций связан с формированием городской культуры и ее доминирующим влиянием в культуре региона. Однако ни в одном крупном городе региона, за исключением Астрахани и города-спутника Волгограда Волжского, эти программы и связанные с ними тексты до конца не сформировались. В случае Астрахани срабатывают природно-географические факторы, поддерживающие традицию рассматривать город как ворота России на Восток, как пространство, живущее изобилием природных ресурсов, которые ассоциируются не столько с богатствами Волги, сколько с запасами углеводородов. В Волжском – большая склонность к созданию инновационных городских культурных текстов, которая связана с отсутствием инерции исторической традиции, поскольку город создан во второй половине XX в., а также с инвестициями в экономику крупных российских финансово-промышленных групп. Кризис и разрушение советской культурной традиции, так и не пустившей в Волгограде глубоких корней, в сочетании с отсутствием экономической ди-

намики в постсоветский период, стимулировали, с одной стороны, реанимацию культурного уклада уездного города, едва ли согласующегося с нынешним статусом города-миллионника. С другой стороны, они способствовали консервации традиционных военно-патриотических культурных текстов советского прошлого, без каких-либо попыток обогатить их новым смысловым содержанием, модернизировать образ города-памятника. Данная ситуация во многом типична для крупных российских городов. Культурный контекст столицы Калмыкии Элисты, как и в большинстве национальных республик России, ориентирован на этнокультурные тексты охранительно-консервативной направленности. Инерция исторической памяти пока не может быть преодолена новыми проектами и созданием новых текстов, модернизирующих культурное пространство республики.

Пространственная локализация региональных культурных текстов Нижней Волги демонстрирует нам как мозаичность регионального топоса, так и подвижность пространственных границ, диффузный характер культурных взаимодействий. Будучи территорией издавна населенной разными этносами, а также начавшейся в XVI в. российской русской колонизации, Нижняя Волга вобрала в себя немецких и украинских переселенцев, мигрантов из других регионов. Сегодня она испытывает противоречивое воздействие миграционных потоков с Кавказа и Центральной Азии. Уникальность этой территории состоит в том, что на ней мирно уживались и взаимодействовали, не теряя культурного своеобразия, разные, в том числе мигрирующие, этносы и исповедуемые ими три мировые религии. Можно предположить, что, за исключением исторических травм депортации и расказачивания, топохрон региональных культурных текстов нивелировал теневые стороны исторической памяти, подчиняя ее прагматике повседневности, вырабатывая устраивающие всех нормы и правила общения. Переструктурирование пространства региональной культуры связано с ее урбанизацией, когда на смену традиционным этническим субъектам культурного творчества приходит транснациональная поселенческая общность. Именно с формированием таких общностей связано появление

в будущем региональных метатекстов, фиксирующих актуальную для современника региональную и локальную идентичность. Как и в других регионах России, конституирование типично городских сообществ на Нижней Волге сдерживается деградацией городской инфраструктуры, что ведет к мультипликации в городах деревенско-хуторского образа жизни и маргинальной культуры. Все это сказывается на качестве культурных текстов, создаваемых в современных городах региона.

Субъектность как определенный ансамбль качеств, реализуемых в практике создания региональных культурных текстов, обращает нас к анализу многообразия и культурного потенциала региональных текстов Нижней Волги. В ее нынешних границах она представлена этническими общностями русских переселенцев с почти забытыми фольклорными текстами крестьян, артелей рыбаков, грузчиков, бурлаков, иных наемных работников, а также с фольклором украинцев, донских казаков. Особый корпус текстов культуры создали немецкие колонисты в XVIII–XX веках. Этническое многообразие культурных текстов Нижней Волги нельзя представить без вклада калмыцкого, татарского, казахского этносов. Доминирование русского и русскоязычного населения в городах региона, формирование интеллигенции и связанной с ней региональной элиты определило облик современного субъекта культурного творчества. Несформированность школ и традиций культурного творчества региональной интеллигенции и элиты обнаруживает себя в том, что лишь единицы из ее представителей возвышаются до создания текстов, претендующих на представление отдельных сторон региональной идентичности. В большинстве случаев казачья идентичность ассоциируется с произведениями ростовчанина М. Шолохова, а лишь потом волгоградца Ф. Сухова. Аналогично идентификационным символом Волгограда стал ансамбль Мамаева кургана, созданный москвичем Е. Вучетичем. С точки зрения проявленности культурной субъектности мы пока лишь приближаемся к созданию текстов, выражающих локальную волгоградскую, астраханскую, калмыцкую идентичность, которая была бы созвучна современной социокультурной ситуации.

Если говорить о символическом каркасе волгоградской идентичности и выражающих ее текстах культуры, то в нем, по нашему мнению, можно обнаружить некоторые общие для российских регионов взаимодействующие смысловые поля. Первое из них связано с реализацией концепта «победитель». Это поле военной героики, доблести и славы, защиты от враждебной стихии. Сегодня в центре данного поля Сталинградская победа, но в нем также и героические подвиги волгоградцев, защищавших наши национальные интересы и государственное единство в послевоенные десятилетия и продолжавших традиции российского и советского воинства. Второе символическое поле раскрывает семантику концепта «созидатель мирной жизни». Это поле повседневного труда и творчества, создающих среду воспроизводства человека, тот самый концепт «дома», без которого во все времена невозможно представить себе человеческую идентичность. По нашему мнению, поиски смысловой представленности именно этого поля в Волгограде далеки от результатов, одобряемых большинством. Здесь возникают наибольшие трудности в освоении регионального культурного пространства. Еще одно значимое для идентичности символическое поле связано с концептом «объединитель», посредник в коммуникации и конфликте. Город, находящийся на перекрестке глобальных международных транспортных коридоров Запад – Восток и Север – Юг, веками объединявший разные народы, религии и культуры, сегодня закладывает традиции общественной дипломатии, диалога на Волге, моста, соединяющего народы и культуры. Социокультурная коммуникация и интеграция усилий сегодня необходимы для самосохранения как локально-регионального своеобразия, так и глобального космоса культуры. Обратим внимание на то обстоятельство, что обозначенные нами символические поля представляют также прошлое, настоящее и будущее регионов, способствуют идентификации субъектов культуры, интеграции их усилий и формированию мотивации достижений.

Выводы

Таким образом, к числу инвариантных признаков регионального, определяющих специфику текстов локальной культуры можно

отнести: доминирование внутреннего вектора интеграции над внешним; сочетание пространственной ограниченности и двухсторонней открытости регионального как мезоуровня социокультурной организации; сформированность локального субъекта, осваивающего социокультурное пространство региона. Проявление этих признаков в локальных социокультурных практиках выражается в текстовом закреплении специфической повестки дня региональной жизни; в топохроне как принципе организации региональных текстов, а также в фиксации и закреплении в них концептуальных смыслов, описывающих разные стороны деятельности региональных субъектов.

Представленный нами подход к изучению региональных текстов культуры пронизан идеей сближения ее философского дискурса с теоретическими моделями социологии и социальной антропологии, а также и эмпирическими исследованиями культурных практик в социальной антропологии и социологии. Лишь интеграция знаний о культуре позволит расширить горизонты культурного творчества и самореализации его субъектов, способствуя тем самым созданию новых текстов культуры.

Накопленный опыт теоретического моделирования текстов культуры ставит вопрос о социологической операционализации имеющихся в нашем распоряжении теоретических конструктов, о поиске согласующихся с ними индикаторов, допускающих социологическое измерение, изучение социокультурной локальности при помощи количественных и качественных методов. Без перевода проблематики региональных текстов в плоскость конкретных социально-антропологических и социологических исследований вряд ли возможно углубить наш анализ механизмов формирования локальных идентичностей, функционирования культурной повседневности, их знаково-символических порядков и констант. Без таких исследований трудно избавиться от надуманных теоретических схем и мифологизации многомерного и динамично изменяющегося социокультурного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агранович, Саморукова 1997 – *Агранович С.З., Саморукова И.В.* Гармония-цель-гармония.

- Художественное сознание в зеркале притчи. М.: Междунар. ин-т семьи и собственности, 1997.
- Андриющенко 2013 – *Андриющенко И.А.* Теоретические модели изучения региональной культуры: проблемы методологии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.А. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2013. Т. 24 (65), № 3. С. 9–16.
- Гаврилина 2011 – *Гаврилина Л.М.* Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 6. С. 75–83.
- Есин 2009 – *Есин Р.О.* Современный регионализм: новые направления в теории // Проблемы управления. 2009. № 3 (32). С. 170–181.
- Ефремова 2017 – *Ефремова К.А.* От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности // Сравнительная политика. 2017. № 8 (2). С. 58–72. DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72>
- Игнатъев 2020 – *Игнатъев В.И.* Социальные локальности в эпоху информационно-сетевой глокализации // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 37–46. DOI: [10.31857/S013216250010024-9](https://doi.org/10.31857/S013216250010024-9)
- Казакова 2017 – *Казакова А.Ю.* Субъективное качество жилищных условий и территориальная идентичность горожан (на материале опроса жителей МО «г. Калуга») // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 1. С. 62–87. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5002>
- Калинина 2014 – *Калинина О.С.* Сущность и тенденции процессов регионализации в России // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2014. № 21. С. 76–80.
- Кузьмина 2020 – *Кузьмина М.А.* Мезоанализ – междисциплинарная методология социальных и гуманитарных исследований // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 27–36. DOI: [10.31857/S013216250009297-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009297-9)
- Люсый 2008 – *Люсый А.П.* Новая жилплощадь мысли: текстуальная революция и локальность // Философские науки. 2008. № 12. С. 88–96.
- Маркин 2017 – *Маркин В.В.* Социальное пространство России в региональном измерении: социологический анализ, моделирование, мониторинг // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 12–13 окт. 2017 г.). М.: ФНИСЦРАН, 2017. С. 82–87.
- Меднис 2003 – *Меднис Н.Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003.
- Михайлов, Рунге 2019 – *Михайлов В.Т., Рунге Й.* Идентификации человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 52–62. DOI: [10.31857/S013216250003747-4](https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4)
- Стрелецкий 2012 – *Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения, система индикаторов // Псковский региологический журнал. 2012. № 14. С. 9–21.
- Федотова 2017 – *Федотова Н.Г.* Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 3. С. 32–49.
- Флиер 2014 – *Флиер А.Я.* Избранные работы по теории культуры. М.: Артем: Согласие, 2014.
- Фомин, Ильин 2019 – *Фомин И.В., Ильин М.В.* Социальная семиотика: траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 4. С. 123–141. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6822>
- Щукин 2012 – *Щукин В.Г.* Как и почему рождается литературный локальный текст // Парк Белинского. 2012. № 1. С. 30–47.
- Deutsch 1981 – *Deutsch K.W.* On Nationalism, World Regions and the Nature of the West // Mobilization, Center-Periphery Structures and Nation-Building: A Volume in Commemoration of Stein Rokkan. Bergen: Universitetsforlaget; N. Y.: Columbia University Press, 1981. P. 51–93.

REFERENCES

- Agranovich S.Z., Samorukova I.V., 1997. *Harmony-Goal-Harmony. Artistic Consciousness in the Mirror of the Parable*. Moscow, Mezhdunar. in-t sem'i i sobstvennosti.
- Andryushhenko I.A., 2013. Theoretical Models of the Study of Regional Culture : Problems of Methodology. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.A. Vernadskogo. Seriya «Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya»*, vol. 24 (65), no. 3, pp. 9-16.
- Gavrilina L.M., 2011. The Kaliningrad Text in the Semiotic Space of Culture. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, no. 6, pp. 75-83.
- Esin R.O., 2009. Contemporary Regionalism: New Directions in Theory. *Problemy upravleniya*, no. 3 (32), pp. 170-181.

- Efremova K.A., 2017. From Regionalism to Transregionalism: Some Theoretical Conceptualisation of a New Reality. *Sravnitel'naya politika*, no. 8 (2), pp. 58-72. DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72>
- Ignat'ev V.I., 2020. Social Locality in the Age of Information and Network Glocalization. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 37-46. DOI: 10.31857/S013216250010024-9
- Kazakova A.Yu., 2017. Subjective Quality of Housing Conditions and Citizens' Territorial Identity (Based on a Survey of Residents of the City of Kaluga). *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 23, no. 1, pp. 62-87. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5002>
- Kalinina O.S., 2014. The Essence and Trends of Regionalization Processes in Russia. *Strategiya ustojchivogo razvitiya regionov Rossii*, no. 21, pp. 76-80.
- Kuz'mina M.A., 2020. Mesoanalysis as an Interdisciplinary Methodology in Social and Humanitarian Research. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 27-36. DOI: 10.31857/S013216250009297-9
- Lyusyi A.P.A., 2008. New Living Space for Thought: Textual Revolution and Locality. *Filosofskie nauki*, no. 12, pp. 88-96.
- Markin V.V., 2017. Social Space of Russia in the Regional Dimension: Sociological Analysis, Modeling, Monitoring. *Rossiya i mir: global'nye vyzovy i strategii sotsiokul'turnoy modernizatsii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 12–13 okt. 2017 g.)*. Moscow, FNISC RAS, pp. 82-87.
- Mednis N.E., 2003. *Supertexts in Russian Literature: Textbook*. Novosibirsk, NGPU.
- Mikhailov V.T., Runge I., 2019. Identifications of Individual. Territorial Communities and Social Space: an Attempt of Conceptualisation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 52-62. DOI: 10.31857/S013216250003747-4
- Streletskii V.N., 2012. Cultural Regionalism: Concept, Research Issues and Basic Indicators. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 14, pp. 9-21.
- Fedotova N.G., 2017. The Formation of Urban Identity: Factorial and Institutional Aspects. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 20, no. 3, pp. 32-49.
- Flier A.Ya., 2014. *Selected Works on the Theory of Culture*. Moscow, Artem Publ., Soglasie Publ.
- Fomin I.V., Il'in M.V., 2019. Social Semiotics: Paths Towards Integrating Social and Semiotic Knowledge. *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 25, no. 4, pp. 123-141. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6822>
- Shchukin V.G., 2012. How and Why a Literary Local Text is Born. *Park Belinskogo*, no. 1, pp. 30-47.
- Deutsch K.W., 1981. On Nationalism, World Regions and the Nature of the West. *Mobilization, Center-Periphery Structures and Nation-Building: A Volume in Commemoration of Stein Rokkan*. Bergen, Universitetsforlaget; New York, Columbia University Press, pp. 51-93.

Information About the Authors

Alexander L. Strizoe, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Sociology and Politology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, strizoe@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

Victoria A. Khrapova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, khrapova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>

Информация об авторах

Александр Леонидович Стризое, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, strizoe@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

Виктория Анатольевна Храпова, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, khrapova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.8>

UDC 316.4
LBC 60.524

Submitted: 11.05.2022
Accepted: 15.08.2022

ACTOR-NETWORK STRUCTURE OF COLLECTIVE HISTORICAL MEMORY ¹

Olga V. Yarmak

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Mariya G. Bolshakova

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Zoya S. Savina

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Anastasia G. Maranchak

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The authors carried out an analysis of semantic constructions about the role of Sevastopol in the Great Patriotic War. The basic question of the study is to assess the risks and opportunities of countering the technologies of information and cognitive wars, the scenarios of which involve the formation of lines of “civilizational faults” that destabilize social processes with the reformatting of history. The relevance of this research is connected with the definition of mechanisms for creating new historical and media meanings in the conditions of hybrid confrontation and modeling different variants of the development of historical events with changes in the historical and political maps of the world. First of all, this process concerns assessments of the Great Patriotic War and Victory as a historical and geopolitical achievement of Russia. The scientific novelty of the study consists in considering the collective memory of the Great Patriotic War as a network in the understanding of actor-network theory. It was revealed that the historical collective memory is filled with new symbols and signs, turning into an unstructured stream. Social actions that determine historical attitudes are being reinterpreted, a new symbolism becoming a new sociality with the broadcast of “victory” and the rejection of social and geopolitical achievements in the Great Patriotic War of the Russian people and the Soviet state. The current state of historical collective memory is filled with traces formed by both a fundamental event – the Victory in the Great Patriotic War, and events of a political and social nature. Consideration of the collective memory of the Great Patriotic War as a network in the understanding of the actor-network theory allowed us to identify signs of information campaigns aimed at discrediting the role of the Soviet Union and transforming the Victory Day through the formation of an “import” information agenda.

Key words: Sevastopol, Great Patriotic War, Victory, historical memory, collective memory, information flow, actor-network theory.

Citation. Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Savina Z.S., Maranchak A.G. Actor-Network Structure of Collective Historical Memory. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 73-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.8>

УДК 316.4
ББК 60.524

Дата поступления статьи: 11.05.2022

Дата принятия статьи: 15.08.2022

АКТОРНО-СЕТЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ¹

Ольга Валерьевна Ярмак

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Мария Геннадьевна Большакова

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Зоя Сергеевна Савина

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Анастасия Геннадьевна Маранчак

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. Авторами осуществлен анализ смысловых конструкций о роли Севастополя в Великой Отечественной войне. Базовый вопрос исследования состоял в изучении рисков и возможностей противостояния технологиям информационных и когнитивных войн, сценарии которых предполагают формирование линий «цивилизационных разломов», дестабилизирующих социальные процессы с переформатированием истории. Актуальность данной работы связана с выявлением механизмов создания новых медийных смыслов, имеющих историческую основу, в период гибридных информационных войн и формирования альтернативных вариантов развития исторических событий. В первую очередь этот процесс касается оценок Великой Отечественной войны и Победы как исторического и геополитического достижения России. Научная новизна исследования состояла в использовании акторно-сетевой теории для анализа процесса формирования коллективной памяти о Великой Отечественной войне в формате сети. Авторы пришли к выводу, что историческая коллективная память наполняется новыми символами и знаками, превращаясь в неструктурированный поток. Социальные действия, обуславливающие исторические установки, получают переосмысление, новый символизм, становящийся новой социальностью с трансляцией «победобесия» и отказа от социальных и геополитических достижений в Великой Отечественной войне русского народа и советского государства. Современное состояние исторической коллективной памяти наполнено следами, формируемыми как фундаментальным событием – Победой в Великой Отечественной войне, так и событиями, имеющими политическую и социальную природу. Акторно-сетевая теория позволила увидеть в коллективной памяти о Великой Отечественной войне, формируемой как сеть, признаки информационных кампаний, дискредитирующих роль Советского государства и переформатирования праздника Победы через «импорт» информационной повестки.

Ключевые слова: Севастополь, Великая Отечественная война, Победа, историческая память, коллективная память, информационный поток, акторно-сетевая теория.

Цитирование. Ярмак О. В., Большакова М. Г., Савина З. С., Маранчак А. Г. Акторно-сетевые конструкции коллективной исторической памяти // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 73–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.8>

Тема проведенного авторами исследования связана с тенденциями переформатирования исторической коллективной памяти, которая зачастую проводится на территории постсоветского пространства умышленно. Для достижения этих целей используются методы и технологии целенаправленного создания негативных информационных потоков; используются смыслы, направленные на эскалацию истории; разрабатывается символика и новые исторические медийные формы, мемы, иные приемы визуализации для формирования новых исторических стереотипов, разрушающих основы исторической памяти в массовом сознании.

Основной исследовательский вопрос проекта состоит в выявлении и анализе рисков в ситуации противостояния технологиям инфор-

мационных и когнитивных войн, которые формируют линии «цивилизационных разломов» с переформатированием исторических событий. Актуальность проводимого анализа также связана с определением механизмов создания новых историко-медийных смыслов в условиях моделирования альтернатив историческим событиям для трансформации исторической и политической карт мира [Howard, Parks 2012].

Главным образом данный процесс касается оценок Великой Отечественной войны и Победы как исторического и геополитического достижения России. Авторский исследовательский интерес обусловлен в первую очередь степенью двусмысленности оценок Великой Отечественной войны и, в частности, значении обороны Севастополя, появившимися-

ся в последнее время в медийном пространстве. Наблюдается создание спорных смысловых конструкций, замещающих и изменяющих фундаментальные исторические ценности российского общества.

Научная новизна исследования состоит в анализе содержательных и структурных характеристик неконвенциональных установок о роли Севастополя в исторической памяти о Великой Отечественной войне в сегменте Рунета, дискурсивных тематик информационных потоков Рунета, формирующих исторические установки о Победе.

В ходе ранее проведенного авторами киберметрического анализа было выявлено, что негативный тренд публичного дискурса о Великой Отечественной войне создается конфликтными элементами, разрушающими фундаментальные исторические ценности – незыблемость Победы в Великой Отечественной войне, гордость за военные и идейные достижения Отечества [Ярмак, Большакова, Савина 2021].

Авторы определяют коллективную память, которая формируется в цифровом обществе, как коллективно разделяемые репрезентации прошлого, создаваемые медийными визуализациями исторических событий [Ярмак, Большакова, Савина 2021].

В исторической коллективной памяти при формировании мемориальных конструкций была зафиксирована двойственность в сознании жителей Крыма. Авторы предполагают, что цифровой «мемориальный бум», развитие коммуникативных сетей и социальных медиа [Howard, Parks 2012], внедрение цифровых механизмов создания исторической повестки размывают «социальные рамки памяти» в коммуникациях и приводят к трансформации соотношения памяти индивида и внешних рамок.

Авторское наблюдение о том, что коллективная историческая память о Великой Отечественной войне формируется как сеть, позволило обратиться к акторно-сетевой теории, позволяющей определить, как коллективная память о Великой Отечественной войне формируется через переосмысление обороны и освобождения Севастополя, Победы в Великой Отечественной войне, советского народа как победителя, о роли советских полководцев, Сталина как руководителя СССР, о наследии Победы и т. д.

Коллективная память о Великой Отечественной войне как сеть в понимании акторно-сетевой теории

Обращение к акторно-сетевой теории позволяет определить, как трансформируются социальные действия под влиянием нечеловеческих акторов, и осуществить анализ ситуаций, создаваемых «невидимыми» технологиями. Новые форматы социальных взаимодействий меняют социальность, при этом отдельный человек перестает производить символы массового сознания, а манипуляцией смыслов занимаются коммуникативные сети. Содержание смысла меняется и рассматривается как событийная связь между реальностью и ее репрезентациями. Коллективная память в сознании начинает формироваться как «поток» невидимо, неощутимо через формирование визуальных образов и когнитивных символов.

Таким образом, концепция ANT предполагает новую концепцию смысла, где смысл является событием. Смысл начинает пониматься как универсальная модель, реализуемая в новом формате социальных взаимодействий.

В рамках нашего исследования смыслами наполняется историческая коллективная память, которая превращается в неструктурированный поток с новыми историческими символами и знаками. Социальные действия, обуславливающие исторические установки, получают переосмысление, новый символизм, становящийся новой социальностью с трансляцией «победобесия» и отказа от социальных и геополитических достижений в Великой Отечественной войне русского народа и советского государства.

Б. Латур пишет, что символы не фундаментальны: «Когда у них есть прочное основание, когда когнитивные способности достаточно инструментализированы и сильны, тогда, возможно, есть смысл придавать им такое значение, но не раньше» [Латур 2007, 87].

Акторно-сетевая концепция наблюдает следы, оставленные материальными и нематериальными акторами в результате социальных действий. Циркуляция смысловых отсылок одних событий к другим формируются, по терминологии ANT, в сети. Именно сети, как политико-коммуникативные (в категориях М. Кастель-

са), так и социальные, создают новую социальность и социальные ассоциации, которые разрушают монополию на манипуляцию смыслами. Согласно Латуру, доступ к «самой» реальности закрыт, а связь между вещами и словами прослеживается реферативно – события смысла сцеплены между собой [Латур 2007, 87]. Так, общество имеет дело не с самими действиями, а с их следами, которыми могут быть неожиданные события или события мирового масштаба, как, например, Вторая мировая или Великая Отечественная война.

Подобные события создают «новые» феномены. Когда события происходят, они «оседают» в обществе, сохраняются и могут быть сформированы в институты [Berger, Luckmann web]. Так, следы уникальны и принадлежат временному пространству. Совокупность следов формирует движение в пространстве и времени – траекторию. Такой траекторией выступает собственно коллективная историческая память, передающая из поколения в поколение те символы, которые сохраняются и «цементируются» в социуме.

Опасность состоит в том, что, когда такие следы формируют социальные конструкции и институты [Lippmann 2004], как в случае с символизмом Победы, они попадают под переформатирование и последующее разрушение. Данный процесс будет затрагивать не только следы коллективной исторической памяти, а и все пространство взаимодействия человеческих и нечеловеческих акторов, связанных с исторической памятью.

Одним из таких примеров трансформации следов выступают исторические нарративы. Например, «памятное место» – это место, где поведение человека связано с человеческими судьбами, переживаниями, воспоминаниями, которые проецируются посредством памятников. Или места памяти, которые возникают, когда «живая» коммуникативная память очевидцев событий сменяется культурной памятью.

Методика исследования неконвенциональных исторических информационных потоков

Для полноценной реализации задач исследования в проекте используется междисциплинарный подход. Киберметрический анализ ме-

дийного и информационного пространств позволил выявить новые тенденции формирования неконвенциональных исторических установок о Победе, в том числе и о роли Севастополя в исторической коллективной памяти. Используемый дискурсивный анализ информационных потоков в социальных сетях и микроблогах с учетом региональных особенностей Рунета позволил определить процесс формирования феномена коллективной памяти как новой социальности, как информационного потока, который не создается социальным окружением индивида, а появляется в его сознании неощутимо посредством нечеловеческих акторов.

Эмпирическая основа исследования – данные контент-анализа текстов российских интернет-ресурсов за февраль-май 2022 г., ориентированных на историческую тематику, дискурс о Победе, роли в ней Севастополя; дискурс-анализа собранных материалов. Было выявлено порядка 100 инфоповодов:

1. Федеральных ресурсов (RT (<https://russian.rt.com>), ИТАР ТАСС (<https://tass.ru>), РИА новости (<https://ria.ru>), Российская газета (<https://rg.ru>), МИР 24 (<https://mir24.tv>), ОТР (<https://otr-online.ru>), ТРК Царьград (<https://tverigrad.ru>), ИА Регнум (<https://regnum.ru>), порталы ТРК «Культура» (<https://www.culture.ru>), Российского географического общества (<https://www.rgo.ru>), Победа.РФ (<https://pobedarf.ru>), МВД РФ (<https://мвд.рф>), Росгвардии (<https://rosguard.gov.ru>), GOGOV (<https://gogov.ru>), KONKURENT.RU (<https://konkurent.ru>), «Момент истины» (<https://moment-istini.com>), Красная весна (<https://rossaprimavera.ru>), Глас народа (<https://glasnarod.ru>)).

2. Полуостровных:

2.1. Крымских (РИА Крым (<https://crimea.ria.ru>), Крым пресс (<https://crimeapress.info>), Керчь ФМ (<https://kerch.fm>), crimea9.ru).

2.2. Севастопольских (Informer (<https://ruinformer.com>), филиал «Комсомольской правды» (<https://www.sevastopol.kp.ru>), «Севкор» (<https://sevkor.ru>), Форпост (<https://sevastopol.su>), Слава Севастополя (<https://slavasev.ru>), Новый Севастополь (<https://new-sebastopol.com>), Без-Формата. Севастополь (<https://sevastopol.bezformata.com>), СевастопольМедиа (<https://sevastopolmedia.ru>), ТРК НТС (<https://sev.tv>)).

3. Региональных (приложение Город 24 (<https://gorod24.online>), <https://54rus.org> (Ново-

сибирск), <https://volgograd-trv.ru> (Волгоград), <https://bel.ru> (Белгород), <https://vorle.ru> (Орел), <https://www.mvestnik.ru> (Мурманск), <https://news.1777.ru> (Ставрополь), <https://ugorskinfo.ru> (Югра), <https://primpress.ru> (Владивосток)).

Поисковыми запросами стали контент-единицы, выявленные ранее в 4 информационных потоках:

1. Поток, связанный с общей темой Победы (ветераны Великой Отечественной войны / День Победы / Шествие «Бессмертного полка» / память Великой Отечественной войне / музеи / памятники / Севастополь / Победобесие).

2. Поток, связанный с социальной поддержкой ветеранов Великой Отечественной войны (ветераны ВОВ / суды / правительство Севастополя / льготы / выплаты).

3. Поток, связанный с битвой и освобождением Севастополя (Военно-морской флот / город-герой Севастополь / подводные лодки / битва за Севастополь / осада Севастополя / оборона Севастополя / освобождение Севастополя / роль Севастополя в Великой отечественной войне / потери Севастополя в Великой Отечественной войне).

4. Поток, связанный с памятью обороны и освобождения Севастополя, восстановлением города после войны (фронтовик / оборона Севастополя / защитники Севастополя / герои Великой Отечественной войны в Севастополе / память о жертвах ВОВ / бои за Крым и Севастополь / патриотизм / реконструкция / памятные мероприятия / историческая память Севастополя / патриотизм / символика Победы).

Одной из контентных единиц проведенного анализа была категория «победобесие», которые авторы понимают как информационную кампанию, направленную на дискредитацию и трансформацию Дня Победы [Курицын и др., 2020].

Было осуществлено их ранжирование по значимости и количеству охваченной аудитории, что позволило осуществить классификацию информационных потоков о Великой Отечественной войне, роли Севастополя в ней.

Результаты исследования

Исследование показало, что информационные потоки, формирующие коллективную историческую память, наполнены новым ис-

торическим содержанием. Явилось фактом, что информационные потоки имеют фрагментарную природу, формируются под влиянием гибридных технологий и цифровых инструментов [Yarmak et al. web].

Выявлено, что формирование коллективной памяти в цифровом обществе происходит с использованием медийных визуализаций исторических событий. В этой связи современная мемориальная культура не создает единых нарративов, а, наоборот, продуцирует смысловые расколы и разломы с актуализацией травматического опыта, сакральности, жертвенности и признания вины. Это, в свою очередь, приводит к расколу общества по историческим линиям. В связи с этим необходимо разрабатывать контрмеры технологиям создания линий цивилизационных разломов в условиях когнитивных войн.

Категоризация тем дискурса на тему Севастополя в Великой Отечественной войне подтвердила данный тезис. Непосредственно категории, связанные с исторической памятью, не формируют дискурс о ней. Он скорее формируется тематиками о социальной и финансовой поддержке ветеранов, поиском военных артефактов, восстановлением памятных мест (по которым происходит отдельная дискуссия). Непосредственно событие – День Победы – занимает ничтожно малое значение в дискурсе об исторической памяти о ней (см. рис. 1).

Облако тегов заголовков информационных поводов отразило первичность Севастополя в потоке. Равнозначными категориями в нем выступают как «Победа» и «Бессмертный полк», так и «выплаты ветеранам». Таким образом, современное состояние исторической коллективной памяти наполнено следами, формируемыми как фундаментальным событием – Победой в Великой Отечественной войне, так и событиями, имеющими политическую и социальную природу (см. рис. 2).

Такие составляющие «потока памяти» воздействуют на массовое сознание незаметно, создавая новые зрительные образы и предоставляя новые символы.

Выводы

Формирование альтернативных форм исторической коллективной памяти, новых визуальных и ментальных символов, искуст-

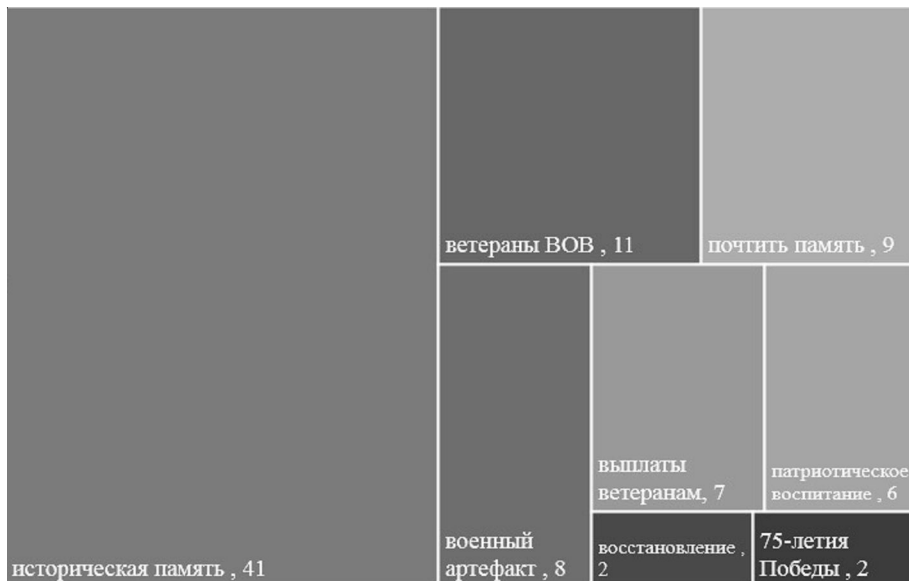

Рис. 1. Категоризация дискурса на историческую тематику о Победе, роли Севастополя в Великой Отечественной войне

Примечание. Составлено авторами.

Рис. 2. Облако тегов заголовков текстов интернет-ресурсов на историческую тематику о Победе, роли Севастополя в Великой Отечественной войне

Примечание. Составлено авторами.

венно замещающих настоящую историю, называют «революцией памяти». Процесс создания коллективной памяти о Великой Отечественной войне в основном связан с мероп-

риятиями поколенческой преемственности, с мемориальными событиями современности, и в меньшей степени – с усилением социальной значимости Дня Победы как основного

исторического символа коллективной памяти Отечества. С нашей точки зрения, в этом и состоит определенный риск потери основы коллективной памяти о Великой Отечественной войне – Победе в ней.

Понимание коллективной памяти о Великой Отечественной войне как сети позволило определить характеристики информационных кампаний, направленных на дискредитацию роли Советского государства, развенчание подвига советского народа и переосмысление праздника Победы посредством формирования «импорта повестки» за счет иностранных и иных информационных ресурсов. Выявление феномена «победобесия», формируемого в информационной повестке, направлено не только на дискредитацию Дня Победы, но и на трансформацию всех базовых ценностей российского общества и социумов постсоветского пространства [Воденко, Лабадзе, Тихоновскова 2020].

Результаты данного исследования могут быть полезны при мониторинге фальсификаций истории и манипуляций трактовок исторических событий в социальных медиа о Великой Отечественной войне, при пресечении попыток распространения в социальных медиа недостоверной (или полностью сфальсифицированной) информации о Второй мировой и Великой Отечественной войнах.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-411-920004 «Севастополь в исторической памяти о Великой Отечественной войне: анализ информационных потоков Рунета с использованием больших данных».

The research was funded by RFBR and the government of Sevastopol, project number 20-411-920004 “Sevastopol in Historical Memory of the Great Patriotic War: Analysis of Runet Information Flows Using Big Data”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воденко, Лабадзе, Тихоновскова 2020 – Воденко К.В., Лабадзе О.Е., Тихоновскова М.П. Историческая память в процессах политической модернизации полиэтничного социума // *Совре-*

менная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 12. С. 166–171. DOI: 10.37882/2500-3682.2020.12.08

Курицын и др. 2020 – Курицын А.Н., Лемэр Л.Г., Ашманов И.С., Гребенюк А.А. Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа. М.: Первое экон. изд-во, 2020. DOI: 10.18334/9785912923296

Латур 2007 – Латур Б. Об интеробъективности // *Социологическое обозрение*. 2007, Т. 6, № 2. С. 79–96.

Маклюэн 2007 – Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007.

Ярмак, Большакова, Савина 2021 – Ярмак О.В., Большакова М.Г., Савина З.С. Севастополь в конструкции коллективной исторической памяти: анализ информационных потоков Рунета с использованием big data // *Кант*. 2021. № 2 (39). С. 285–292.

Berger, Luckmann web – Berger P., Luckmann T. Social Construction of Reality // <http://perflensburg.se/Berger%20social-construction-of-reality.pdf>

Howard, Parks 2012 – Howard P.N., Parks M.R. Social Media and Political Change: Capacity, Constraint and Consequence // *Journal of Communication*. 2012. Vol. 62, № 12. P. 359–362. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01626.x>

Lippmann 2004 – Lippmann W. Public Opinion. N. Y.: Dover Publications.

Yarmak et al. 2021 – Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G., Savina Z.S. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis [The European Journal of Social & Behavioural Sciences. 2021. Vol. 30, № 2] // https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf

REFERENCES

Vodenco K. V., Labadze O. E., Tikhonovskova M. P., 2020. Historical Memory in the Processes of Political Modernization of Polyethnic Society. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*, vol. 12, pp. 166-171. DOI: 10.37882/2500-3682.2020.12.08

Kuritsyn A. N., Lemaire L. G., Ashmanov I. S., Grebenyuk A. A., 2020. *The Great Patriotic War: Falsification of History. Manipulations in Social Media*. Moscow, Pervoe ekon. izd-vo. DOI: 10.18334/9785912923296

Latour B., 2007. On Interobjectivity. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 6, no. 2, pp. 79-96.

- McLuhan M., 2007. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ.
- Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Savina Z.S., 2021. Sevastopol in the Construction of Collective Historical Memory: Analysis of Information Flows of the Runet Using Big Data. *Kant*, no. 2 (39), pp. 285-292.
- Berger P., Luckman T., 1995. *Social Construction of Reality*. URL: <http://perflensburg.se/Berger%20social-construction-of-reality.pdf>
- Howard P.N., Parks M.R., 2012. Social Media and Political Change: Capacity, Constraint and Consequence. *Journal of Communication*, vol. 62, no. 12, pp. 359-362. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01626.x>
- Lippmann W., 2004. *Public Opinion*. New York, Dover Publications.
- Yarmak O.V., Bolshakova M.G., Maranchak A.G., Savina Z.S., 2021. Sevastopol in the Historical Memory of the Great Patriotic War: Media Space Analysis. *The European Journal of Social & Behavioural Sciences*, vol. 30, no. 2. URL: https://www.europeanpublisher.com/data/articles/10000/10036/article_10000_10036_pdf_100.pdf

Information About the Authors

Olga V. Yarmak, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Social Communications, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, olga_yarmak@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5025-9112>

Mariya G. Bolshakova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, marie-mary@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9757-0162>

Zoya S. Savina, Specialist in Educational and Methodological Work, Assistant, Department of Social Communications, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, zoya.savina.1995@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7371-3384>

Anastasia G. Maranchak, Specialist of the Center for Sociological Research, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, amaranchak@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0421-8675>

Информация об авторах

Ольга Валерьевна Ярмач, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Социальные коммуникации», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, olga_yarmak@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5025-9112>

Мария Геннадьевна Большакова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, marie-mary@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9757-0162>

Зоя Сергеевна Савина, специалист по учебно-методической работе, ассистент кафедры «Социальные коммуникации», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, zoya.savina.1995@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7371-3384>

Анастасия Геннадьевна Маранчак, специалист Центра социологических исследований, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, amaranchak@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0421-8675>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.9>

UDC 316.775
LBC 60.504

Submitted: 13.06.2021
Accepted: 15.08.2022

INFORMATION POLICY OF LOCAL AUTHORITY IN INTERNET AS A FACTOR OF SOCIETAL REGULATION: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Elena N. Gogoleva

Tula State University, Tula, Russian Federation

Abstract. Influence of information on the social management is constantly increasing. Information policy in Russian local self-government system is a given of maintaining significant social relationships in municipality and a factor of the development of civil society. The interactive information policy contributes to the preservation of sensed-presence effect of local community in the public area, and to the setting new goals of the municipal development. Research problem is the lack of actual sociological facts about the abilities and limitations of organization and implementation of local information policy that are adequate to the needs of the local community. The goal of the sociological research is to define and evaluate content and functional characteristics of the local authorities work on keeping feedback with local community in the space of Internet. The methodological basis of the sociological research is the system approach under which local self-government analyzed as the open system in which interaction between social agents is supported through information. Discourse analysis as a method of qualitative empirical research has made it possible to identify the specifics of information representation by local governments on the Internet in the process of creating and maintaining an information and communication structure of social interaction. On the basis of the data obtained, insufficient information openness, interactivity and usability of the Internet sites of local governments were established, which complicates the development of intergroup ties and relations. The author focuses on the declarative realization of information policy in the sites that focuses on the one-sided vector of information and the dominance of the subject of management. The functionality of the Internet-sites is limited to the execution of ideological and legal functions while the local authorities do not pay the attention to the forming identity of local community members and their involvement in local government. These facts hinder societal regulation in the municipality that shows in unstable interaction in the process of state-public relations.

Key words: information, information policy, Internet-Site, societal regulation, local self-government, feedback, municipality, local community.

Citation. Gogoleva E.N. Information Policy of Local Authority in Internet as a Factor of Societal Regulation: Sociological Analysis. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 81-90. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.9>

УДК 316.775
ББК 60.504

Дата поступления статьи: 13.06.2021
Дата принятия статьи: 15.08.2022

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР СОЦИЕТАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Елена Николаевна Гоголева

Тульский государственный университет, г. Тула, Российская Федерация

Аннотация. Влияние информации на различные социальные процессы, систему социального управления постоянно возрастает. Информационная политика в современной России является условием поддержания значимых социальных отношений на местном уровне, фактором развития гражданского общества. Интерактивная информационная политика способствует сохранению эффекта присутствия в публичном пространстве большинства членов местного сообщества, формированию новых целей развития локальной

территории. Проблематика исследования заключается в отсутствии актуальной социологической информации относительно возможностей и ограничений организации и реализации адекватной потребностям населения информационной политики в местном самоуправлении. Цель работы состоит в определении и оценке содержательных и функциональных характеристик информационного обеспечения органов местного самоуправления в сети Интернет для организации обратной связи с населением. Методология социологического исследования основана на системном подходе, согласно которому местное самоуправление анализируется как открытая система, в которой посредством информации поддерживается взаимодействие между социальными агентами. Дискурс-анализ как метод качественного эмпирического исследования позволил выявить специфику репрезентации информации органами местного самоуправления в сети Интернет в процессе создания и поддержания информационно-коммуникативной структуры социального взаимодействия. На основе полученных данных был сделан вывод о недостаточной информационной открытости, интерактивности и юзабельности интернет-сайтов органов местного самоуправления, что затрудняет установление и воспроизводство межгрупповых связей и отношений. Автор акцентирует внимание на декларативной реализации органами местного самоуправления информационной политики в сети Интернет, которая концентрируется на одностороннем векторе информационного обеспечения и доминировании субъекта управления. Информационная деятельность сайтов ограничивается выполнением мировоззренческой и нормативно-правовой функций, в то время как идентификация членов местного сообщества, вовлечение населения в значимые местные процессы остаются за пределами внимания органов местного самоуправления. Можно утверждать, что выявленные ограничения информационной политики нарушают обратную связь, что негативно влияет на эффективность всего управленческого процесса на местном уровне и препятствует социетальной регуляции в муниципальном образовании.

Ключевые слова: информация, информационная политика, интернет-сайт, социетальная регуляция, местное самоуправление, обратная связь, муниципальное образование, местное сообщество.

Цитирование. Гоголева Е. Н. Информационная политика органов местного самоуправления в сети Интернет как фактор социетальной регуляции: социологический анализ // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 81–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.9>

Информация является неотъемлемым фактором социального развития: функционирование и развитие системы социального управления осуществляется только в результате информационного воздействия. Это связующее звено между объектом и субъектом управления, посредством которого обеспечивается подготовка управленческого решения и его реализация во внешней среде. При этом сила влияния информации на различные социальные процессы, процедуры выработки и принятия решений, формирование позитивного образа власти и отдельных политиков, повышение легитимности всей системы управления в целом постоянно возрастает. Получение, анализ, трансляция и эффективное использование информации – важнейшее условие функционирования власти.

Особое значение информация имеет для местного самоуправления. Трансформация социально-экономических условий, повышение значимости местного самоуправления в демократизации общества и улучшения качества жизни граждан обязывают местные органы власти активно использовать в своей деятель-

ности современные информационные технологии для обеспечения устойчивой обратной связи с местным сообществом. Недостаточный уровень и качество информационного обеспечения может негативным образом сказаться на социальной эффективности данного института в системе социального управления.

Проблемы, связанные с информационно-коммуникативной деятельностью местного самоуправления, являются наиболее актуальными в социологии. Тем не менее в научной литературе наблюдается преобладание трудов политико-правовой направленности, очевидна потребность в социологическом изучении данного вопроса, что обуславливает необходимость исследования информационной деятельности органов местного самоуправления как условия организации и регуляции социально значимых отношений в муниципальном образовании. Актуальность данной проблематики социологического исследования детерминирована происходящими в российском обществе изменениями как отражение основных проблем и тенденций социетальной организации в кризисный период.

Основу методологии исследования составляет системный подход, представленный трудами Т. Парсонса, Н. Лумана, К. Бейли, Д.М. Гвишиани, А.А. Давыдова [Парсонс 2018; Luhmann 1984; Baily 1994; Гвишиани 2007; Давыдов 2008] и др. Этот подход основывается на утверждении, что система является определенной сущностью, состоящей из взаимодействующих между собой частей. Целью и результатом данного взаимодействия выступает функционирование и развитие социальной системы как единого целого. В соответствии с этим подходом местное самоуправление выступает как открытая система, в которой посредством информации реализуются взаимодействия между внутренними элементами и внешними объектами (органы власти, население, структуры гражданского общества и т. д.). Информационные процессы здесь характеризуются двусторонностью передвижения сообщений, что означает не только передачу ключевых посланий во внешнюю среду, но и осуществление обратной связи с нею для организации наблюдения, контроля и управления состоянием всей системы. Поэтому на первый план в информационно-коммуникационном управлении выдвигается анализ и оценка реакций различных целевых аудиторий, что позволяет оперативно обнаруживать проблемы в коммуникации, устранять их, корректировать сообщения, адаптируя их к сложившейся ситуации.

Системные проблемы социетальной регуляции в российском обществе анализировались в трудах ведущих отечественных социологов – Т.И. Заславской, Н.И. Лапина, Ж.Т. Тощенко, И.А. Халий [Заславская 2003; Лапин 2018; Тощенко 2015; Халий (ред.) 2015]. Российскими социологами выявляются проблемы, условия и возможности осуществления информационной деятельности со стороны органов власти как существенного фактора кодификации и институционализации определенных социальных практик и форм поведения. При этом информационная политика выступает и как способ целевого воздействия, и как условие самоорганизации населения, что обеспечивает устойчивое функционирование всей системы политико-властных отношений.

В процессе изучения информационно-коммуникационных процессов в местном са-

моуправлении в качестве метода эмпирического исследования использовался качественный метод социологического исследования – дискурс-анализ интернет-сайтов. Посредством данного метода осуществлялось выявление явно присутствующих и отчетливо проявляющихся информационных характеристик официальных электронных страниц муниципального образования г. Тула. К основным переменным, позволяющим проанализировать функциональную и содержательную структуру электронных ресурсов, были отнесены следующие: достаточность и релевантность информации, информационная открытость, функциональность, интерактивность и юзабельность сайтов. Применение подобного метода социологического исследования позволяет продемонстрировать возможности и ограничения официальных интернет-страниц в процессе формирования и организации информационно-коммуникативной структуры социального взаимодействия для конструирования ценностно-ориентированного поведения акторов в системе местного самоуправления.

Необходимость социологического анализа социетальных аспектов формирования и функционирования информационной политики в местном самоуправлении обусловлена структурной динамикой российского общества, которая проявляется в появлении и включении в социальную структуру новых субъектов общественной жизни, их коммуникации и утверждения связанных с ними ценностей и форм гражданской активности. Информационная политика в связи с этим понимается как совокупность методов и способов информационного управления, направленных на организацию, регулирование и оптимизацию процессов информационного воздействия и взаимодействия между государством, обществом и личностью. Информационная политика влияет и определяет развитие и функционирование значимых социальных процессов, которые образуют своеобразную систему координат, а ее элементы формируют и упорядочивают матрицу повседневной жизни. На практике данные процессы представлены в смешанном виде, но в рамках научной статьи целесообразно их выявить по отдельности [Нугаев 2014, 87].

1. Мировоззренческий, когда информация выступает как способ формирования опреде-

ленных взглядов на мир, человека, социальные отношения и т. д. В силу того, что информация влияет на массовое сознание, вокруг определенных идей начинают создаваться конгломераты мифов, верований, стереотипов, все то, что составляет ядро доминирующей культуры в обществе.

2. Нормативный аспект, когда циркулирующая информация определяет образцы деятельности и нормы поведения. Распространение информации в обществе связано с ценностями и идеалами общества, с отношениями власти и управления, в то же время информация тесно связана социально-стратификационными процессами, определяя форму социального поведения, детерминируемую социальными ролями и статусами, средствами достижения успеха.

3. Легитимный, когда информация или усиливает, или ослабляет существующие в обществе политико-властные отношения, тем самым осуществляя воспроизводство наиболее действенных конвенциональных форм практической деятельности.

4. Идентификационный аспект, выражающийся в значении информации в процессе конструирования индивидуальной или групповой идентичности за счет формирования принадлежности человека к определенной группе и соответствующих этому свойств и качеств.

Указанные свойства информации, реализуемые как основные направления социетальной регуляции российского общества, позволяют утверждать, что информация – это важнейший компонент современного общества, ресурс его развития и трансформации. В системе взаимоотношений «общество – власть» местное самоуправление является и потребителем, и основным ее источником информации. Повседневная жизнь каждого человека связана с информацией; современный человек нуждается, ищет и получает разнообразные сведения о текущих политических, экономических, культурных и иных социальных процессах, о своих правах и обязанностях. Социум постепенно превращается в громадное коммуникационное сообщество, дифференцированное на различные группы «по интересам», соответственно информация выступает одновременно и новым способом построения социальной идентичности, и фактором, раз-

деляющим людей, отделяющим одних носителей социальных интересов от других. В связи с этим органы местного самоуправления выступают как важнейший элемент информационно-коммуникационной системы общества: они выступают и как субъект и как объект информационной политики государства, и как ресурс и потребитель социальной информации. Столь обширная и значимая деятельность на местном уровне позволяет утверждать, что информационная деятельность органов самоуправления определяет процесс согласования множества стихийно возникающих социальных интересов и потребностей, что является фактором развития гражданского общества, увеличения его субъектности.

Предоставление местными органами власти достаточной и релевантной информации о своих решениях, текущем состоянии дел, программах и планах муниципального развития, будет способствовать обеспечению информационной открытости и прозрачности власти на местном уровне. В условиях затрудненной коммуникации в системе государственно-властных отношений в современной России возрастает потребность в развитии интерактивной модели информационной политики, которая направлена на обеспечение и поддержание эффективной системы информированного взаимодействия социальных субъектов в рамках локальной территориальной единицы.

Социологическое исследование было направлено на выявление потенциала официальных сайтов органов местного самоуправления г. Тулы в процессе осуществления информационной политики в местном самоуправлении. Интернет в настоящее время трансформировал динамику социального взаимодействия, значимость информационно-коммуникационных процессов существенно выросла. При этом Интернет выступает не только как информационная среда, это новая структура информационно-коммуникационного общения, которая способствует развитию качественно новых возможностей для коммуникантов артикулировать и представлять свои интересы на местном уровне.

В настоящее время законодательство Российской Федерации обязывает органы местного самоуправления представлять ин-

формацию о своей деятельности на официальных сайтах в сети Интернет [Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ... web]. С этой точки зрения сайты Администрации г. Тулы и Тульской городской Думы выступают как фрагменты социальной реальности, как определенный способ взаимодействия, посредством которого локализуются и опредмечиваются определенные связи и отношения в муниципальном образовании. Оценка информативности сайтов, выявление способов организации обратной связи, структуры и содержания информации характеризуют уровень и качество информационного взаимодействия между социальными агентами и определяют социальную регуляцию жизни местного сообщества. Следует сразу отметить, что сайт Тульской городской Думы [Тульская городская Дума... web] не содержит всей необходимой информации о жизни местного сообщества, что затрудняет взаимодействие коммуникантов в рамках локальной территории. Несмотря на присутствие информации о принимаемых решениях данного органа, вряд ли можно говорить о возможности установления межгрупповых связей в муниципальном образовании, функционировании режима обратной связи. Недостатками сайта являются отсутствие прозрачной и понятной информации о бюджете и нормотворчестве, а также его низкая информативность. Сайт не очень удобен в использовании, затруднен поиск и сортировки информации по категориям, ведомствам и другим критериям. Присутствует только одна интерактивная функция – работа электронной приемной. В то же время обеспечение участия граждан в местном самоуправлении, содействие развитию местной демократии, общественное обсуждение явно не входят в зону «интересов» представительного органа местного самоуправления. Информационная деятельность городской Думы, воплощенная в практике функционирования интернет-сайта, не представляет собой необходимый ресурс для управления и выполнения определенных функций социальной организации местного сообщества. Содержательные и функциональные характеристики информационно-коммуникативной деятельности сайта не способствуют формированию мировоззрения членов локального сообщества, воспроизводству наибо-

лее действенных конвенциональных форм практической деятельности, а также конструированию индивидуальной или групповой идентичности. Результаты анализа сайта свидетельствуют о недостаточной информационной открытости органа местного самоуправления, что проявляется, во-первых, в низком уровне доступа к социально-политической информации, во-вторых, в недостатке обеспечения доступа субъектов гражданского общества к решению вопросов местного значения, в-третьих, отсутствии возможности участия местного сообщества в реализации общественного контроля над органами местного самоуправления. Далее характеризовать данный сайт не имеет большого смысла, поскольку его функционирование является лишь факультативным, «рамочным».

В большей степени на взаимоотношения с населением ориентирован сайт Администрации г. Тула [Администрация города Тулы... web]. Информационная деятельность, осуществляемая данным органом и находящая свое отражение на официальной странице в Интернете, способствует трансляции социально значимой информации для местного сообщества и определяет формирование групповой идентичности местного сообщества как определенной социальной группы с соответствующими свойствами и характеристиками.

Содержательно сайт Администрации г. Тула включает в себя следующие блоки: новости, культурно-историческая информация о городе, предоставлении муниципальных услуг, нормативно-правовая деятельность, структура органов местного самоуправления, электронная приемная. В добавлении к основному содержанию присутствует широкий блок общественно-полезной информации (о коронавирусной инфекции, образование, спорт, культура и туризм, дороги и транспорт, городское хозяйство, выплаты при рождении ребенка, информация для инвалидов и т. д.). Представленная информация соответствует требованиям Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ. Так, детально воспроизводится общая информация о деятельности органа, его нормотворчестве, кадровом обеспечении, статистика о муници-

пальном образовании; в блоке новости присутствуют сведения о взаимодействии органа со структурами гражданского общества, об участии органа местного самоуправления в различных программах и мероприятиях. Достаточно внушительно выглядит информационный блок по защите населения, в который включены сведения о динамике коронавирусной инфекции, безопасности на дороге, вопросах жизнеобеспечения и т. д. Вкладка «Общественная приемная» содержит всю необходимую информацию о порядке рассмотрения обращений граждан, а также ежемесячный анализ самих обращений и ответы на обращения, касающиеся широкого круга лиц. Однако существуют некоторые проблемы: 1) вкладка «Надзор» не функционирует, поэтому нет возможности получить актуальную информацию о результатах проверок, проведенных органом местного самоуправления; 2) отсутствуют сведения о международном сотрудничестве, официальных визитах и делегациях; 3) статистические сведения, хотя и весьма обширные, распределены по различным вкладкам, что затрудняет поиск нужной информации.

Информирование населения является минимально необходимым условием для формирования взаимодействия в системе местного самоуправления, по сути это «каркас» процесса социетальной регуляции. Однако этого явно недостаточно для развития субъектности и вовлеченности местного сообщества в систему социального управления, что отрицательным образом сказывается на социальной эффективности института местного самоуправления. В процессе исследования было зафиксировано, что информационное обеспечение со стороны Администрации г. Тула не является разнонаправленным процессом, подразумевающим обмен различными сообщениями по горизонтали и вертикали. В большей степени преобладает однонаправленный вектор информационного распространения, что обуславливает чрезмерное доминирование субъекта управления над объектом и нарушает систему взаимоотношений в местном самоуправлении. Кроме рассмотрения обращений граждан и электронного звонка, интеракция на официальном сайте практически не предусмотрена. Присутствует возможность оценки эффективности

исполнительно-распорядительного органа и его отдельных звеньев по различным направлениям, однако на практике это функция не работает. Это затрудняет организацию контроля населения над деятельностью этих структур, что препятствует осуществлению законодательных требований к функционированию местного самоуправления.

Функциональность сайта Администрации г. Тулы тоже находится не на оптимальном уровне. Опции, предлагаемые сайтом, – возможность подать обращение, электронная запись на прием, разъяснение правил работы с учетной записью на портале госуслуг, поиск и сортировка информации. Оформление документов, предоставление консультаций, координирование деятельности иных муниципальных служб онлайн сайт не предусматривает, что ограничивает его результативность. Развитие функций сайта, связанных с организацией и осуществлением обратной связи через улучшение средств обращения «напрямую» к муниципальным служащим, позволит увеличить доверие населения к местной власти, а как следствие, будет способствовать легитимации политико-властных отношений на местном уровне.

Еще одним критерием оценки интернет-сайта является его юзабилити, что характеризует уровень работы сайта, его навигацию, технические возможности. В целом данный ресурс отвечает требованиям удобства использования: оснащен хорошей навигацией, удобен, приятный дизайн в бежево-голубых тонах соответствует деловому стилю коммуникации, текст легко читается, хотя достаточно монотонно воспринимается в объемных документах. Однако версия для слабовидящих практически не отличается от стандартного варианта размещения информации, что определенно нарушает его юзабилити. Следует отметить отсутствие какой-либо интерактивности сайта, направленного на привлечение внимания посетителей. Конфигураторы, тесты и викторины, интерактивная инфографика были бы весьма востребованы и могли бы разнообразить официальный контент сайта, способствуя увеличению его эффективности, продуктивности и удобству использования.

Результаты социологического исследования демонстрируют, что информационная по-

литика, реализуемая местными органами власти посредством официальных электронных страниц, выражает актуальную информацию, позволяющую индивиду сформировать представления об общественно-политической жизни в знаках и координатах повседневной жизни, а периодический и массовый информационный смысловой обмен способствует репрезентации в местном сообществе дискурса, чувствительного к актуальным социальным изменениям. Тем не менее были обнаружены побочные отрицательные эффекты интернет-сайтов – дисфункциональные проявления социально-коммуникативной деятельности в муниципальном образовании:

1) слабая интерактивность электронной среды, что препятствует установлению двусторонней коммуникации между социальными агентами;

2) отсутствие условий для формирования коммуникативных установок на сотрудничество между органами местного самоуправления и местным сообществом, что негативно воздействует на публичность, дискуссионность, гласность процесса самоуправления;

3) недостаток необходимых качеств и свойств интернет-сайтов, обеспечивающих адекватное восприятие информационного сообщения;

4) эмоциональная недостаточность контактов, их обезличенность, что препятствует формированию доверия людей к получаемой информации в электронной среде.

Вследствие хаотического переплетения информации, обесценивающей механизмы коммуникации в системе местного самоуправления, постепенно утрачиваются рычаги информационного воздействия на позиции населения. При этом недостаток вовлеченности местного сообщества в информационную повестку дня, недостаток свободного обсуждения принимаемых решений способствуют появлению различных слухов и устойчивых мифов в общественном сознании, что в конечном счете порождает недоверие населения к местному самоуправлению, к системе власти в целом. Как следствие, сужается пространство публичной политики, местное сообщество не позиционируется как легитимный субъект управления, который имеет право на изменение социальной среды в соответствии

со своими целями и интересами, уменьшаются его возможности влиять на местную политику, в результате снижается социальная эффективность местного самоуправления. В этой ситуации возникает инертная социальная среда, отличающаяся низкой социальной активностью социальных субъектов, апатичным и лишенным инициативы социальным поведением. Такая социальная среда представляет наибольшую сложность в процессе социального регулирования и выступает как своеобразная форма социального протеста. При этом сам человек как актор трансформировался существенным образом: изменился образ его жизни, возможности коммуникации и интеракции с социумом; уровень его политической осознанности и компетентности значительно вырос. Указанное противоречие обуславливает возникновение латентной конфликтности в границах муниципального образования и формирует состояние социальной аномии, приводя к дезорганизации общественной жизни [Дроздова, Мартинсон 2020, 89].

В таких условиях реализация интерактивной информационной политики способствует развитию диалогового общения между властью и местным сообществом за счет организации межгруппового взаимодействия в процессе социального управления муниципальным образованием. При этом межгрупповое взаимодействие обуславливает развитие социальной идентичности членов местного сообщества, в том числе и представителей органов местного самоуправления, одновременно формируя и ограничивая пространство публичных отношений. Подобное взаимодействие обеспечивает необходимую системность всех социальных процессов и отношении на местном уровне, формируя замкнутый контур управления с обратной связью. Обратная связь как свойство самоуправленческой системы включает в себя всех субъектов общественной деятельности с выраженной готовностью к активному действию в процессе решения актуальных вопросов локальной территории [Богданов, Мерзляков 2018; Schmidhuber, Hilgers, Randhawa 2021].

Об актуальности данной проблемы свидетельствует тот факт, что в проекте Основ государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации до 2030 года особое внимание уде-

ляется инфраструктурному и информационно-коммуникационному развитию малых городов и сельских поселений для координации деятельности местных сообществ [Диденко, Бабичев 2020, 4–6]. Это значит, что организация интерактивной информационной политики на локальном уровне должна быть направлена на создание адекватного информационного пространства в системе местного самоуправления. Грамотная информационная политика, обладающая значительным адаптационным потенциалом, способствует удовлетворению основных потребностей населения и регуляции социально значимых отношений в муниципальном образовании. Достижение подобного состояния обуславливает интеграцию в практическую деятельность местного самоуправления двух базовых принципов обратной связи:

1) двойное информирование, когда органы самоуправления обеспечивают граждан актуальной и своевременной информацией о целях, направлениях и результатах развития муниципального образования, а жители информируют местную власть об условиях жизни, о своих потребностях и интересах;

2) взаимодействие в проектировании, когда органы местного самоуправления и инициативные группы разрабатывают базовые варианты проекта развития локальной территории, а местное сообщество оценивает эти варианты и выдвигает альтернативные предложения [Гоголева 2018, 27–28; Дридзе 1998, 44].

Данные меры будут способствовать развитию целостной системы информационной политики, включающей в себя такие направления, как информирование о разработке и реализации планов и программ развития муниципального образования, мониторинг и учет мнений «лидеров мнения», формирование каналов выражения общественного мнения. За счет интерактивной информационной политики будет развиваться индивидуальная и организационная агентность, где каждый актор (органы местного самоуправления, местное сообщество или отдельный человек) рассматривается как носитель определенных социальных практик и форм поведения, что позволяет ему выступать в качестве субъекта управления, обладающего «ресурсом влияния» на социальную среду. Благодаря подобной

трансформации местного самоуправления будут воспроизводиться необходимые для стабильного взаимодействия государственно-общественные отношения за счет установления режима диалога между различными субъектами общественной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Администрация города Тулы... web – Администрация города Тулы [Официальный портал Администрации города Тулы] // www.tula.ru
- Богданов, Мерзляков 2018 – *Богданов В.С., Мерзляков А.А.* Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 65–77. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6
- Гвишиани 2007 – *Гвишиани Д.М.* Избранные труды по философии, социологии и системному анализу. М.: Канон+, 2007.
- Гоголева 2018 – *Гоголева Е.Н.* Роль социолога в управлении обратной связью в городском самоуправлении // Новые контуры социальной реальности («VII Северо-Кавказские социологические чтения»): материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. С. 27–28.
- Давыдов 2008 – *Давыдов А.А.* Конкурентные преимущества системной социологии. М.: ИС РАН, 2008.
- Диденко, Бабичев 2020 – *Диденко А.Н., Бабичев И.В.* Местное самоуправление сегодня и среднесрочной перспективе // Местное право. 2020. № 4. С. 3–28.
- Дридзе 1998 – *Дридзе Т.М.* Социальная коммуникация в управлении с обратной связью // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 44–50.
- Дроздова, Мартинсон 2020 – *Дроздова Ю.А., Мартинсон Ж.С.* «Разобщенность близких душ»: социальная аномия территориальной общности в период социальных трансформаций // *Logos et Praxis*. 2020. Т. 19, № 1. С. 87–96. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.1.9>
- Заславская 2003 – *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003.
- Лапин 2018 – *Лапин Н.И.* Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9, № 4. С. 105–136. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.542>
- Нугаев 2014 – *Нугаев М.А.* Функции общественной идеологии в посттоталитарном обществе

- // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. и XII–XIII Дридзеvских чтений (г. Москва, 21–23 нояб. 2013 г.). М.: Ин-т социологии РАН, 2014. С. 85–88.
- Парсонс 2018 – *Парсонс Т.* Социальная система. М.: Акад. проспект, 2018.
- Тощенко 2015 – *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
- Тулская городская Дума... web – Тульская городская Дума [Официальный сайт муниципального образования город Тула] // <https://dumatula-city.ru>
- Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ... web – Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/
- Халий (ред.) 2015 web – Власть и общество в регионах России: практики взаимодействия: монография. М.: Ин-т социол. РАН, 2015.
- Baily 1994 – *Baily K.D.* Sociology and the New System Theory: Towards a Theoretical Synthesis. N. Y.: SUNY Press, 1994.
- Luhmann 1984 – *Luhmann N.* Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.
- Schmidhuber, Hilgers, Randhawa 2021 – *Schmidhuber L., Hilgers D., Randhawa K.* Public Crowdsourcing: Analyzing the Role of Government Feedback on Civic Digital Platforms // *Public Administration*. DOI: 10.1111/padm.12811
- materialy Vseros. nauch.-prakt. conf. Stavropol', Izd-vo SKFU, pp. 27-28.*
- Davydov A.A., 2008. *The Competitive Advantages of Systems Sociology*. Moscow, IS RAN.
- Didenko A.N., Babichev I.V., 2020. Local Self-Government Today and in the Medium Term. *Mestnoe pravo*, no. 4, pp. 3-28.
- Dridze T., 1998. Social Communication in Management with Feedback. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 44-50.
- Drozdova J.A., Martinson J.S., 2020. “Estrangement of Close Souls”: Social Anomie of Territorial Communities in Times of Social Transformation. *Logos et Praxis*, vol. 19, no. 1, pp. 87-96. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.1.9>
- Zaslavskaya T.I., 2003. *Societal Transformation of Russian Society: Activity and Structural Conception*. Moscow, Delo Publ.
- Lapin N.I., 2018. Hybrid Transition and a Demand for “Modernization for All”. *Vestnik Instituta sotziologii*, vol. 9, no. 4, pp. 105-136. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.542>
- Nugaev M.A., 2014. The Functions of Public Ideology in a Post-Totalitarian Society. *Modernizatsiya otechestvennoy sistemy upravleniya: analiz tendentsiy i prognoz razvitiya: materialy Vseros. nauch.-prakt. conf. i XII–XIII Dridzevskih chteniy (g. Moskva, 21–23 noyab. 2013 g.)*. Moscow, In-t sotsiologii RAN.
- Parsons T., 2018. *The Social System*. Moscow, Akad. prospect Publ.
- Toshchenko Zh.T., 2015. *Phantoms of Russian Society*. Moscow, Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga.
- Tula City Duma. *Ofitsialnyy sayt munitsipalnogo obrazovaniya gorod Tula*. URL: <https://dumatula-city.ru>
- Federal Law of Russian Federation of February 9, 2009, no 8-F3 “On Providing Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Authorities”*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602
- Halij I.A. (ed.), 2015. *Power and Society in the Regions of Russia: Practices Interaction*. Moscow, In-t sotsiologii RAN.
- Baily K.D., 1994. *Sociology and the New System Theory: Towards a Theoretical Synthesis*. New York, SUNY Press.
- Luhmann N., 1984. *Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt am Main, Suhrkamp.
- Schmidhuber L., Hilgers D., Randhawa K., 2021. Public Crowdsourcing: Analyzing the Role of Government Feedback on Civic Digital Platforms. *Public Administration*. DOI: 10.1111/padm.12811

REFERENCES

Tula City Administration. *Ofitsialnyy portal Administratsii goroda Tuly*. URL: www.tula.ru.

Bogdanov V.S., Merzlykov A.A., 2018. Diagnostics of the Potential of Social Participation in the Context of Organizing Feedback Between Authorities and Population. *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, no. 4 (4), pp. 65-77. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6

Gvishiani D.M., 2007. *Selected Works on Philosophy, Sociology and Systems Analysis*. Moscow, Kanon+ Publ.

Gogoleva E.N., 2018. The Role of a Sociologist in Feedback Management in City Self-Government. *Novye kontury social'noj real'nosti («VII Severo-Kavkazskie sociologicheskie chteniya»):*

Information About the Author

Elena N. Gogleva, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Prosp. Lenina, 92, 300012 Tula, Russian Federation, elenagog@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7050-3119>

Информация об авторе

Елена Николаевна Гоголева, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет, просп. Ленина, 92, 300012 г. Тула, Российская Федерация, elenagog@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7050-3119>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.10>

UDC 316.61
LBC 60.53

Submitted: 02.11.2021
Accepted: 15.08.2022

MEDICALIZATION OF DEVIATIONS AS A TOOL OF SOCIAL CONTROL

Tatyana G. Svetlichnaya

Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russian Federation

Elena A. Smirnova

Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

Abstract. The purpose of this study was to comprehend the phenomenon of medicalization of deviations as an instrument of social control in the context of liberalization of all spheres of society. In the course of the study, an analytical method was used in combination with a scientific-theoretical approach, materials from 56 sources of literature were analyzed. In modern society, there is more and more a tendency towards the spread of cruelty, crime, promiscuity, drug addiction. All these are the consequences of the fall of human spirituality, when not only the main human values, but also human life itself, are devalued. Against this background, discussions about the impact of medicine on people's lives are increasingly arising. The medical style of thinking is formed on a subconscious level. In a person's daily life, his dependence on medicine increases and even medical "labels" are attached to certain patterns of behavior. This situation has received the definition of "medicalization". The phenomenon of medicalization of deviations has a contradictory nature, which consists in the presence of both negative and positive social and medical meanings. On the one hand, its negative impact on people's daily life lies in the real ability of doctors to control the social behavior of people. The medical profession has a preferential right to exercise the social control function, owing to their professional powers to define and designate illness. As a result, they can subjugate the management of social processes, expanding their medical recommendations and prescriptions. On the other hand, the positive impact of the medicalization process lies in the prevalence of social control on the part of medical workers and, as a consequence, the replacement of open forms of violence with milder forms of coercion.

Key words: medicalization, social control, doctor, patient, socially dangerous action, psychiatry.

Citation. Svetlichnaya T.G., Smirnova E.A. Medicalization of Deviations as a Tool of Social Control. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 91-103. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.10>

УДК 316.61
ББК 60.53

Дата поступления статьи: 02.11.2021
Дата принятия статьи: 15.08.2022

МЕДИКАЛИЗАЦИЯ ДЕВИАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Татьяна Геннадьевна Светличная

Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск, Российская Федерация

Елена Алексеевна Смирнова

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Российская Федерация

Аннотация. Целью настоящего исследования явилось осмысление феномена медиализации девиаций как инструмента социального контроля в условиях либерализации всех сфер жизнедеятельности общества. В ходе проведения исследования был использован аналитический метод в сочетании с научно-теоретическим подходом, проанализированы материалы 56 источников литературы. В современном обществе все чаще наблюдается тенденция к распространению жестокости, преступности, распушенности, наркомании. Все это последствия падения духовности человека, когда обесцениваются не только главные общечеловеческие цен-

ности, но и сама человеческая жизнь. На этом фоне все чаще возникают дискуссии о влиянии медицины на жизнь людей. На подсознательном уровне формируется медицинский стиль мышления. В повседневной жизни человека возрастает его зависимость от медицины и даже происходит закрепление медицинских «ярлыков» за некоторыми паттернами поведения. Такая ситуация получила определение «медикализации». Феномен медикализации девиаций имеет противоречивую природу, заключающуюся в наличии как негативного, так и позитивного социального и медицинского смыслов. С одной стороны, его негативное влияние на повседневную жизнь людей заключается в реальной возможности врачей контролировать социальное поведение людей. Представители медицинской профессии обладают преимущественным правом на осуществление функции социального контроля, вследствие имеющихся у них профессиональных полномочий определять и обозначать болезнь. В результате они могут подчинять себе управление социальными процессами, расширяя свои медицинские рекомендации и назначения. С другой стороны, положительное влияние процесса медикализации заключается в преобладании социального контроля со стороны медицинских работников и как следствие – замещение открытых форм насилия на более мягкие формы принуждения.

Ключевые слова: медикализация, социальный контроль, врач, пациент, социально опасное действие, психиатрия.

Цитирование. Светличная Т. Г., Смирнова Е. А. Медикализация девиаций как инструмент социального контроля // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 91–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.10>

Постановка проблемы

В современной культурной парадигме, основанной на постмодернистской системе мышления, отрицающей истинность философских теорий и универсальность нравственных и культурных принципов, рассматривающей социальные институты как насилие над свободно мыслящей личностью, человек перестает быть высшей ценностью, а его жизнь – высшим благом [Реймер 2014, 16]. Тенденция к дегуманизации в либеральном обществе, проявляясь в широком распространении жестокости, преступности, распущенности, наркомании – последствий падения духовности человека, обесценивает не только главные общечеловеческие ценности, но и саму человеческую жизнь. «Потому что без бога да на свободе – ух чего можно в одночасье натворить» [Леонов 2013, 91]. Либерализация политической, экономической и социальной сфер жизни общества сопровождается сокращением круга действия или отменой запретительных, карательных и репрессивных законов и ограничений, то есть уменьшением масштабов государственного контроля над отдельной личностью, социальными группами и обществом в целом, с одновременным усилением социального контроля. При этом традиционные формы социального контроля (религия, община, брак, семья) заменяются социальным контролем медицины.

В либеральном обществе объективность понятия адекватности поведения все чаще за-

меняется формулой «на Ваше усмотрение», подразумевающей наличие у человека права на самостоятельное определение нормы и патологии. В таких условиях одной из особенностей современного образа жизни становится расширение границ нормативного поведения в сторону девиаций и психической патологии [Менделевич 2015а, 84]. В результате в обществе наблюдается появление двух параллельных тенденций. Первая тенденция заключается в увеличении числа лиц, психологические особенности которых становятся причиной возникновения конфликтов [Короленко, Дмитриева 2009, 248]. Вторая тенденция состоит в постоянном увеличении перечня психических заболеваний: гемблинг, интернет-аддикция, синдром дефицита внимания с гиперактивностью, биполярное аффективное расстройство, расстройство аутистического спектра и др.

Расширение границ нормативного поведения в современном либеральном обществе, с одной стороны, делает актуальным пересмотр методов диагностики со снижением количества регистрируемых психопатологических явлений, в то время как с другой, наблюдается четко выраженная тенденция к увеличению числа психиатрических и наркологических диагнозов. За последние 70 лет их число увеличилось почти в три раза. Так если в первой классификации психических расстройств (1952) содержалось 106 диагнозов, то в новых классификациях – 297 и 282 соответственно. Тенденцию к увеличению числа

диагнозов одни ученые [Менделевич 2000, 167; Менделевич 2004, 518; Менделевич 2010а, 24; Менделевич 2010б, 98; Менделевич 2010в, 97; Менделевич 2016, 10; Савенко 1996, 55] объясняют нарастающим процессом психопатологизации (психиатризации) феноменов обыденной жизни и необходимостью выделения в связи с этим новых поведенческих расстройств в разряд классифицируемых по DSM. Другие считают этот факт результатом продолжающегося процесса институализации психиатрии, суть которого заключается в помещении за границы нормальности ранее существовавших явлений повседневной жизни посредством обозначения их диагнозами [Великанова 2017, 58; Фуко 2006, 79]. И в том, и в другом случае придание этим явлениям статуса ненормального через диагностирование существенно расширяет поле контролируемых психиатрией явлений, подвергая их процессу медикализации.

Целью настоящего исследования явилось осмысление феномена медикализации девиаций как инструмента социального контроля в условиях либерализации всех сфер жизнедеятельности общества. В ходе проведения исследования был использован аналитический метод в сочетании с научно-теоретическим подходом, проанализированы материалы 56 источников литературы.

Результаты и их обсуждение

Одним из главных предназначений социальных норм и ценностей общества является блокировка деструктивных действий его членов. Любое поведение, отклоняющееся от нормы, называют девиантным [Салтыкова-Волкович 2016, 24].

Социальная девиация или девиантное поведение – это «поведение человека, отклоняющееся от общепринятых, социально одобряемых и устоявшихся норм в определенных сообществах в определенный период их развития» [Тарутина, Хабибулин web]. Ученые сообщают о «существовании наряду с традиционными видами аддиктивного поведения (алкоголизмом, наркотической зависимостью, проституцией) новых его разновидностей (телефонной, поведенческой, пищевой, Интернет и игровой)» [Мкртычева 2015а, 51; Мкртычева

ва 2015б, 108]. Информационная эволюция общества и становление общества потребления, нарушение социализации личности [Тарутина, Хабибулин web] называются в качестве основных причин их появления.

М.В. Салтыкова-Волкович [Салтыкова-Волкович 2016, 25] девиантное поведение рассматривает с точки зрения: 1) наличия у человека психопатологии или 2) отклонения от морально-нравственных норм. В.В. Ковалев определил три типа возникновения девиаций: «социально-психологические, клинко-психопатологические и личностно-динамические» [Ковалев 1981, 608]. Ф. Патаки в качестве ядра девиантного поведения выделил алкоголизм, наркоманию, проституцию и преступность. Преддевиантный синдром, предвещающий отклоняющееся поведение, по мнению автора, включает в себя «аффективное поведение, семейные конфликты, агрессивное поведение, низкий уровень интеллектуальных способностей и др.» [Патаки 1987, 102].

Н.В. Майсак классифицирует все формы девиаций «по характеру направленности и проявления и по степени социального одобрения» [Майсак 2009, 167]. Так, Ц.П. Короленко и Т.А. Донских наряду с деструктивным поведением выделяют поведение, оказывающее конструктивное влияние на развитие общества [Короленко, Донских 1990, 224], а Ю.А. Клейберг добавил социально-нейтральные девиации, обеспечивающие повышение материальных доходов, не нарушая общепринятых норм. В качестве примера автор приводит такую форму девиации как попрошайничество [Клейберг 1997, 146].

Основоположник современной девиантологии французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858–1917) изучал проблемы социальной дезорганизации, социальных патологий, преступности, социального контроля, социальной интеграции. Несоответствие целей человека и средств их достижения приводит к разрушению социальных и моральных норм, а также социальных связей. Такое состояние общества Э. Дюркгейм определил как аномия, способствующее дезорганизации людей и нарушению общественного порядка. Как следствие, повышается уровень социальных девиаций [Дюркгейм 1994, 399]. Однако вместе с отрицательной оценкой отклоняющегося поведения

автор выделяет и его положительное значение. Подтверждая роль социальных норм, девиации способствуют их совершенствованию. При этом большая роль в регулировании поведения личности отводится коллективному сознанию. В случае угрозы национальным ценностям и идеалам общество объединяется и «чем больше коллективное сознание регламентирует социальную жизнь общества, тем теснее связь индивида с группой. Аномия свидетельствует о нарастающей угрозе – заболевании общественного организма» [Парсонс 1998, 18].

Толкотт Парсонс (1902–1979), оценивая значение норм, отмечал их социально-регулятивную функцию и императивный характер. Социальные нормы конкретизированы к эталонной ситуации. Ученый определял аномию как «состояние дезорганизации, при котором нормы, призванные координировать индивидуальное поведение, разрушены» [Парсонс 1998, 18]. Социальные и экономические инновации влекут за собой все большее возникновение норм: «Люди не успевают привыкнуть к одним нормам, как рождаются другие» [Добренков, Кравченко 2005, 26].

Теория аномии Э. Дюркгейма получила дальнейшее развитие в работах Р. Мертон (1910–2003). Причину девиантного поведения ученый видел в «существовании объективного противоречия между целями индивидуального развития, на которых общество сосредоточивает свое внимание, и практическими средствами их достижения, которые имеются у личности согласно социальному положению в обществе» [Мертон 2006, 880]. Определяя типы девиантного поведения, основывался на двух критериях: приверженность культурным целям и средства достижения целей [Мертон 2006, 359].

Социальный контроль посредством санкций обеспечивает единство поведения членов общества с социальными предписаниями и регулирует различные сферы его жизнедеятельности. Р.Э. Парк (1864–1944), Э. Берджес (1886–1966) и Э. Хьюз (1897–1983) считали, что социальный контроль «никогда не может обеспечить постоянное состояние равновесия в обществе», но «всегда действует таким образом, чтобы привести тот или иной конфликт к соглашению и подчинить индивидов необходимым требованиям социального порядка»

[Козер 2006, 277]. Как следствие влияние социального контроля на индивида способствует росту диванного поведения в обществе.

Представителями теории стигматизации являются И. Гофман (1922–1982) и Г. Беккер (1930–2014). Наибольшую популярность теория обрела в середине XX в., согласно которой влиятельные социальные группы (законодатели, судьи, врачи и пр.) могут ставить «клеймо девиантов» членам менее влиятельных групп общества. Общество, принимая правила, нарушение которых составляет отклонение от нормы, сами создают девиантность. Отклонение от нормы является лишь субъективной общественной оценкой, а наклеивание «ярлыков» создает условия к дальнейшему девиантному поведению. По мнению Э. Лемерта (1912–1996) и Г. Беккера, такой индивид воспринимается как неудачник, другие члены общества нередко его опасаются и осуждают. Все это может способствовать усилению агрессии, преступному поведению, формированию аддикций и суициду [Шестаков 2006, 561]. Поэтому ««невозможно «искоренить», «ликвидировать», «преодолеть» негативное девиантное поведение и отдельные его виды» [Глинский 2009, 143; Лилухин и др. 2019, 200]. Формы социального контроля ограничивающие негативное проявление «целесообразны с позиций адекватности природе и происхождению аддиктивного поведения» [Чернобровкина 2015, 64].

Элиот Фрейдсон (1923–2005) существенно дополнил имевшиеся научные представления о смысле социального контроля, осуществляемого психиатрией. Ученый охарактеризовал ее как «моральное действие, разграничивающее патологические поступки людей на две основные группы: за одни из них следуют меры юридического характера, за другие – медицинского» [Freidson 1970, 410]. При этом «в одни времена общество такие поступки криминализует, в другие, определив болезнью, лечит, в третьи, воспринимая нормой, легализует» [Светличная, Смирнова 2017, 148], но «даже и в этом случае психиатрия сохраняет за собой функцию социального контроля». Так, например, «отказ психиатров считать гомосексуальность болезнью не привел к полной демедиализации этого состояния» [Conrad 2007, 200], которое до середины про-

шлого столетия было включено в перечень психической патологии. Основанием для постановки диагноза становится сам факт неадекватного поведения, а людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией принудительно госпитализировали и лечили в психиатрическом стационаре. Изменение общественного мнения переориентировало и психиатрический взгляд на проблему. В настоящее время «сама по себе ориентация по полу не рассматривается в качестве расстройства» [Психические расстройства... web], которым признается лишь то, что «пациент страдает от сомнений в собственной половой принадлежности или ориентации по полу, что приводит к тревоге или депрессии» [Психические расстройства... web].

И. Гофман выделял следующие виды отклонений девиантов [Шестаков 2006, 561]: а) физические; б) психические недостатки; в) расовые, этнические, религиозные особенности; г) моральный и статусный облик.

В процессе социального взаимодействия человек приобретает знания, взгляды, принципы, усваивает правила поведения одобряемые обществом. Когда это соответствие нарушается, ослабевают привязанности индивида к социальным связям, возникает девиация. Теория социального контроля Трэвиса Хирши (1935–2017) [Hirschi 2002, 329] предполагает, что большинство людей предрасположены к девиантному поведению, но их привязанность к социальным группам сдерживает их отклоняющееся от нормы поведение. Р. Бэрн (1943) и Д. Ричардсон (1941) в качестве основных источников девиации определяют семью, опыт взаимодействия с окружающими и масс-медиа. При взаимодействии с людьми индивид также познает и ценности, и методы преступного сообщества. По мнению авторов теории (Эдвина Х. Сазерленда (1883–1950) [Sutherland, Cressey, Luckenbill 1992, 696], А. Бандура (1925–2021) [Бандура 2000, 320], Р. Бэрн, Д. Ричардсон [Бэрн 2001, 352]), общаясь с преступником человек, учится ценить девиацию. Причем вероятность проявления отклоняющегося от нормы поведения зависит от частоты, продолжительности и интенсивности их взаимодействия. Изменение условий может предотвратить формирование девиации.

Биологическая теория Ч. Дарвина (1809–1882) и его последователей Р. Фишера (1943–

2008) и Дж. Миллера (1920–2012) обосновывает потребность деструктивного взаимодействия в обществе для обеспечения репродукции при ограниченности ресурсов в популяции в условиях «недостатка пищи или дефиците брачных партнеров» [Шатыр и др. 2017, 137].

Автор биосоциологической теории Цезаре Ломброзо (1835–1909) опираясь, на положения дарвинизма, предположил о «существовании связи между преступным поведением человека и его биологическими особенностями» [Ломброзо 2005, 149]. Выделенным им внешние особенности и психологические характеристики позволили описать «криминального типа человека». Появилась возможность «идентифицировать преступника до совершения им правонарушения. Это выступающая нижняя челюсть, низкий лоб, взгляд исподлобья, сплюснутый нос, большие челюсти, пониженная чувствительность к боли» [Ломброзо 2005, 264]. Для них характерны «болезненные влечения и сильные эмоции, подавленность нравственных чувств, которые заставляют их, при соответствующих обстоятельствах, совершать преступления» [Ломброзо 2005, 264]. Позже учение о прирожденном преступнике подверглась критике, а репутация ученого серьезно пострадала после использования его идей нацистами.

Представители социально-психологической теории формирования отклоняющегося от норм поведения (К.Р. Бэрн (1832–1906), З. Фрейд (1856–1939), К. Хорни (1885–1952), Э. Фромм (1900–1980), Д. Ричардсон (1941), И.А. Фурманов (1960)) объяснили этот феномен неустойчивостью психики, фрустрацией, тревогой, авторитаризмом, подстрекательством со стороны окружающих, агрессией [Бандура 2000, 320; Бэрн 2001, 352], «расторженностью влечений, низким уровнем эмоционально-волевого контроля» [Рычкова 2000, 96]. К. Лоренц (1903–1989) оправдывая агрессивное поведение, выдвинул гипотезу о наделении человека не только врожденным инстинктом борьбы, но и способностью подавлять свои агрессивные побуждения [Лоренц 1994, 219].

Обсуждение и выводы

Теория стигматизация нашла свое продолжение и в наши дни, когда все чаще гово-

рят о распространении в обществе феномена медикализации. Суть этого процесса заключается в том, что любое состояние или поведение специалистами трактуется как медицинская проблема, врачам присваивается функция социального контроля, происходит закрепление медицинских «ярлыков» за некоторыми человеческими свойствами или типами поведения, что способствует манипулированию социальными ролями индивида, создавая в обществе дополнительные риски. Так, разработка диагностических классификаций психических и поведенческих расстройств (МКБ, DSM) происходит на основе учета сложившихся в обществе устойчивых представлений о норме и отклонении от нее.

Вместе с тем недостаточная четкость и достоверность, например, диагностических критериев поведенческих расстройств и девиаций поведения способствует расширению полномочий медицинских работников, усиливая медикализацию нехимических аддикций. Ситуация усугубляется частым сочетанием нехимических зависимостей с другими психическими заболеваниями. Это могут быть аффективные, обсессивно-компульсивные расстройства, расстройства личности, неврозы и химические зависимости.

Поскольку аддиктивность определяется как «навязчивая потребность в повторении определенных действий, сопровождающаяся явно выраженными физиологическими и психологическими отклонениями, нетривиальным поведением и прочими нарушениями психики», постольку ее коррекцией занимается медицина, а именно психиатрия и наркология. Начало социального конструирования реальной действительности связано с постановкой психиатрического диагноза, который ставится на основании наличия у человека психопатологических симптомов [Менделевич 2016, 11]. По мнению ученых [Атаджыкова, Ениколопов 2015, 77; Pinna et al. 2015, 5], до сих пор в психиатрии сохраняется «недостаточная научная убедительность процедуры причисления психических и поведенческих феноменов к кругу болезненных и включение их в диагностические системы» [Менделевич 2017, 5]. Объективная составляющая проблемы диагностики в психиатрии, заключающаяся в невозможности подтверждения симпто-

мов с помощью инструментально-лабораторных методов [Дмитриева 2012, 622; Лебедева и др. 2013, 234]. Субъективная составляющая состоит в расхождении оценочных суждений большинства психиатров в отношении диагностических критериев психических и поведенческих расстройств [Freedman et al. 2013, 2]. В действительности для постановки психиатрического диагноза часто является достаточной произвольная интерпретация поведения человека как выходящего за рамки социальных норм общества [Менделевич 2019, 52]. Все это способствует расширению полномочий медицинских работников, усиливая медикализацию нехимических аддикций [Менделевич 2015б, 12]. В результате существенно возрастает зависимость повседневной жизни людей от психиатрии. Она заключается в возможности закрепления психиатрических «ярлыков» за поведением людей и их последующей стигматизацией, ведущей к ограничению к общественной жизни.

В отечественной научной литературе термин «медикализация» стал применяться с начала 2000-х годов. Однако его научное философское и медицинское осмысление началось в 1990-х гг. с развитием наук социология медицины и биоэтика. Особое научное направление в рамках развития этих научных дисциплин составили исследования правовых и этических аспектов оказания психиатрической помощи, одной из особенностей которой является патерналистская модель взаимоотношений врач-пациент. В существующей психиатрической практике поставленный психиатром диагноз не может быть оспорен пациентом, его родственниками или обществом. Психиатрическая власть, заключающаяся в праве психиатра на постановку психиатрического диагноза, простирается далеко за пределы медицины, обуславливая стигматизацию больного и закрепляя за ним место в поле ненормальности. Рост социального контроля со стороны психиатрии обусловлен наличием устойчивой тенденции к постепенному смещению в психиатрический дискурс многих социальных явлений, не относящихся к проблематике здоровья и болезни. При этом история убедительно свидетельствует о том, что с течением времени «психиатрическая власть», значительно

трансформируясь по форме, продолжает усиливаться по содержанию.

Особенно сильной психиатрической властью была во времена СССР, когда психиатрия, ставшая «орудием борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании закона за то, что они мыслят иначе, чем это предписано» [Подрабинек 1979, 192], использовалась для подавления суждений, отличающихся от принятых в обществе и насаждаемых государством [Швачкина 2011, 72]. При этом жизненная позиция таких людей интерпретировалась как плод болезненного воображения [Виденева и др. 2015, 169], а сообщаемая ими информация подвергалась сомнению [Подрабинек 1979, 190]. Поводом для постановки психиатрического диагноза и лечения у психиатра становился широкий круг суждений: от критических высказываний о существующем политическом строе до веры в Бога и стремления уехать за границу [Швачкина 2011, 77]. Применяемые методы психиатрического воздействия подрывали физическое и психическое здоровье инакомыслящих людей, не имея никаких медицинских показаний для назначения. Только благодаря принятию Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 № 3185-1 карательная психиатрия в нашей стране прекратила свое существование. Одновременно было вскрыто множество фактов злоупотреблений психиатрами профессиональной властью. В настоящее время при поступлении в психиатрический стационар больному в обязательном порядке предоставляется для подписи документ о согласии на медицинское лечение. При его отсутствии окончательное решение о принудительной госпитализации принимает суд, основываясь на заключениях врачей. Если больные представляют опасность для себя или окружающих, Закон дает медицинским работникам право связывать больных и ограничивать их передвижения. Одновременно Государственная Дума РФ приняла поправки в Кодекс административного судопроизводства РФ, закрепляющие полномочия прокурора по инициированию принудительной госпитализации граждан в психиатрические больницы. Прокурору также дано право на обращение с иском о продлении срока принудительной госпитализации. В ре-

зультате создается парадоксальная ситуация, когда медицинские работники будут вынуждены лечить пациента в случае, когда они для этого не находят медицинских оснований. Достоточной будет являться лишь инициатива прокурора, например, на основании сообщения полиции, соседей или родственников. Данная ситуация не исключает возможности злоупотребления лечением и содержанием в изоляции психически здорового человека.

Факт наличия психиатрического диагноза в криминальных ситуациях исключает возможность применения к человеку мер уголовного преследования [Петров и др. 2015, 150]. Установление психиатрического диагноза ведет к изменению социального статуса девианта. В случае совершения психически больным человеком общественно опасного деяния (ООД) и судебно-психиатрической экспертизы (СПЭ) пришла к выводу, что он находился в состоянии невменяемости, то преступник освобождается от уголовной ответственности (ч. 2 ст. 21 УК РФ). Суд, основываясь на рекомендации СПЭ, назначает ему принудительное лечение в психиатрическом учреждении (ст. 99 УК РФ). Раз в 6 месяцев психиатрами проводится комиссия по решению вопросов о принудительном лечении и в зависимости от состояния больного принимается решение о прекращении, продлении, усилении или переводе на более щадящий режим лечения. Медицинские рекомендации излагаются в акте, направляемом в суд. Становясь пациентом, вместо социального отторжения и дискриминации он обретает статус больного человека, нуждающегося в медицинской помощи, оформлении листка нетрудоспособности и даже медико-социальном освидетельствовании для определения группы инвалидности. Вместе с тем установление психиатрами ярлыка-диагноза оборачивается для девианта стигматизацией, но уже на основании психиатрического диагноза [Менделевич 2016, 11]. Следствием является назначение психофармакотерапии и проведение диспансерного наблюдения с фактическим ограничением прав. Реализуемый в этом случае социальный контроль со стороны психиатров, способствуя исчезновению в обществе открытых форм насилия, заменяет их на более мягкие формы принуждения [Фуко 2006, 80]. Так осуществ-

ляется преимущественное право психиатров по выполнению функции социального контроля, реализуемого вследствие имеющихся у них профессиональных полномочий.

Заключение

Таким образом, медиализация девиаций как инструмент социального контроля со стороны психиатрии обусловлена наличием у психиатров профессионального права на постановку диагноза, назначение специфической медикаментозной терапии и режима лечения. Однако сам факт возникновения феномена медиализации связан с возможностью превращения любого социально неприемлемого отклонения в болезнь, корректируемую с помощью психиатрических вмешательств [Светличная, Смирнова 2017, 150].

Основными агентами медиализации по определению являются врачи. Однако со временем их доминирующая роль несколько уменьшается вследствие существенного роста числа заинтересованных в медиализации социальных групп. В ней участвуют «фармацевтические компании, средства массовой информации, агенты страховой медицины, поставщики новых биомедицинских технологий и сами потребители их продуктов» [Светличная, Смирнова 2017, 155].

С течением времени масштабы медиализации значительно увеличиваются. Основной причиной является рост распространенности нарушений психического здоровья, вызванных, с одной стороны, ускоренными темпами развития научно-технического прогресса, а с другой – духовно-нравственным кризисом современного общества на фоне либерализации всех сфер жизнедеятельности. В этих условиях развитие феномена медиализации девиаций получает новые основания и стимулы [Светличная, Смирнова 2020, 62].

Особенно опасной по своим последствиям является медиализация изменений / отклонений в образе жизни и условиях жизнедеятельности современного человека, ведущая к тому, что медицинское вмешательство становится единственной логической рефлексией на них. И это несмотря на то, что причины возникшего в жизни человека когнитивного, эмоционального и поведенческого дисбалан-

са, трактуемого как медико-психологическая проблема, могут являться исключительно социальными. Специфика ситуации заключается в том, что если социальный контекст жизненной проблемы человека не будет своевременно разрешен, ее медицинский аспект будет возвращаться вновь и вновь.

Феномен медиализации девиаций имеет противоречивую семантическую природу, заключающуюся в наличии как негативного, так и позитивного социального и медицинского смыслов. При этом негативный смысл медиализации девиаций преобладает над позитивным. Он состоит в передаче социумом врачам-психиатрам права на решение некоторых социальных проблем, формулируемых в контексте медицинского дискурса, возможные способы реализации которых осуществляются путем лечения и профилактики, не исключая применение карательных функций. В результате существенно возрастает зависимость повседневной жизни людей от психиатрии. Она заключается в возможности закрепления психиатрических «ярлыков» за некоторыми типами девиантного поведения и их последующей стигматизацией, ограничивающие возможность полноценной общественной жизни. При этом следует учитывать тот факт, что в случаях положительных девиаций проблема заключается не в поведении человека, а в социальном отношении к нему. Поскольку для каждого человека является естественным некоторое отклонение от общепринятых норм в той или иной ситуации, и это отклонение не является свидетельством о наличии патологии. Следствием стигматизации является исключение некоторых социальных групп из нормального процесса жизнедеятельности и социального взаимодействия, ухудшение качества и потеря смысла жизни.

Положительный смысл феномена медиализации девиаций состоит в более гуманном отношении общества к лицам, страдающим социально опасными психическими расстройствами, путем применения к ним более «мягких форм» социального принуждения. Однако приносимое врачами психиатрами несомненное благо может легко превратиться в зло, если количество медицинских психиатрических вмешательств (из самых добрых побуждений) будет продолжать неуклонно расти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атаджыкова, Ениколопов 2015 – *Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.* Развитие концепта психопатии в отечественной и зарубежной психологии (обзор литературы) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2015. № 8. С. 77–86.
- Бандура 2000 – *Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
- Бэрон 2001 – *Бэрон Р.* Агрессия. СПб.: Питер, 2001.
- Великанова 2017 – *Великанова Л.В.* Медикализация как способ институализации безумия // Актуальные вопросы экологии человека: социальные аспекты. Уфа: Изд-во автоном. некоммерч. орг. «Исследовательский центр информационно-правовых технологий», 2017. С. 54–59.
- Виденева и др. 2015 – *Виденева А.В., Иоголевич В.А., Назарова Н.Л., Фомичев М.Н.* Психиатрические лечебницы как элемент карательной системы советского тоталитарного государства // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 165–176.
- Глинский 2009 – *Глинский Я.* Глобализация, девиантность, социальный контроль: сб. ст. СПб.: ДЕАН, 2009.
- Дмитриева 2012 – *Дмитриева Т.Б.* Психиатрия: национальное руководство. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012.
- Добреньков, Кравченко 2005 – *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Фундаментальная социология. В 15 т. Т. 6. Социальные деформации. М.: ИНФРА-М, 2005.
- Дюркгейм 1994 – *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
- Клейберг 1997 – *Клейберг Ю.А.* Социальные нормы и отклонения. М.: Вита-Пресс, 1997.
- Ковалев 1981 – *Ковалев В.В.* Психиатрия детского возраста. М.: Медицина, 1981.
- Козер 2006 – *Козер Л.А.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006.
- Короленко, Дмитриева 2009 – *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009.
- Короленко, Донских 1990 – *Короленко Ц.П., Донских Т.А.* Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск: Наука, 1990.
- Лебедева и др. 2013 – *Лебедева И.С., Ахадов Т.А., Семенова Н.А., Бархатова А., Каледа В.* На пути к мультидисциплинарному синтезу в психиатрии: методы нейровизуализации // Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы (К 85-летию Юрия Федоровича Полякова). М.: МГППУ, 2013. С. 229–235.
- Леонов 2013 – *Леонов Л.М.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. Вор. М.: Книговек, 2013.
- Лилухин и др. 2019 – *Лилухин А.М., Баблюян Н.В., Катаян А.С., Лебедева Д.С.* Аддиктивное поведение как разновидность девиации: социологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 199–202.
- Ломброзо 2005 – *Ломброзо Ч.* Преступный человек. СПб.: Мидгард, 2005.
- Лоренц 1994 – *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс: Универс, 1994.
- Майсак 2009 – *Майсак Н.В.* Диагностика и коррекция личностных особенностей подростков с девиантным поведением. Астрахань: Астрах. ун-т, 2009.
- Менделевич 2000 – *Менделевич В.Д.* Поведенческие расстройства или девиации поведения // Психиатрия и психофармакотерапия. 2000. № 6 (2). С. 166–168.
- Менделевич 2004 – *Менделевич В.Д.* Психиатрическая пропедевтика. М.: МЕДпресс-информ, 2004.
- Менделевич 2010а – *Менделевич В.Д.* Психопатологизация наркологических расстройств как доминирующая парадигма отечественной наркологии // Независимый психиатрический журнал. 2010. № 3. С. 21–27.
- Менделевич 2010б – *Менделевич В.Д.* Аддиктивное влечение: теоретико-феноменологическая оценка // Наркология. 2010. № 5. С. 94–100.
- Менделевич 2010в – *Менделевич В.Д.* Влечение как влечение, бред как бред // Вопросы наркологии. 2010. № 5. С. 95–102.
- Менделевич 2015а – *Менделевич В.Д.* Проблема диагностики психических и поведенческих расстройств в эпоху постмодернизма // Экспериментальная психология. 2015. № 3. С. 82–90.
- Менделевич 2015б – *Менделевич В.Д.* Психиатрия в эпоху аддиктологии: новые диагностические и терапевтические реалии // Неврологический вестник. 2015. Т. XLVII. Вып. 2. С. 5–15.
- Менделевич 2016 – *Менделевич В.Д.* Классификация психических расстройств vs. систематика поведенческих девиаций: медикализация как тренд // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 2016. № 1. С. 10–16.
- Менделевич 2017 – *Менделевич В.Д.* Больничный по педофилии и инвалидность по наркомании // Неврологический вестник. 2017. № 3 (XLIX). С. 5–10.
- Менделевич 2019 – *Менделевич В.Д.* Что дает пациенту психиатрический диагноз и основан ли

- тренд на увеличение числа болезней? // Неврологический вестник. 2019. № 1 (LI). С. 52–54.
- Мертон 2006 – *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006.
- Мкртычева 2015а – *Мкртычева К.Б.* Трудоголизм: социально-приемлемая или социально-опасная аддикция? // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 1. С. 51–55.
- Мкртычева 2015б – *Мкртычева К.Б.* Биосоциальные аспекты формирования аддикции от фаст-фуда // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 4. С. 108–110.
- Парсонс 1998 – *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Патаки 1987 – *Патаки Ф.* Некоторые проблемы отклоняющегося (девиантного) поведения // Психологический журнал. Т. 8, № 4. 1987. С. 92–103.
- Петров и др. 2015 – *Петров В.И., Пантелеева Н.В., Кралько А.А., Кулешова Е.А., Лукьянчик Е.Н.* Психиатрия – наука о лечении души или орудие борьбы с инакомыслием...? (правовые аспекты) // История военной медицины. 2015. № 1 (34). С. 148–151.
- Подрабинек 1979 – *Подрабинек А.П.* Карательная медицина. Нью-Йорк: Хроника, 1979.
- Психические расстройства... web – Психические расстройства и расстройства поведения (F00 – F99). Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации // https://petrovsk-dd.edu.yar.ru/docs/dokumenty_psihologa/mkb_10_adaptirovanniy_dlya_rf_1998.pdf
- Реймер 2014 – *Реймер М.В.* Биоэтика в культурной парадигме постмодернизма // Биоэтика. 2014. № 1 (13). С. 13–16.
- Рычкова 2000 – *Рычкова М.А.* Деадаптивное поведение детей: диагностика, коррекция, психопрофилактика. М.: ГНОМ и Д, 2000.
- Савенко 1996 – *Савенко Ю.С.* Психиатризация массового сознания // Независимый психиатрический журнал. 1996. № 2. С. 55–70.
- Салтыкова-Волкович 2016 – *Салтыкова-Волкович М.В.* Причины и особенности девиантного поведения // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2016. № 15. С. 24–28.
- Светличная, Смирнова 2017 – *Светличная Т.Г., Смирнова Е.А.* Теоретико-концептуальные подходы и результаты эмпирического изучения феномена медиализации (обзор литературы) // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 3. С. 145–160. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.17>
- Светличная, Смирнова 2020 – *Светличная Т.Г., Смирнова Е.А.* Социальные стереотипы использования лекарственных средств трудоспособным населением промышленного города // Экология человека. 2020. № 1. С. 59–64.
- Тарутина, Хабибулин web – *Тарутина Д.А., Хабибулин Р.Г.* Девиантное поведение: причины, виды и формы проявления [Студенческий научный форум – 2015: материалы XII Международ. студ. науч. конф.] // <https://scienceforum.ru/2020/article/2018021894>
- Фуко 2006 – *Фуко М.* Рождение социальной медицины. Интеллектуалы и власть. В 3 ч. Ч. 3: избр. полит. ст., выступления и интервью. М.: Практик, 2006.
- Чернобровкина 2015 – *Чернобровкина Н.И.* Уровни и стратегии социального контроля девиантного поведения индивидов и групп // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2015. № 1 (18). С. 62–66.
- Шатыр и др. – *Шатыр Ю.А., Мулик И.Г., Улесикова И.В., Деларю В.В., Мулик А.Б.* Систематизация факторов формирования социальных девиаций // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 3. С. 136–144. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.16>
- Швачкина 2011 – *Швачкина Л.А.* Форма светской гуманности и практики милосердия в новейшее время: психотерапия // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2011. № 2. С. 72–77.
- Шестаков 2006 – *Шестаков Д.А.* Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006.
- Conrad 2007 – *Conrad P.* The Medicalization of Society: On the Transformation of Human Conditions into Treatable Disorders. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007.
- Freedman et al. 2013 – *Freedman R., Lewis D.A., Michels R., Pine D.S., Schultz S.K., Tamminga C.A., Gabbard G.O., Gau S.S.-F., Javitt D.C., Oquendo M.A., Shrout P.E., Vieta E., Yager J.* The Initial Field Trials of DSM-5: New Blooms and Old Thorns // Am. J. Psychiatry. 2013. № 170. P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2012.12091189>
- Freidson 1970 – *Freidson E.* Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge. N. Y.: Dodd, Mead Gabe, 1970.
- Hirschi 2002 – *Hirschi T.* Causes of Delinquency. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2002.
- Pinna et al. 2015 – *Pinna F., Vecchio V.D., Luciano M., Sampogna G., De Rosa C., Ferrari S., Pingani L., Tarricone I., Volpe U., Carra G., Roncone R., Catapano F., Fiorillo A.* Shall Psychiatry Change Its Target? Reflections on the Evolving Role of

- Psychiatry// RivPsihiatr. 2015. Vol. 50, № 1. P. 3–7.
DOI: 10.1708/1794.19524
- Sutherland, Cressey, Luckenbill 1992 – Sutherland E., Cressey D., Luckenbill D. Principles of Criminology. N. Y.: General Hall, 1992.
- REFERENCES**
- Atadzhykova Ju.A., Enikolopov S.N., 2015. Development of the Concept of Psychopathy in Domestic and Foreign Psychology (Literature Review). *Vestnik YuUrGU. Seriya: Psikhologiya*, no. 8, pp. 77-86.
- Bandura A., 2000. *Social Learning Theory*. Saint Petersburg, Eurasia Publ.
- Beron R., 2001. *Aggression*. Saint Petersburg, Piter Publ.
- Velikanova L.V., 2017. *Medicalization as a Way to Institutionalize Insanity. Topical Issues of Human Ecology: Social Aspects*. Ufa, Izd-vo avtonom. nekommerch. org. «Issledovatel'skiy tsentr informatsionno-pravovykh tekhnologiy», pp. 54-59.
- Videneva A.V., Iogolevich V.A., Nazarova N.L., Fomichev M.N., 2015. Psychiatric Hospitals as an Element of the Punitive System of the Soviet Totalitarian State. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost*, no. 8, pp. 165-176.
- Glinskij Ya., 2009. *Globalization, Deviance, Social Control: A Collection of Articles*. Saint Petersburg, DEAN Publ.
- Dmitrieva T.B., 2012. *Psychiatry: National Guide*. Moscow, GEOTAR-Media Publ.
- Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I., 2005. *Fundamental Sociology. In 15 Vols. Vol. 6. Social Deformations*. Moscow, INFRA-M Publ.
- Dyurkgejm E., 1994. *Suicide: A Sociological Study*. Moscow, Mysl' Publ.
- Klejberg Yu.A., 1997. *Social Norms and Deviations*. Moscow, Vita-Press Publ.
- Kovalev V.V., 1981. *Child Psychiatry*. Moscow Meditsina Publ.
- Kozer L.A., 2006. *Masters of Sociological Thought. Ideas in a Historical and Social Context*. Moscow, Norma Publ.
- Korolenko C.P., Dmitrieva N.V., 2009. *Homo Postmodernus. Psychological and Psychological Disorders in the Postmodern World*. Novosibirsk, Izd-vo NGPU.
- Korolenko C.P., Donskih T.A., 1990. *Seven Ways to Disaster: Disruptive Behavior in the Modern World*. Novosibirsk, Nauka Publ.
- Lebedeva I.S., Akhadov T.A., Semenova N.A., Barkhatova A., Kaleda V., 2013. Towards a Multi Disciplinary Synthesis in Psychiatry: Neuroimaging Methods. *Meditsinskaya (klinicheskaya) psikhologiya: traditsii i perspektivy (K 85-letiyu Yuriya Fedorovicha Polyakova)*. Moscow, MGPPU, pp. 229-235.
- Leonov L.M., 2013. *Collected Works. In 6 Vols. Vol. 2. The Thief*. Moscow, Knigovek Publ.
- Lilyuhin A.M., Babloyan N.V., Katayan A.S., Lebedeva D.S., 2019. Addictive Behavior as a Kind of Deviation: A Sociological Analysis. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski.*, no. 1, pp. 199-202.
- Lombrozo Ch., 2005. *A Criminal Person*. Saint Petersburg, Midgard Publ.
- Lorenc K., 1994. *Aggression (The So-Called "Evil")*. Moscow, Progress Publ., Univers Publ.
- Majsak N.V., 2009. *Diagnostics and Correction of Personality Traits of Adolescents with Deviant Behavior*. Astrakhan, Astrakh. un-t.
- Mendelevich V.D., 2000. Behavioral Disorders or Behavioral Deviations. *Psikhiatriya i psikhofarmakoterapiya*, no. 6 (2), pp. 166-168.
- Mendelevich V.D., 2004. *Psychiatric Propaedeutics*. Moscow, MEDpress-inform Publ.
- Mendelevich V.D., 2010a. Psychopathologization of Narcological Disorders as the Dominant Paradigm of Domestic Narcology. *Nezavisimyy psikhiatricheskij zhurnal*, no. 3, pp. 21-27.
- Mendelevich V.D., 2010b. Addictive Attraction: A Theoretical and Phenomenological Assessment. *Narkologiya*, no. 5, pp. 94-100.
- Mendelevich V.D., 2010v. Attraction as Attraction, Delirium as Delirium. *Voprosy narkologii*, no. 5, pp. 95-102.
- Mendelevich V.D., 2015a. The Problem of Diagnosing Mental and Behavioral Disorders in the Postmodern Era. *Eksperimentalnaya psikhologiya*, no. 3, pp. 82-90.
- Mendelevich V.D., 2015b. Psychiatry in the Age of Addictology: New Diagnostic and Therapeutic Realities. *Nevrologicheskij vestnik*, vol. 47, iss. 2, pp. 5-15.
- Mendelevich V.D., 2016. Classification of Mental Disorders vs. Systematics of Behavioral Deviations: Medicalization as a Trend. *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoy psikhologii*, no. 1, pp. 10-16.
- Mendelevich V.D., 2017. Hospital for Pedophilia and Disability for Drug Addiction. *Nevrologicheskij vestnik*, no. 3 (49), pp. 5-10.
- Mendelevich V.D., 2019. What Does a Psychiatric Diagnosis Give a Patient and is the Trend Based on an Increase in the Number of Diseases? *Nevrologicheskij vestnik*, no. 1 (51), pp. 52-54.
- Merton R., 2006. *Social Theory and Social Structure*. Moscow, AST Publ., Keeper Publ.

- Mkrtycheva K.B., 2015a. Workaholism: Socially Acceptable or Socially Dangerous Addiction? *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*, no. 1, pp. 51-55.
- Mkrtycheva K.B., 2015b. Biosocial Aspects of the Formation of Addiction from Fast Food. *Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki*, no. 4, pp. 108-110.
- Parsons T., 1998. *The System of Modern Societies*. Moscow, Aspect Press Publ.
- Pataki F., 1987. Some Problems of Deviant Behavior. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 8, no. 4, pp. 92-103.
- Petrov V.I., Panteleeva N.V., Kralko A.A., Kuleshova E.A., Lukyanchik E.N., 2014. Psychiatry – the Science of Treating the Soul or a Tool for Combating Dissent...? (Legal Aspects). *Istoriya voennoy meditsiny*, no. 1 (34), pp. 148-151.
- Podrabinek A.P., 1979. *Punitive Medicine*. New York, Chronika Publ.
- Mental Disorders and Behavioral Disorders (F00 - F99). ICD-10 Class V, Adapted for Use in the Russian Federation*. URL: https://petrovsk-dd.edu.yar.ru/docs/dokumenty_psihologa/mkb_10_adaptirovanniy_dlya_rf_1998.pdf
- Reimer M.V., 2014. Bioethics in the Cultural Paradigm of Postmodernism. *Bioetika*, no. 1 (13), pp. 13-16.
- Rychkova M.A., 2000. *Maladaptive Behavior of Children: Diagnosis, Correction, Psychoprophylaxis*. Moscow, GNOM i D Publ.
- Savenko Yu.S., 1996. Psychiatry of Mass Consciousness. *Nezavisimyy psikiatricheskii zhurnal*, no. 2, pp. 55-70.
- Saltykova-Volkovich M.V., 2016. Causes and Features of Deviant Behavior. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki*, no. 15, pp. 24-28.
- Svetlichnaya T.G., Smirnova E.A., 2017. Theoretical and Conceptual Approaches and Results of Empirical Study of the Phenomenon of Medicalization (Literature Review). *Logos et Praxis*, vol. 16, no. 3, pp. 145-160. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.17>
- Svetlichnaya T.G., Smirnova E.A., 2020. Social Stereotypes of the Use of Medicines by the Able-Bodied Population of an Industrial City. *Ekologiya cheloveka*, no. 1, pp. 59-64.
- Tarutina D.A., Habibulin R.G. Deviant Behavior: Causes, Types and Forms of Manifestation. *Studencheskii nauchnyy forum – 2015: materialy XII Mezhdunar. stud. nauch. konf.* URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018021894>
- Fuko M., 2006. *The Birth of Social Medicine. Intellectuals and Power. In 3 pt. Pt. 3: Selected Political Articles, Speeches and Interviews*. Moscow, Praxis Publ.
- Chernobrovkina N.I., 2015. Levels and Strategies of Social Control of Deviant Behavior of Individuals and Groups. *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii*, no. 1 (18), pp. 62-66.
- Shatyr Yu.A., Mulik I.G., Ulesikova I.V., Delaryu V.V., Mulik A.B., 2017. Systematization of Factors in the Formation of Social Deviations. *Logos et Praxis*, vol. 16, no. 3, pp. 136-144. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.16>
- Shvachkina L.A., 2011. The Form of Secular Humanity and the Practice of Mercy in Modern Times: Psychotherapy. *Vestnik MGOU. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 2, pp. 72-77.
- Shestakov D.A., 2006. *Criminology: New Approaches to Crime and Crime: Criminal Laws and Criminological Laws. Countering Crime in a Changing World*. Saint Petersburg, Yurid. tsentr Press.
- Conrad P., 2007. *The Medicalization of Society: On the Transformation of Human Conditions into Treatable Disorders*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press.
- Freedman R., Lewis D.A., Michels R., Pine D.S., Schultz S.K., Tamminga C.A., Gabbard G.O., Gau S.S.-F., Javitt D.C., Oquendo M.A., Shrout P.E., Vieta E., Yager J., 2013. The Initial Field Trials of DSM-5: New Blooms and Old Thorns. *Am. J. Psychiatry*, no. 170, pp. 1-5. DOI: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2012.12091189>
- Freidson E., 1970. *Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge*. New York, Dodd, Mead Gabe.
- Hirschi T., 2002. *Causes of Delinquency*. New Brunswick, N.J., Transaction Publishers.
- Pinna F., Vecchio V. Del, Luciano M., Sampogna G., De Rosa C., Ferrari S., Pingani L., Tarricone I., Volpe U., Carra G., Roncone R., Catapano F., Fiorillo A., 2015. Shall Psychiatry Change Its Target? Reflections on the Evolving Role of Psychiatry. *RivPsichiatr*, vol. 50, no. 1, pp. 3-7. DOI: [10.1708/1794.19524](https://doi.org/10.1708/1794.19524)
- Sutherland E., Cressey D., Luckenbill D., 1992. *Principles of Criminology*. New York, General Hall.

Information About the Authors

Tatyana G. Svetlichnaya, Doctor of Sciences (Medicine), Professor, Department of Public Health, Health Care and Social Work, Northern State Medical University, Prosp. Troitsky, 51, 163000 Arkhangelsk, Russian Federation, statiana64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6563-9604>

Elena A. Smirnova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Cherepovets State University, Prosp. Sovetskiy, 8, 162600 Cherepovets, Russian Federation, Smirnova56@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9383-0649>

Информация об авторах

Татьяна Геннадьевна Светличная, доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социальной работы, Северный государственный медицинский университет, просп. Троицкий, 51, 163000 г. Архангельск, Российская Федерация, statiana64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6563-9604>

Елена Алексеевна Смирнова, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет, просп. Советский, 8, 162600 г. Череповец, Российская Федерация, Smirnova56@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9383-0649>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре.

Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания.

В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Рубрика журнала «Философия» соответствует отрасли науки 09.00.00 Философские науки, рубрика журнала «Социология и социальные технологии» соответствует отрасли науки 22.00.00 Социологические науки.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20989.

Стоимость подписки на II полугодие 2022 года 1 322 руб. 48 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the field of Human, Social and Cultural

Sciences. The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the

basis of peer review system.

The journal heading “Philosophy” corresponds to academic branch 09.00.00 Philosophical Sciences, the journal heading “Sociology and Social Technologies” corresponds to academic branch 22.00.00 Sociological Sciences.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20989.

The cost of subscription for the 2nd half of 2022 is 1322.48 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала «Logos et Praxis» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://psst.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

**CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LOGOS ET PRAXIS***

1. The Editorial Staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical. The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail. The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly. The review usually takes 8 weeks.
- For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").**
-
-

ISSN 2587-9715

9 772587 971004

56 >